

На мечте нет проклятия бытия

Евгений Водолазкин о славе писателя, небесной механике и любви стр. 18–19

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1830 году
при участии А. С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№ 1–2

(6917)

17–23 января 2024

www.lgz.ru 12+

Выходит по средам

9 770233 430004

В НОМЕРЕ

6•7 Герой вне времени

Посол России в Республике Беларусь
Борис Грызлов о великом просветителе
XIX века Иосифе Семашко.

8 Синее море на Фонтанке

Громкая премьера Семёна Спивака
в Петербургском Молодёжном театре
по пьесе Теренса Рэттигана.

12•13 Пацанские страсти

«Слово пацана» никого не оставило рав-
нодушным. Публикуем разные мнения:
и восторженные, и скептические, и за-
интересованные, и...

ЭПОХА

Великий актёр, человек, гражданин

Ушёл Юрий Соломин (1935–2024)

ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ / РИА НОВОСТИ

t.me/literurnayagazeta

ЧИТАЙТЕ «ЛГ»

В СОЦСЕТЯХ!

vk.com/litgazeta

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ЕСЛИ ПО-ЧЕСТНОМУ

Вероника Крашениникова,
политический аналитик, исследователь

Ода
разуму

Год 2024-й стартовал с места в карьер. США, хотя Байден был в отпуске, а глава Пентагона Остин в больнице, успели побомбить в Йемене силы хуситов, которых считают «инструментом Ирана». Прошли выборы на Тайване, где главой избрали кандидата от правящей партии, которого Пекин называл зачинщиком опасной войны. Британский премьер Сунак подписал «гарантии безопасности» киевскому режиму, договор не очень ясный, но звонкий. Президент Франции сменил премьер-министра и главу МИД – ими стала гей-пара его партийных соратников. Если цель – выставить путь для прихода к власти Ле Пен, у Макрона это отлично получается.

В России же морозы проверили на прочность трубы ЖКХ, и не везде хозяйство проверку выдержало: аварии от Подмосковья до Дальнего Востока заставили мёрзнуть целые районы. Досадно, поскольку пропаганда обещала, что замёрзнет Европа, а не россияне.

России предстоят выборы в марте – тут без сурпризов, Евросоюзу – в июне, и можно ожидать успеха крайне правых партий, которые теперь совсем не евроскептики, а хотят взять Европу под контроль. Наконец, в ноябре выборы в США – судьбоносные (как их заранее называют) и для Америки, и для участников конфликтов в мире, в частности на Украине. Что выгодно нам? Говорят, хуже «либералов» нет никого на свете, значит, их противники нам друзья.

Такой линейный, незамутнённый фактурой ход мыслей, наверное, удобен. Но имеет малое отношение к очень сложной реальности. Вон как некогда радовались «брекзиту» – а его застрельщик Борис Джонсон сорвал попытку мирного соглашения с Украиной в марте 2022 года, и СВО длится почти два года. Но это не мешает снова верить и помогать «нашему» Дональду Трампу.

Две вещи очевидны и предсказуемы: нестабильность и рост насилия. Мировые кризисы заставили двигаться тектонические плиты, мы вступили в период повышенной активности, «взрываться» будет часто. Время и места сложно предвидеть: все факторы на разных уровнях просчитать практически невозможно. Но на фоне кризисов к власти будут приходиться всё более радикальные силы, ибо социал-демократия как «капитализм с человеческим лицом» уже не даёт нужную капиталу норму прибыли.

Что же возможно? Можем яснее сознавать сложность момента, быстрее адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и по возможности сами их задавать. Причём задавать, исходя не из желаемой действительности, которую даёт телевизор, а из реальной, не всегда приятной для уха и глаза. Пропаганда же без умолку трещит по каждому крупному и мелкому поводу, особенно мелкому. Ведь какое удовольствие поготовят над гей-властью во Франции или шефом Пентагона в больнице!

Более того. Телеканалы выводят в эфир «тяжёлую артиллерию»: всё чаще по разуму граждан бьют астрологи, нумерологи и гадалки в ассортименте. Подобных манипуляторов привлекали в самые сложные моменты истории, вспомните Кашпировского и Чумака в 1989–1992 годы. Напршивается вопрос: неужели сейчас всё так плохо? Казалось, нет.

Гремучая пропаганда и экстрасенсы хороши, чтобы уничтожать мышление, внушать людям беспомощность, «отключать» от реальности, сковывать волю. Но разве это нужно для победы?

Разум, знания и компетенции, трезвый рассудок и сознание, холодная голова и тонкий расчёт, выдержка и способность не поддаваться на провокации – вот что принесёт нам победу. ■

Точка зрения автора
может не совпадать с позицией редакции

АКТУАЛЬНО

На крыло!

Точка зрения эксперта на проблемы авиаотрасли

Правительство утвердило новый инвестпроект по развитию авиационной промышленности. Дополнительно из Фонда национального благосостояния (ФНБ) планируется выделить более 280 млрд рублей на техническое перевооружение предприятий, увеличение мощностей, проведение опытно-конструкторских работ и создание новых материалов и электронной компонентной базы. О новых задачах, стоящих перед авиастроением, мы беседуем с заведующим кафедрой конструкции и проектирования летательных аппаратов Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева профессором Владимиром Гайнутдиновым.

– Владимир Григорьевич, авиаперевозчики ещё летом 2014 года начали говорить, что пора переходить на собственный авиапарк. Почему же их не услышали?

– Перевозчикам с точки зрения выгоды безразлично, на чём летать. Ситуация изменилась по не зависящим от них причинам. Тезис, который был когда-то провозглашён, что гораздо лучше и дешевле покупать импортные самолёты, с началом СВО стал неактуальным.

Самолёт нужно поддерживать в исправном состоянии, только тогда он будет летать и приносить прибыль. А нам эти возможности обрезали. Авиация – это отрасль, в которой заложены регламенты, контроль качества, испытания, обеспечивающие безопасность. В том числе и для самолётов, которые уже находятся в эксплуатации. Я, например, без опаски летаю. Если воздушное судно проходит тщательный регулярный техосмотр, не так принципиально, сколько ему лет.

– Удастся нам достичь показателей, заданных в программе развития авиационной отрасли?

– Начинать нужно со средней школы. С физики и математики.

Нужно вкладывать деньги в оснащение. Сравните Харбинский технологический институт, с которым мы сейчас сотрудничаем, и наш университет. В Китае во многих вузах есть аэродинамические сверхзвуковые трубы непрерывного действия. Это энергозатратная вещь. У нас это даже не труба, а установка, которая может обеспечить сверхзвуковой импульс в течение не более чем одной секунды (после этого нужен перерыв для следующего накопления сжатого воздуха в резервуаре), не говоря уже о размерах сечения рабочей камеры, в которую можно поместить только очень-очень маленький образец. Китайские аэродинамические сверхзвуковые трубы по сравнению с нашей установкой – это как люксовый автомобиль по сравнению со ржавым старьём. Я понимаю, когда деньги за рубеж выводят частные компании, но когда государство выводило деньги, а не вкладывало их в развитие инфраструктуры, – мне это непонятно.

– А в чём заключается ваше сотрудничество с Харбинским технологическим институтом?

– Наш университет занимается, помимо прочего, беспилотниками. Ныряющими беспилотниками, которых ещё, в общем-то, нет. Плавающие есть, а это – двухсредные, как ныряющие птички или летающие рыбки. Если совсем грубо обозначить, их цель – вовремя смыться. В условиях боевых действий обнаружили – а он бульк в воду.

Наша специализация по госзаказу – это беспилотники-носители. Конвертопланы, вертикально взлетающие беспилотники. Начинали мы на немецких бесщёточных движках, а теперь сделали свои. Раньше многое было проще купить на Западе.

С китайцами дорабатываем гражданский беспилотник, который садится в автоматическом режиме на специально заданное место. Беспилотник, который может сесть на провода... это была очень интересная задача, с которой мы в институте справились. Высоковольтные провода высоко, а коптер можно научить обследовать их и чинить.

– Чувствуете какие-то положительные изменения после принятия полтора года назад программы развития авиационной отрасли до 2030 года?

– Да, наконец создали базовую кафедру на заводе. То есть процесс идёт. Но очень медленно, и сейчас тоже есть люди, которые надеются, что скоро это движение закончится и мы, как и раньше, будем продавать нефть и газ, а самолёты просто покупать. Ведь до программы-2030 была программа-2020. Выполнена она? Не выполнена... Нужна работа над ошибками.

Беседу вел
Татьяна Шабаева

ФОТОГЛАС

Сотрудники Российской государственной детской библиотеки удостоены премии правительства России за большую работу по популяризации детского и юношеского чтения, разработку интернет-путеводителя по детским и подростковым книгам «Библиогид» и интернет-энциклопедии детской литературы «Про-ДетЛит». Наградой отмечены Илья Гавришин, Наталья Козловская, Наталья Костюшина, Ольга Мезенцева, Наталия Рубан. Поздравляем!

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА 1971 1979

Главный редактор **МАКСИМ ЗАМШЕВ**
Заместители главного редактора:
Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова
Ответственный секретарь **Сергей Колпачки**

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.
Тираж **113 800 экз.**
Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12.
Подписной индекс по каталогу «Почта России» – ПР-195.
Перепечатка только с разрешения редакции.

Отпечатано по договору с ООО «ВМГ-Принт» на полиграфической базе ООО «Типография «КП-Москва». 141407, МО, г. Химки, Нагорное ш., д. 2, корп. 9, пом. А.
Номер подписан к печати 16 января 2024 г. Зак. № 131.
Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1.
Эл. почта: litzgaza@lgz.ru Тел.: 8-499-788-00-56.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Денис Пушилин: «Я горжусь своими земляками»

Экономика Донецкой Народной Республики на фоне СВО

Глава ДНР рассказал «ЛГ» о достижениях и проблемах в экономике региона и дал оценку действиям ВСУ, усилившим обстрелы Донецка.

— Что можно назвать наиболее значимыми достижениями 2023 года в промышленной, производственной сфере, развитии инфраструктуры?

— Для жителей Донбасса работа, результаты своего труда всегда были важнейшим приоритетом и гордостью. Поэтому как бы мы ни зависели от ситуации на фронте, жителям республики важно возрождение производства, возобновление работы предприятий на полную мощность. Мы все стремимся вернуть региону славу развитого промышленного центра России.

Если говорить о конкретных результатах, то в прошлом году мы акцентировали внимание на восстановлении того, что было разрушено противником, обновлении школ, больниц, ремонте дорог, объектов инфраструктуры и параллельно с этим активно занимались созданием благоприятного инвестиционного климата.

Так, Госдумой оперативно был разработан и принят закон о свободной экономической зоне. На конец 2023 года в нашем регионе участниками СЭЗ стали 20 субъектов хозяйствования, создав при этом около 2,5 тыс. рабочих мест. Объём инвестиций участников — порядка 8,5 млрд рублей. Ещё пять инвестиционных проектов находятся в стадии предварительного рассмотрения. Это ещё более 4 млрд рублей инвестиций и более 600 рабочих мест. Возможность получения статуса «участник СЭЗ» рассматривают 165 субъектов хозяйствования.

Для участников СЭЗ предусмотрены специальные налоговые и таможенные режимы, упрощённый порядок аренды земельных участков, оформления документов при планировке территорий для реализации инвестпроектов. Мы очень рады, что представители бизнес-сообщества проявляют активный интерес, и для нас это очень важно.

Отмечу активную работу государственного концерна «Корпорация развития Донбасса», который занимается сопровождением инвестиционных проектов от идеи до реализации по принципу «одного окна». В работе у корпорации в различных стадиях реализации находится около 80 инвестиционных проектов на общую сумму инвестиций порядка 70,4 млрд рублей. И это не только строительство жилья. Есть серьёзные про-

«Как бы мы ни зависели от ситуации на фронте, жителям республики важно возрождение производства, возобновление работы предприятий на полную мощность.»

екты в сфере АПК, по производству электротранспорта и строительных материалов, развитию транспортной инфраструктуры, сервисных центров по обслуживанию техники и оборудования, строительству логистических комплексов.

Отдельно стоит упомянуть успехи наших аграриев, которые в этом году собрали очень хороший урожай. Работает программа льготного лизинга, благодаря чему сельхозпроизводители обновляют свою технику. Ещё пример: Фонд поддержки малого и среднего предпринимательства разработал и внедряет льготное кредитование, ставка по которому снижена почти до 10%.

Ещё одним важным направлением, и не только для Донецкой Народной Республики, можно назвать развитие Приазовья в качестве курортной зоны. Азовское море приобрело статус внутреннего российского моря, а это значит его включение в существующую транспортную и логистическую сети. Азовское море благодатное для развития промыслового рыболовства. Кроме того, и само море, и его побережье — это часть целой экосистемы с уникальными флорой и фауной, которые представляют немалый научный интерес.

Серьёзное достижение — восстановление дорог и транспортной инфраструктуры. Отремонтировано около 1200 км дорог.

Не отстают и другие отрасли. Возобновилась работа ряда предприятий, занятых в сфере добычи полезных ископаемых открытым способом: гранита, каолина, песка и щебня. Например, запущен Каранский карьер после длительного простоя. Это позволяет не только насытить внутренний рынок, но и прорабатывать возможности поставок наших стройматериалов за пределы региона.

Ещё одним признаком того, что экономика Донецкой Народной Республики не стоит на месте, является пополнение бюджета. Выполнение бюджетных плановых показателей в 2023 году составило более 150%.

Это стало возможным благодаря постоянной поддержке со стороны Президента Владимира Владимировича Путина, правительства РФ, федеральных структур, за что огромная благодарность.

— Какая ситуация с занятостью населения? В каких сферах есть дефицит кадров? В каких специалистах заинтересована республика?

— Дефицит кадров серьёзный, это объясняется тем, что многие жители республики воюют, гораздо больше в процентном отношении, чем в других субъектах России, что вполне объяснимо — так сложилось исторически с 2014 года. Немалая часть наших граждан эвакуированы.

Поэтому специалисты нужны практически во всех сферах. Это и промышленность, и ЖКХ, и здравоохранение, и образование.

На сегодня в республике достаточно много вакантных должностей — зарегистрировано порядка 24 тыс. вакансий, две трети из них — это рабочие профессии. Больше всего требуются водители, специалисты в сфере ЖКХ, слесари по самым разным направлениям, медицинские работники.

Стоит отметить, что практически все, кто обратился в Республиканский центр занятости, были трудоустроены.

Конечно, мы прорабатываем механизмы, чтобы выровнять ситуацию. По ряду направлений нам очень помогают регионы-шефы, направляя профильных специалистов. Большие надежды мы возлагаем на выпускников высших учебных заведений и учреждений среднего профессионального образования. У нас очень активная молодёжь, и мы хотим создать условия, при которых молодым специалистам будет интересно жить и работать дома. В том числе ведётся работа по расширению взаимодействия учебных заведений с предприятиями, чтобы у молодых специалистов было гарантированное трудоустройство.

— Обстрелы Донецка, других районов ДНР со стороны ВСУ в последние месяцы усилились. С чем, по-вашему, это связано? Есть ли вообще какая-то логика, система при выборе целей армией Украины?

— Обстрелы гражданских объектов нацелены на то, чтобы посеять страх среди мирного населения, создать социальное напряжение.

Помимо огня с применением тяжёлой артиллерии противник не прекращает терроризировать людей, используя беспилотные летательные аппараты. Цинизм этих действий заключается в том, что оператор БПЛА, без сомнений, видит, что он направляет ударный дрон против гражданских, в том числе детей и пожилых людей, сотрудников скорой помощи, спасателей или работников коммунальных служб.

В 2023 году зафиксировано 100 случаев атак противника с применением БПЛА. В результате чего погибли четыре мирных жителя, ранены 130 человек, в том числе четыре ребёнка.

Зафиксировано 25 повторных обстрелов после приезда сотрудников экстренных служб.

Я не раз отмечал, что ВСУ обстрелами мирных городов и районов пытаются компенсировать свои неудачи на фронте. Очень много обстрелов случается в дни православных праздников. Новогодняя ночь в этом году тоже не прошла без жертв: во время обстрела в Донецке и Горловке погибли пять человек, ранения получили 14.

Искать логику у террористов — неблагоприятное занятие. Мы давно прекратили это делать. При этом мы методично собираем доказательства совершённых преступлений. Это кропотливая работа, в которой сейчас непосредственное участие принимают Следственный комитет России, омбудсмены, правоохранители. Каждое дело подвергается тщательной проверке, собираются свидетельские показания. Каждый преступник будет наказан по закону, и это дело государственной важности.

Без сомнений, российская армия делает всё возможное, чтобы как можно быстрее отогнать противника от населённых пунктов республики, чтобы обезопасить жизнь наших жителей. Я горжусь своими земляками, которые живут и работают, несмотря ни на что, и верят в нашу Победу.

Беседу вёл
Дмитрий Мотовилов

ДАТА

Переяславская рада. Что это было?

18 января 1654 года произошло событие, которое и спустя 370 лет вызывает споры, — Войско Запорожское вошло в состав Московского царства

О том, что предшествовало этому историческому событию, о его сути, о ложных трактовках и мифах рассказывает историк Евгений Спицын (на фото). Этим материалом мы начинаем дискуссию о процессе, вошедшем в советские учебники как «воссоединение Украины с Россией». Попробуем разобраться, кто с кем воссоединялся, в каких границах, на каких условиях. Выясним, что представляли собой украинский и русский народы в то время и существовали ли они вообще. Порассуждаем о трактовках итогов Переяславской рады идеологами украинской самостийности, во времена Российской империи, в советской историографии.

суждаем о трактовках итогов Переяславской рады идеологами украинской самостийности, во времена Российской империи, в советской историографии.

Рассуждая о Переяславской раде, необходимо вспомнить, что 11 октября 1653 г. в Москве состоялся исторический Земский собор, на котором по очередному, уже пятому прошению гетманских послов Кондратия Бурляя, Силуана Мужилковского, Ивана Выговского и Григория Гуляницкого было наконец утверждено решение о принятии Запорожского Войска под «высокую государеву руку» и начале новой войны с Польшей.

Для оформления этого решения в ставку гетмана Богдана Хмельницкого было послано Великое посольство в составе «боярина нашего и наместника тверского Василья Васильевича Бутурлина, да окольничего и наместника муромского Ивана Васильевича Алферьева, да думного дьяка Лариона Дмитриевича Лопухина», которых сопровождали 20 стольников и стряпчих, в том числе князя Григорий Григорьевич Ромодановский, Фёдор Никитич Барятинский, Алексей Юрьевич Звенигородский, Василий Дмитриевич Горчаков и Семён Никитич Болховской, а также 200 московских стрельцов во главе с Артамоном Сергеевичем Матвеевым.

Именно это Великое посольство и представляло Русское государство на той самой Переяславской раде 18 января 1654 г., где после зачтения царёвой грамоты о «приниманья Малороссии» в состав Московского царства представители 177 «черкасских» городов и местечек дали клятву «быти на веки с русским народом!»

А спустя два месяца, в марте 1654 г., в Москве в присутствии царя Алексея Михайловича, членов Боярской Думы, Освящённого Собора и гетманских послов — войскового судьи Самуила Богдановича Зарудного и переяславского полковника Павла Ивановича Тетери — решения Переяславской рады

были де-юре оформлены договором (так называемыми «Мартовскими статьями») о вхождении Гетманщины, то есть Левобережной Малороссии, в состав Русского государства. В итоге произошло воссоздание государственного единства земель бывшего Древнерусского государства, где проживала этнически, культурно и религиозно единая общность восточных славян, искусственно разделённая в XIII–XIV веках.

В соответствии с «Мартовскими статьями»: 1. На всей территории Малороссии сохранялась прежняя административная, то есть военно-полковая, система управления, «чтоб Войско Запорожское само меж себя Гетмана избирали и Его Царскому Величеству извещали, чтоб то Его Царскому Величеству не в кручину было, понеже тот давний обычай войсковой»; 2. «В Войске Запорожском, что своими правами суживались и вольности

свои имели в добрах и в судах, чтоб ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступались»; 3. «Войско Запорожское в числе 60 000 чтоб всегда полно было» и т.д. Причём в «Мартовских статьях» детально оговаривался конкретный размер государева жалования и владений всей казацкой верхушки, в частности войскового писаря, войсковых судей, войсковых полковников, полковых есаулов и сотников.

Надо сказать, что в современной украинской историографии, да и в широком общественном сознании на Украине, господствует устойчивый миф о существовании особой формы республиканского правления в Малороссии (Гетманщине), которая зримо проявилась в образе вольной Казацкой державы. Однако даже украинские историки, в частности В. Смолий и Н. Яковенко, справедливо говорят о том, что в так называемой «Казацкой республике» в гораздо большей степени присутствовали элементы махрового авторитаризма и олигархического правления, особенно в периоды гетманства Б. Хмельницкого, И. Выговско-

го, Ю. Хмельницкого и П. Тетери. Причём практически все держатели гетманской булавы, внешне демонстрируя приверженность идеям подчинения гетманских полномочий «коллективной воле» Запорожского Войска, на деле прилагали максимум усилий для расширения границ своего авторитаризма и даже передачи гетманской булавы по наследству. Более того, профессор Н. Яковенко прямо утверждала, что именно при Б. Хмельницком в «Гетманщине» установился режим военной диктатуры, поскольку все руководящие посты здесь занимала исключительно войсковая старшина.

Также не состоятельны постоянные стенания украинских «вчѣных» и самостийников об особом национально-автономном статусе Гетманщины в составе Московского царства, поскольку реально это была не национальная, или региональная, а военно-словесная или военно-полковая автономия, проистекавшая из особого пограничного положения малороссийских земель, расположенных на границах с Крымским ханством и Речью Посполитой. Точно такая же

военно-полковая автономия существовала и в землях Донского и Яицкого казачьих войск, которые, как и запорожские казаки, несли пограничную службу на южных рубежах Московского царства, а затем Российской империи. По мере расширения границ Московского царства, а затем и Российской империи такая «автономия», в том числе и право выборности всех, включая войскового, атаманов стала изживаться. И начало этому процессу положила ликвидация полковой автономии на Дону ещё при Петре I сразу после подавления Булавинского восстания. А уже при Екатерине II пришёл черёд яицких и запорожских казаков.

Вообще вопросы, связанные с вхождением Войска Запорожского, малороссийских земель в состав Московского царства, глубоко политизированы. Это, с одной стороны, естественно, с другой — препятствует спокойному и взвешанному изучению прошлого. Впрочем, рассуждать о прошлом, не принимая во внимание сегодняшний конфликт между Россией и Украиной, вряд ли возможно. В этом смысле история XVII–XVIII веков, опыт сожительства великороссов и малороссов в Российской империи, а затем русских и украинцев в Советском Союзе весьма поучительны, дают ответы на многие актуальные вопросы. Но самое главное — позволяют определить стратегию будущего, ведь острая фаза конфликта рано или поздно закончится и нужно будет решать, на каких условиях сосуществовать дальше. ■

“
Даже украинские историки
говорят о том, что в «Казацкой
республике» в гораздо большей степени
присутствовали элементы махрового
авторитаризма.
”

«Навеки с Москвой, навеки с русским народом» — картина советского художника Михаила Ивановича Хмелько, написанная в 1951 году

BEK

Наследие и наследники Ленина

100 лет назад умер вождь русской революции

Сердце Ленина, долго и тяжело болевшего, остановилось в лютую стужу. С тех пор крещенские морозы в России ещё долго почти-точно называли ленинскими днями, а 21 января оставалось скорбным нерабочим днём.

Он, несмотря на неизлечимый недуг, оставался председателем Совнаркома СССР и РСФСР, хотя уже больше года не мог демонстрировать свою легендарную работоспособность. В 53 года, после ранения и нервных перегрузок, он проиграл схватку за жизнь. Никто бы не посмел уволить его с должности. В конце концов, было не так уж важно — как называется пост, который занимал Ленин. Он был основоположником и вождём партии большевиков, которая пришла к власти в 1917 году, выстояла во время Гражданской войны и выстроила новую систему власти, которая прошла несколько жёстких проверок на прочность. Сергей Есенин называл его капитаном Земли. А в другом стихотворении очень точно передал ощущение этих январских дней:

И вот он умер...

Плач досажен.

Не славят музы голос бед.

Из медно лающих громадин

Салют последний даден, даден.

Того, кто спас нас, больше нет.

Его уж нет, а те, кто живые,

А те, кого оставил он,

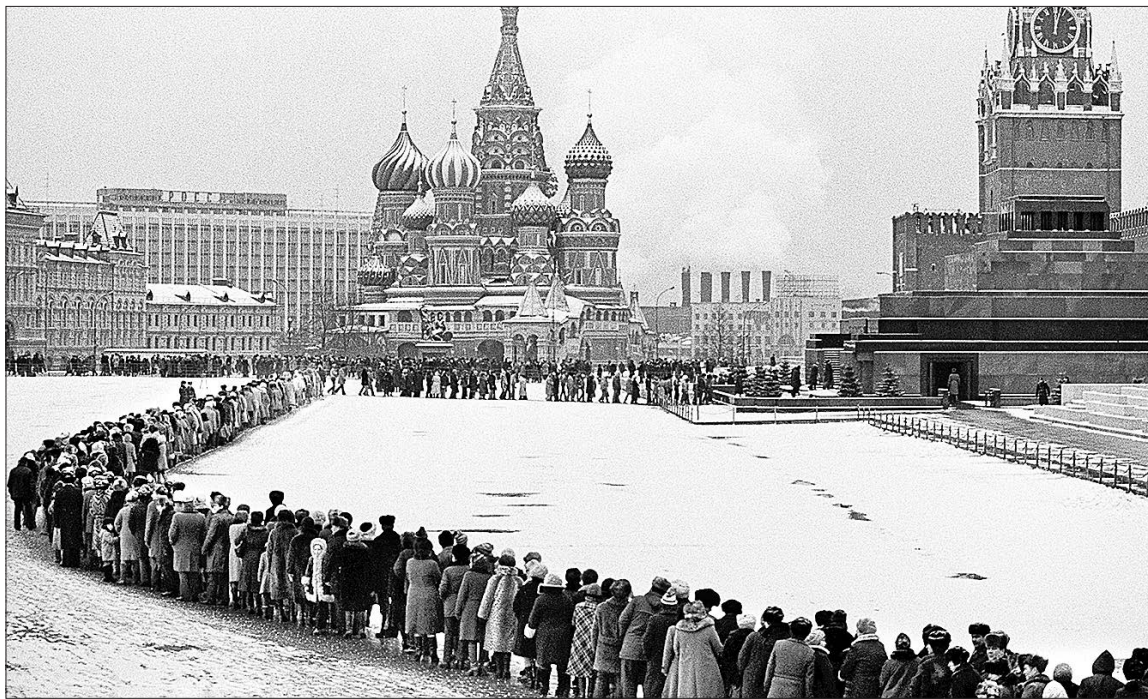
Страну в бушующем разливе

Должны заковывать в бетон.

Он не назвал их по фамилиям, да и мало кто тогда рисковал напрямую говорить о наследниках Ленина. Создавалось иное ощущение: осталась партия, плеяда, новое учение. То, что похороны Ленина превратились в нечто грандиозное — с клятвами у гроба, с возведением Мавзолея, — стало символом того, что «дело его живёт», хотя противоречия, которые кипели в Кремле, ни для кого не были секретом. В то время представители власти спорили отчаянно и открыто.

А страна в то время вовсе не напоминала крепкое сооружение, скорее строительную площадку, в которой ещё много сумбура, а проект корректируется на ходу. Не будем забывать: Ленин умер во время эпохи. И партийная вертикаль власти, которую умело оттачивал Сталин, ещё не сплотила страну, которая, кстати, оставалась крестьянской. Ещё только предстояло построить сотни новых заводов и фабрик, которые важны не только своей продукцией, но и тем, что там создавался феномен советского человека.

Русская революция вызрела почти столетие, а к нача-

Очередь к Мавзолею на Красной площади. 60 лет со дня смерти В.И. Ленина.

лу XX века стала исторической неизбежностью. Вопрос оставался только в том, какой она станет — буржуазной или социалистической. И если социалистической — эсеровской или большевистской.

Система власти в Советской России сложилась запутанная. На приоритет претендовали и Совнарком, и ВЦИК, и Совет труда и обороны, и, конечно, ЦК. По амбициям «кандидатом в вожди» считали и Льва Троцкого — наркомвоенмора. Но сразу после Ленина безоговорочный единоличный преемник был просто невозможен. В Совнаркоме его полномочия унаследовал Алексей Рыков, который, будучи заместителем Ленина, уже целый год фактически руководил правительством. С ним пытался конкурировать Лев Каменев, возглавлявший Совет по труду и обороне. Но укрепить свои позиции в первый год после смерти Ленина удалось,

Первый памятник Ленину

пожалуй, только генеральному секретарю ЦК. И дело тут не столько в том, что сразу несколько влиятельных руководителей сплотились против Троцкого, сколько в умении Сталина, не считаясь с дефицитом дельных кадров, создать управляемую вертикаль власти. Удалось ли воплотить всегашнюю веру Ленина в демократизм советской власти, в то, что рабочие станут принимать участие в управлении государством? Да, но только через посредника — партию. Эта система давала возможность рабочим стать управленцами. Правда, они тут же превращались в бывших рабочих...

Противники революции, которые пытались выстроить «настоящую» Россию в Париже, Берлине и Югославии, не скрывали не только злорадства, но и определённых надежд... «Без Ленина, лишённое души и воли, неизбежно недоделанное, его дело превращается в какую-то бессмысленную сизифову работу. Прежде одни могли говорить, а другие думать, что секрет этой гигантской нелепицы непонятен им, зато известен «Ильичу». Теперь, когда пророк унёс свой секрет в могилу, верующие поймут, что никакого секрета и не было и что на их доверие ответили величайшим обманом», — писали «Последние новости». Редактировал эту газету Павел Милоков. Через полтора десятилетия он будет вынужден признать свою ошибку, увидев высокий потенциал советского государства. Но преемникам предстояло доказать, что революция не была сизифовым трудом, а потери, которые пришлось перенести стране в годы Гражданской войны, не стали напрасными.

1924 год принёс стране новый неурожай, несколько

“
Противоречия,
которые кипели
в Кремле, ни для
кого не были
секретом.
В то время
представители
власти спорили
отчаянно
и открыто.
“

губерний голодали. Правительство со скрипом, с перенапряжением справилось с этой проблемой. Быть может, поэтому в первый год после смерти вождя в стране мало что поменялось: постоянно приходилось зашивать, где порвалось. Самым успешным ведомством в то время оказался наркоминдел Георгий Чичерин. Вскоре после смерти Ленина СССР установил дипломатические отношения с Лондоном. Великобритания стала первой крупной западной державой, признавшей первое в мире государство рабочих и крестьян. В то время осторожный мэтр британской политики Джеймс Макдональд совмещал две ключевые должности — премьера и министра иностранных дел. Он, в отличие от большинства европейских политиков, относился к СССР без яростной ненависти. В итоге примеру Великобритании вскоре последовали Италия, Австрия, Швеция, Норвегия, Франция... Советский Союз больше не был мировым изгоем. Значит, на Западе, несмотря на длинный список противоречий, к ужасу русской эмиграции, повери-

ли в надёжность государства, созданного Лениным.

Первый памятник Ленину открылся в утро его смерти. Так получилось. Рабочие Глуховской фабрики собирались установить скульптуру — а вышел памятник. Он сохранился до нашего времени в городе Ногинске. Потом к нему добавились сотни монументов — на все вкусы.

Ленин удивился бы, узнав о своей посмертной судьбе. Он с сарказмом относился к прославлению героев, тем более марксистов, которым не следовало слишком увлекаться ролью личности в истории. А его уже к концу 1920-х превратили в легенду. Ленина — и кудрявого юношу, и лысого вождя — в лицо узнавали лет с трёх. Про него, как известно, даже сказки сочиняли. На нём воспитывали, его заветами объясняли любой политический манёвр, любую смену идеологии. В огромном наследии Владимира Ульянова действительно можно вычитать объяснение самым разным поворотам — как и в наследии любого крупного и плодовитого политика.

С другой стороны, несмотря на критику сталинизма, а позже — хрущёвского волюнтаризма, страна до 1987 года развивалась по единому направлению, которое можно определить несколькими словами: просвещение, труд, дружба народов, диалектический материализм, общественная собственность на средства производства. С этого курса не сворачивали вплоть до суицидальной стадии горбачёвской перестройки. И то, что в каждом городе у нас стояли памятники Ленину, не было только данью сложившимся ритуалам. Его план воплощался. С оговорками и натяжками — как и всё на белом свете. Но воплощался.

Мы ещё мало понимаем Ленина, часто придираемся к трудностям, которые связаны с его временами. Не пытайтесь понять — обедняем себя, отрицая эпоху, с которой в нашей исторической судьбе связано слишком многое.

Ленин и через столетие после смерти — один из самых узнаваемых образов в мире — объединяет многих, а может объединить ещё больше людей, разделённых границами и предрассудками. Это наше богатство, которое нельзя пускать по ветру.

Арсений Замостьянов,
заместитель
главного редактора
журнала «Историк»

Продолжение темы —
в следующем номере «ЛГ».
О своём отношении к фигуре
Ленина расскажет писатель
Михаил Кураев.

Митрополит Иосиф Семашко. Герой вне времени

Историческая память — урок современникам

Борис Грызлов,
почётный член
Российского военно-
исторического общества,
Чрезвычайный
и Полномочный Посол
Российской Федерации
в Республике Беларусь

Религиозный фактор на протяжении столетий являлся одним из основных инструментов политики европейских государств. Под лозунгами распространения западного христианства осуществлялись многочисленные крестовые походы, захват стран и целых континентов, порабощение некогда свободных народов, уничтожение несогласных. Для достижения своих целей западные монархии, рыцарские ордена использовали самые различные способы — от покорения огнём и мечом до подкупа чужестранных элит и лукавых обещаний короны. Показательным здесь является пример жизни и правления святого благоверного князя Александра Невского. Сперва «непрошенные гости» с Запада дважды пытались силой покорить русский народ и дважды были наголову разбиты и отброшены назад. Затем пришёл черёд хитрости и коварства: эмиссары Ватикана уговаривали Александра Невского принять папскую корону и отказаться от своей веры, но и тогда вернулись домой ни с чем. Примечательно, что наследие и наследники благоверного князя спасли каноническое православие и в третий раз. Сын Александра Невского и полоцкий князь Александр Брячиславны Даниил основал московскую ветвь династии Рюриковичей и способствовал возвышению Московского княжества. Именно с Москвы впоследствии пойдёт освобождение земель русского триединого народа — великороссов, белорусов и малороссов от ордынцев, литовцев и поляков.

На протяжении веков мы сталкивались с постоянным, всё возрастающим давлением Запада, стремящегося, как и в наши

дни, подчинить своей воле и чуждой нам религии восточнославянские земли. Но русские люди оставались непреклонны в отстаивании исторического выбора своих предков, сохранении самобытности и уникальной культуры, основанной на духовном фундаменте православной веры.

После Крещения Руси в течение почти четырёхсот лет на землях современной Белоруссии господствовало православие. По мере усиления феодальной раздробленности и роста числа междоусобиц западные и юго-западные русские княжества стали ослабевать, в первую очередь в военно-политическом плане. Здесь самым очевидным образом напрашиваются параллели с реалиями недавнего прошлого. Наши внутренние противоречия, незначительные разногласия внутри одной семьи народов активно использовали западные оппоненты, разрывая многовековые узы братства, порождая на наших общих землях местечковый национализм, сея рознь, выпячивая искусственные различия и стирая многочисленные свидетельства нашего глубинного единства. Неспособность извлекать уроки из прошлого приводит к самым драматическим последствиям, которые мы можем сейчас наблюдать на Украине, где США и их европейские сателлиты, руководствуясь старым как мир принципом «разделяй и властвуй», разожгли пожар гражданской, братоубийственной войны, который мы великой ценой стараемся потушить.

Ретроспективно возвращаясь во времена феодальной раздробленности Древней Руси, стоит отметить, что потерей сплочённости и единства наших предков не могли не воспользоваться враги. Примечательно, что те же самые, что и сегодня. Во второй половине XIII в. — начале XIV в. земли современной Белоруссии были, по сути, оккупированы язычниками-литовцами, балтскими племенами и их правителями: Миндовгом, получившим корону из рук папы римского, а позже Гедимином и его наследниками. Балты обладали сплочённостью, поддержкой Ватикана, сильной армией, но они заметно проигрывали нашим предкам по уровню развития культуры, письменности, народных традиций. Литовское правящее меньшинство переняло древнерусский письменный язык, активно используя его в делопроизводстве. В остальном же балтская элита проводила в отношении коренного населения Белой Руси дискриминационную политику, основанную на национальных и религиозных различиях. С конца XIV в. Литва окончательно стано-

Митрополит Иосиф Семашко

вится католическим княжеством, а в 1569 г. она соединяется с Польским королевством в единое государственное образование — Речь Посполитую. С этого момента искусственное насаждение католицизма на исконно православных землях приобрело максимально агрессивные формы. Православное население всеми силами стойко сопротивлялось этому мощному давлению, и лишь единицы уступали, переходя в католицизм. И здесь власти, подталкиваемые Ватиканом, пошли на обман и хитрость — в 1596 г. ряд епископов-вероотступников Киевской митрополии Константинопольской православной церкви во главе с уроженцем Волыни митрополитом Михаилом Рогозой приняли так называемую Брестскую церковную унию. Коварство унии заключалось в том, что при сохранении некоторых элементов формы полностью подменялась суть. Старыми оставались богослужение на церковнославянском языке и ряд малозначимых обрядов. Главное же, что униаты полностью переходили под власть Ватикана и его идеологию.

Вновь напрашиваются исторические параллели с нынешними политическими реалиями. В XVI в. вероотступники из Киева приняли унию, а в XXI в. их последователи получили Томос. Примечательно, что к настоящему моменту Константинопольский патриархат, расположенный на террито-

рии государства — члена НАТО, потерял какую-либо самостоятельность и стал инструментом политической и духовной розни в руках заокеанских кукловодов. Выбранный киевским режимом путь разделения общества по национальному и языковому признаку теперь дополнен и религиозным разобщением. Плодятся всевозможные секты, претендующие называться церквями, у истинно православного духовенства и паствы в ходе рейдерских захватов изымаются храмы, монастыри, святыни. Брат награвливается на брата. Людей лишают своей истории, культуры, веры. Политтехнологи сочиняют наспех свёрстанные учебники. Повсюду распространяется неонацистская пропаганда, правда подменяется ложью, добродетель — ненавистью и злобой. Сперва Запад пытался лишить украинцев разума, теперь он отравляет их душу. Сегодняшние события на Украине наглядно демонстрируют трагические последствия потери государством суверенитета и попадания под пяту Запада. Что произойдёт с обществом и народом, если вовремя не остановить религиозный раскол, вновь расскажет нам история.

Принятие Брестской унии сопровождалось фактическим запретом православия на территории Речи Посполитой. Гонения на православных белорусов приняли невиданные масштабы. Закрывались храмы, отнималось имущество монастырей, коренное население превраща-

лось в людей второго сорта. Знатью, шляхтой могли становиться только католики. Поучительна здесь судьба униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Он так же, как и Михаил Рогоза, родился на Волыни и был изначально православным. Позже, польстившись на обещания католической элиты, он перешёл в униатство и стал яростно служить папскому престолу. Любыми способами он обращал православных в этот вид католицизма, за что получил от наших предков прозвище душехвата. Вместе со своими приспешниками мог врываться в православные храмы, срывать богослужения, угрожать священникам, требовать отказов от своей веры. Всё это закончилось для него печально — белорусы не смогли сдержать копившиеся многие годы гнев и обиду. Жители Витебска ворвались в 1623 г. в дом Кунцевича и прервали его земной путь. Реакция польско-литовской элиты оказалась кровавой — свыше ста белорусских православных было приговорено к жестокой казни. За свою ретивость архиепископ Иосафат позже был канонизирован, а его имя активно продвигается в настоящее время Ватиканом для возрождения неоуниатства на землях канонического православия. И если на попавшей под внешнее управление Украине подобная тактика смогла принести разрушительный результат, то в Белоруссии, имеющей сильную и мудрую власть, сплочённое общество, умеющее хранить историческую память, такие приёмы не работают.

Ко времени Первого раздела в 1772 г. в Речи Посполитой действовала единственная православная епархия — Могилёвская, которая объединяла 550 тысяч верующих, проживавших на пространствах современных Белоруссии, Украины, Литвы и Восточной Польши. При этом в унии к тому моменту действовало 8 епархий, а число униатов составляло не менее 8 000 000 человек.

Положение православия резко улучшилось с вхождением западных русских территорий в состав Российской империи. Вновь стали открываться приходы, монастыри. Православные белорусы, пройдя ужасы многовекового гнёта со стороны польско-литовской католической элиты, вновь почувствовали себя свободными. Тем не менее процесс возвращения белорусских земель в лоно родной церкви и веры шёл недостаточно быстро. Наследники вчерашних угнетателей любыми способами стремились сохранить своё влияние и свою религию.

К 1839 г. в Российской империи всё ещё проживало свыше 1 600 000 униатов, абсолютное

большинство из них на территории современной Белоруссии. Однако уже через несколько лет белорусские земли были полностью освобождены от придуманного в 1596 г. «подвида католицизма», а население смогло спустя века страданий и гонений вернуться к вере своих предков. Этот уникальный по своему значению и стремительности реализации процесс был осуществлён, по сути, одним великим человеком, подвижником Русской православной церкви — митрополитом Виленским Иосифом (Семашко).

Митрополит Иосиф родился 25 декабря 1798 г. (5 января 1799 г. по новому стилю) в униатской семье. В 1829 г. он принял монашеский постриг и был назначен епископом Мстиславским. С самого начала своего служения церкви он стремился вернуться к православию, а также вернуть к истинной вере белорусов. После неудачного польского восстания 1830–1831 гг., целью которого было восстановление Речи Посполитой и возвращение белорусов под гнет польско-литовской католической шляхты, вопрос восстановления православия в Западном крае Российской империи приобрёл особое значение. В 1833 г. Иосиф Семашко был назначен епископом Литовским, а его идеи по возвращению белорусов к родной вере всесторонне поддержаны. К 1837 г. под влиянием епископа большинство униатских священников письменно подтвердили свою готовность присоединиться к православию. 12 февраля 1839 г. по инициативе Иосифа Семашко в Полоцке состоялся Собор, на котором был принят акт о присоединении униатской церкви к Русской православной церкви и составлено соответствующее прошение к императору Николаю I, удовлетворённое 25 марта того же года. В связи с этим важнейшим историческим событием была отмечена медаль «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». После Полоцкого собора, которому предшествовала титаническая подготовительная работа Иосифа Семашко, в лоно матери-церкви перешло

более 1400 приходов и свыше 1 600 000 верующих.

Вся жизнь этого великого и праведного человека была образцом святости. Духовный облик владыки Иосифа, его качества церковно-общественного деятеля нашли отражение в мемуарах самого митрополита, многочисленных воспоминаниях его современников, официальных документах, сопровождавших подготовку Полоцкого собора. Митрополит Иосиф снискал себе искреннюю любовь и уважение миллионов простых людей. Свободные денежные средства, которые у него появлялись, он тратил на помощь бедным. В голодные годы организовал раздачу хлеба нуждающимся.

Митрополиту Иосифу удалось в неимоверно сложных условиях добиться того, что православие окончательно вернулось в жизнь воссоединённого духовенства и простого народа. Здесь можно отметить влияние его личности и оригинальные методы церковного управления. К примеру, он без видимого труда сумел изменить внешний вид воссоединённых священников. Брить бороды и носить латинское духовное платье им позволялось решением Полоцкого собора, что вызывало искреннее непонимание у простого народа. Решение

владыки Иосифа было поистине нетривиальным. В 1842 г. он сам вместе с несколькими ближайшими соратниками отстриг бороду и облачился в православное одеяние, после чего запретил приходскому духовенству самовольно делать то же самое. По епархии было объявлено, что разрешение на перемену костюма и отращивание бороды может быть дано только как награда за усердную службу и хорошее поведение. Сразу же борода и ряса стали престижными, а костюм ксёндза и гладко выбритые щёки — признаком отсталости и ущербности.

Как отмечал сам митрополит Иосиф: «...с детства имел... душевное влечение к России и всему русскому... Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели, одной волей, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого спешествовать считал я для себя священным долгом — вот сила, которая подвигала меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа...»

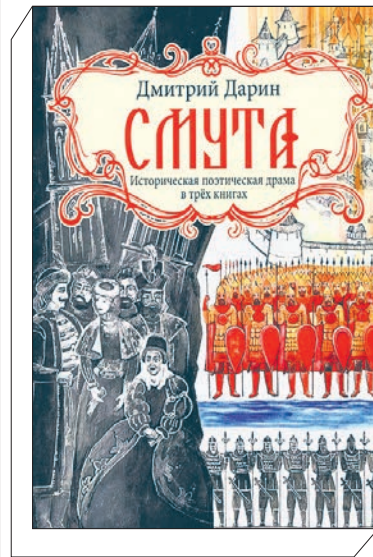
Жизнь этого великого человека, истинного защитника православия, патриота своего Отечества, была образцом святости и добродетельности. Видимо, поэтому столь многие служители церкви, миряне поднимают давно назревший вопрос о канонизации митрополита-воссоединителя. Спустя 155 лет после кончины владыки всё отчётливее прорисовывается колоссальный масштаб его личности, великий вклад в дело сохранения духовных уз братства между народами России и Белоруссии.

Бывают герои своего времени, но бывают и герои вне времени. Напрашивающиеся исторические параллели между святым благоверным князем Александром Невским и владыкой Иосифом имеют вполне логичное обоснование. Подвижнический пример этих выдающихся сынов нашего Отечества необходимо экстраполировать на сегодняшнюю ситуацию. Только объединяя общество и народы, концентрируясь на общем, а не на разном, мы сможем отстоять свою свободу и независимость. Приёмы наших извечных врагов не меняются уже столетиями — попытки разобщить, подогреть ситуацию за счёт национализма, пообещать части элиты «светлое будущее» на Западе. Нас уже растащили в 1991 г., теперь это им не удастся. Россия и Белоруссия верны заветам своих великих предков. Мы вместе строим Союзное государство, ибо знаем, что в единстве наша сила, залог наших будущих побед и свершений. Этого ждут наши братские народы, и в наших силах оправдать это высокое доверие.

Всенародное признание Александра Невского и Иосифа Семашко лишний раз доказывает нам, что если высшей целью твоей жизни становится беззаветное служение своему Отечеству, то память о тебе будет навечно сохранена в умах и сердцах благодарных потомков. ■

БИБЛИОСФЕРА

Единение на правде

Дмитрий Дарин.
Смута. Историческая поэтическая драма в трёх книгах.

— М.: Вече, 2023. — 520 с. — 1000 экз.

Книга «Смута», изданная под эгидой Российского исторического общества, — явление, безусловно, заметное. Известный поэт, прозаик и публицист Дмитрий Дарин предлагает читателю по нашим временам редкость: масштабное драматургическое произведение. Перед нами трилогия, написанная в стихах и дополненная примечаниями, сносками, комментариями. Имеется библиографический указатель. Всё это позволяет читателю глубже погрузиться в эпоху, переосмыслить события прошлого. Дарин не навязывает каких-либо интерпретаций, а подаёт материал во всём многообразии, подкрепляя художественное документальным.

Книгу предваряют содержательные отклики на произведение, написанные историками Н. Нарочницкой, В. Волковым, А. Мысниковым.

«Исторических трилогий такого масштаба, как «Смута» Дмитрия Дарина, не было в русской поэзии более полутора веков», — отмечает, в частности, Наталия Нарочницкая. Размышляя над текстом «Смуты», она приходит к выводу, что «первопричина всех славянских смут — борьба одной лжи с другой», «И будущее России зависит не просто от единения славянского мира, но единения на правде. И в том числе — на исторической».

В основе «Смуты» — летописные и документальные источники, записи очевидцев и участников трагических событий прошлых лет, труды значимых историков России и Польши XVIII–XXI веков.

Первая книга посвящена царствованию Бориса Годунова, вторая — деяниям Лжедмитрия, третья — правлению

«выкликнутого» царя Василия Шуйского.

Сюжет — плотный, крепко замешанный. Многочисленные события тесно сплетены в единый узел истории.

Сам Дарин в авторском предисловии определяет трилогию как «панорамный труд» и пишет, что она «являет собой редкую в нашем веке попытку поэтически перечитать одни из самых трагичных страниц русской истории, не входя в противоречие с устоявшимися историческими конструктами, вместе с тем переплетая судьбы действующих лиц вечными человеческими побуждениями...»

Характеры действующих лиц поданы ярко, объёмно, зримо. Владимир Волков отмечает: «Великолепно описана автором «царица Смута» Марина Мнишек. Красуясь, эта польская вертихвостка, алчная и циничная паненка, открыто провозглашает своё жизненное кредо: «Без звонкого гроша любовь не хороша».

Когда в XIX веке была создана пушкинская драма «Борис Годунов», современник поэта Владимир Стоюнин подчёркивал, говоря о Пушкине: «Он изучил все доступные ему источники, указанные Карамзиным в примечаниях. Благодаря им он мог сообщить речи каждого лица особый колорит...»

Думается, то же можно отнести и к работе Дмитрия Дарина над «Смутой» — речь персонажей продумана до мелочей. В драме мы встречаем такие слова, как «сметлив», «поболе», «сие» и другие, создающие атмосферу прошлого. Колоритна, например, речь посадских: «И хошь там верь, / а хошь — не верь, / И право церкви ихние / Поставить на Святой Руси». В то же время, читая «Смуту», не испытываешь затруднений — её отличает точность, образность и ясность.

Особое место в драме отведено образам «божьих людей». Бог, Богородица не просто упоминаются в «Смуте», а словно неотступно следуют за её героями.

Филарет

(нетерпеливо)

Всё в руце Божьей!

Коль есть

Благая весть,

Её не утаишь,

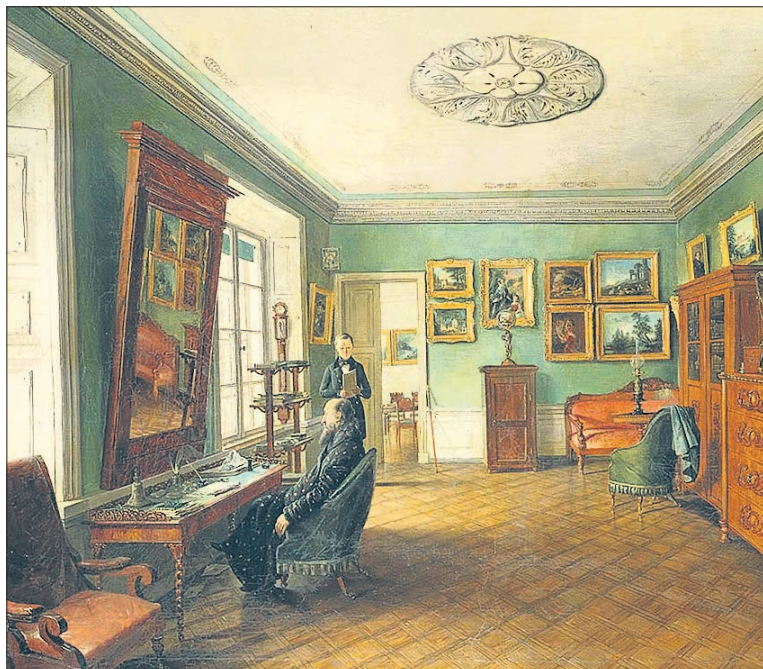
Как день, рассветом брезжущ,

Под решетом

ты дыма не удержишь.

Символично, что драму Дмитрий Дарин посвящает памяти своего отца... Обращение к корням, переосмысление событий прошлого нередко дают ключ к жизни в настоящем и будущем. И такой ключ нам дарит книга Дмитрия Дарина «Смута».

Алиса Соколова

Иван Хруцкий. Митрополит Иосиф Семашко слушает в своём кабинете доклад секретаря

Любить, чтобы жить

Между дьяволом и глубоким синим морем на Фонтанке

В афише Петербургского Молодёжного театра на Фонтанке не встретить случайных названий. Выбор репертуара подчиняется твёрдому убеждению худрука труппы Семёна Спивака: артист может по-настоящему развиваться только в однородной среде – театра-дома, театра-семьи. Тем более что у Спивака есть несомненная привилегия – выпускники его мастерской по РГИСИ (Российский государственный институт сценических искусств на Моховой) с учебной скамьи, как правило, попадают на обе сцены Молодёжки. Предновогодняя премьера пьесы Теренса Рэттигана «Глубокое синее море» (в оригинале – «Между дьяволом и глубоким синим морем, 1952 год) – тому подтверждение.

Образуя циклы, спектакли Семёна Спивака коррелируют друг другу, вступают в диалог, развивают тему быта и бытия, видимого и сущего, сиюминутного и непреходящего. Персонажи одной пьесы подчас необъявленно «оказываются» в обстоятельствах следующей, но изменившимися, повзрослевшими, преодолевшими испытания и вступившими в новое для себя время с опытом пережитого или грузом былого. Отправляя же пожившие постановки в архив, Спивак не утилизирует идеи – напротив, укрупняет их через воплощение свежих текстов, сюжетов, смыслов. Взгляды на жизнь меняет ровно в той степени, в какой та меняется, но сутью – дорожит. Рассматривает её со всех сторон подробно и обстоятельно, увлечённый человеческой природой не меньше, чем актёрской. На пересечении двуединого интереса режиссёра и рождаются его спектакли-диалоги, спектакли-дуэли, спектакли-сиквелы. Здесь всё взаимосвязано – постановки, роли, зрительские наблюдения. Театр на Фонтанке из тех, у кого годами формировалась своя аудитория, сюда любят приходить снова и снова.

Параллель между героиней «Глубокого синего моря» Хестер Коллер, бросившей обустроенное семейное гнездо ради вспыхнувшей страсти к отставному лётчику (действие происходит в послевоенной Англии), и героиней пьесы Жана Ануя «Нас обвенчает прилив...» (оригинальное название «Ромео и Жанетта», 1945; действие происходит во Франции) напрашивается сама собой. «Синонимов» и «антонимов» много: «прилив» и «море» как образы бытия героинь; бунт обеих, неосознанно желающих разрушить обывательские уклады требованием любви; выбор между жизнью и её иллюзией у желающих разобраться в собственных чувствах героев-мужчин. По сути, сюжеты пьес Ануя и Рэттигана образуются вокруг любовного треугольника и при всей разности обстоятельств действия неумолимо сближаются интересом авторов к главным героиням. В первом случае – к взбалмошной девчонке, провоцирующей окружение своими эскападами, чтобы сокрушить его филистерскую тщету и отстоять право на любовь, уязвляющую ненавистные мерки существования (Жанетта разрушает брак сестры и уводит на гибельный край её жениха – бывшего солдата). Во втором – к зрелой женщине, замужней даме, бежавшей с бывшим лётчиком от благопристойного мужа-судьи, только лётчик предпочитает теперь полётам гольф-клубы и бары, мечтая о тиши личного кабинета с неперменной бутылкой виски возле себя. Жанетта у Ануя учит своего Ромео-Фредерика летать, и, взлетев, они скрываются в морской пучине навсегда. Хестер у Рэттигана старается вернуть своего Фредди в небо, чтобы полететь вдвоём, но тот, отгораживаясь от её большой, как море, любви (говорит, что не похож на

Ромео), банально уходит прочь, и тогда Хес – недавно благополучная и состоятельная художница Хестер, написавшая одну из лучших своих картин под названием «Волнорез», – поворачивает ручку на газовой плите. Её спасают соседи по пансиону.

Тем, кто видел спектакль по пьесе Ануя, легко продрить сюжетную линию из 1945 года в 1953-й: будто прилив пощадил двух влюблённых, и они, преодолев гулы вечно осуждающей толпы, остались в живых. Она вышла замуж, он вернулся к военному делу и начал летать, потом – встреча и новое расставание. В этом «довымышленном» сюжете оба повзрослели и оба оказались в отсутствии любви и смерти: Жанетта-Хестер и Фредерик-Фредди. Прилив вынес их в глубокое синее море.

Подобная метафора возможна только в авторском театре Семёна Спивака, умеющего выстраивать симфонию человеческой жизни от спектакля к спектаклю, и, может быть, «Прилив» Ануя и «Море» Рэттигана и есть та самая симфония, которую надо слушать не прерываясь. Благо, что обе бенефисные роли – Жанетты и Хестер – играет одна актриса: Эмилия Спивак.

Беспрецедентно в отечественном театре, когда дочь-актриса получает бенефисы не по родственным связям, а отец-режиссёр отнюдь не озабочен тем, чтобы эти роли ей услужливо поставлять. Известные и ценные отдельно друг от друга, они не часто работают вместе. Однако к двум названным здесь ролям Спивак-актрисы резонно для полноты картины добавить ещё одну, сделанную со Спиваком-отцом, – роль Эмили

Сцена из спектакля

судьбы – только такому – от enfant terrible до femme fatale – звукоряду и может покориться. Сыграть женщину на грани нервного срыва, не пережав педалей, – мастерство. Дать всю судьбу через событийные повороты и эмоциональные состояния – дар.

Тогда – при наличии в труппе такой актрисы (другие, и восхитительные – Екатерина Унтилова, Регина Щукина, Анна Геллер, Алиса Варова etc. – худруком отнюдь не обделены) – возможно музиковать по буквам пьесы, как по нотам клавира, многократно наращивая смыслы и выстраивая оркестровую вертикаль текста. Превращать мелодраму в трагедию чувства, нагнетать эмоциональное напряжение действия (попытка суицида в начале и то же – в конце, остальное – выяснение отношений) до нечаянных догадок, развивать событийный ряд поверх обозначенного фабулой.

Действие «Глубокого синего моря» у Рэттигана исчисляется одним днём. Один день, куда вписана история Хестер Коллер, написавшей письмо своему Фредди и решившей покончить с собой. Как у драматургов-классицистов: единство времени, единство действия, единство места. Спивак не следит за временем, как будто с часов сняли стрелки, не конкретизирует пространство, перемещает антракт между первым и вторым актами, как указано Рэттиганом, второй перерыв – перед третьим – снимает вовсе. Сценограф Николай Слободяник (он же оформлял «Наш городок», и тоже условно) располагает по планшету сцены одиннадцать пандусов с подсвеченным голубым прозрачным верхом: то ли воображаемое море, то ли нарощенный лёд, по которому, как указано драматургом, скользит героиня. Художник по костюмам Ника Вележанинова одевает персонажей в нечто абстрактное, к Англии не привязанное: важнее цвет – не крой и фасон.

Однако абстрактный стиль (здесь и теперь, везде и всегда) отнюдь не исключает внимание к нюансам и штрихам. И прежде всего – психологическим. В соответствии с тем, как Спивак разбирает текст Рэттигана, формируется и действенное поле пьесы, и наше отношение к событиям. Происходящее воспринимается с разных углов зрения: то глазами главной героини, то через восприятие её мужа (Андрей Кузнецов) или любовника (Александр Тихановский), иногда и настоящим, благодаря Петру Журавлёву, играющему букмекера-доктора Миллера, и не менее активно, сквозь «соглядатаев» – хозяйку пансиона Миссис Элтон (Алла Одинг) и семейную чету постояльцев Уэлчей (Дарья Вершинина и Сергей Барабаш).

Не случайно почти всех режиссёр объединяет в финале, убирая со сцены одного Фредди, послужившего спусковым механизмом истории «без стрелок», где все могут быть счастливыми одинаково и несчастными по-своему.

Распахивается широкое – в пол – окно, и вместо цвета, знаменующего беду глубокого синего моря, сюда, в пансион, врывается свет глубокого синего неба. «Единственная цель в жизни – жить, просто жить», – говорит устами одного из персонажей Теренс Рэттиган. И они улыбаются. У них получится.

Сергей Коробков
Санкт-Петербург – Москва

“
«Единственная цель в жизни – жить, просто жить», – говорит устами одного из персонажей Теренс Рэттиган. И они улыбаются. У них получится.»
”

Бенефисная роль Эмили Спивак

Уэбб в пьесе Торнтон Уайлдера «Наш городок»: тогда портрет женщины трёх возрастов – растущей и взрослеющей, теряющей и обретающей, бунтующей и смиряющейся, любящей и отстаивающей любовь – наметится «в рост».

Эмилия Спивак – актриса редкой индивидуальности, какую критик Виктория Пешкова на страницах «Литературной газеты» определила лучше и точнее коллег: «Enfant terrible и femme fatale в одном флаконе». Хрупкая, с осиной талией, с копной огненно-рыжих волос, невероятно хореографичная, она осваивает любой текст в диапазоне от трагедии и гротеска до лирики и от лирики – до драмы и трагедии. Владеет тайнами мелоса и всегда неожиданно намечает интонационный рисунок. Умеет быть робкой и отчаянной, скупой на чувства и щедрой на эмоции. Её тема – тема женской

Борис, разберись!

В Театре Наций поставили трагифарс «Борис Годунов. Сны»

Яркий, но не избежавший шаблонных спектакль Петра Шерешевского, с отключенными спортивными работами и школьным спортзалом – «чистилищем», метил на ударную премьеру прошлого года.

Марина Мнишек отплясывает под «Три кусочка колбаски»; Годунов жалуется школьнику, забывшему в раздевалке сменку, на «кровавых мальчиков в глазах»; детский хортянет «Звезду пленительного счастья», с уморительным старанием первоклашек проговаривая: «Как ждёт любовник молодой минуты нежного свиданья»... Бороды, горлатные шапки, палаты Кремля и келья Чудова монастыря – всё, разумеется, «за бортом современности». Действо разворачивается в школьном спортзале на фоне шведской стенки, тренажёра-«козла» и самодельной растяжки-гирлянды «С Новым годом!». Неудивительно, что сторонники «классической классики» (к числу которых присоединились многие рецензенты в СМИ) получили новый повод запустить в «непушкинского» Бориса очередным помидором. Предыдущая же «овощная атака» на невезучего царя отбушевала ещё в 2014-м – по случаю «Бориса Годунова» Константина Богомолова в «Ленкоме». Привыкшая к внятной стилистике Марка Захарова публика не оценила бурлескного трагифарса главного театрального «анфан террибля» страны. «Вы же народный артист! Как вам не стыдно?» – кричали с места «душеприказчики» солнца русской поэзии исполнителю главной роли Александру Збруеву. Царь в слегка расхристанном сером костюме советского чиновника стойко матерился на авансцене, перемежая крепким словечком знаменитый монолог, в котором пассаж про кровавых мальчиков звучал доверительно-расслабленно как обида на любовницу в выпивающей мужской компании. Растянутый на весь задник экран подзуживал зал: «Народ безмолвствует. Народ быдло». Всё это в торжественных минималистических серосиних декорациях Марины Ломакиной, напоминающих то ли лобби ультрасовременного отеля, то ли холл офисного центра.

На экране-заднике в «Снах» Петра Шерешевского – крупные кинематографические планы, дополняющие происходящее на сцене. Борис Годунов, Шуйский и Пушкин (ему отданы все монологи Воротынского) – чиновники в тех самых серых костюмах. Спортзал, как и лобби-холл, – типичный пункт временного пребывания, поплаче – «не место», размывающее, согласно теории французского антрополога Марка Оже, семантическое ядро личностной идентичности. «Все послания, обращённые к нам из пространств мимолётности, с обочин дорог, из торговых центров, банковских терминалов на улицах («Спасибо за пользование нашими услугами», «Счастливого пути», «Спасибо за Ваше доверие»), – пишет Оже, – обращены одновременно и безразлично к каждому и любому из нас, они производят «среднего человека», пользователя той или иной системы».

В обоих случаях приём работает на метафору. Все эти персонажи в сером чиновничьем облачении – люди без свойств, усреднённые винтики в механизме властной машины, песчинки в жерновах истории, преступники, уже получившие свой смертный приговор

судьбы. Неслучайно всё происходящее с Борисом мы видим в ретроспективе. Харизматичный, хитроумный, умеющий ходить по краю, но не лишённый человечности, тонкости и рефлексии (блестящая роль Игоря Гордина), Годунов просыпается в спортзале на теннисном столе в зашитом на спине грубым прозекторским швом пиджаке. Во всех сценах, где Борис не задействован, он тем не менее «незримо» присутствует на сцене. Пронзительно драматичной становится встреча Бориса с его собственными детьми, Фёдором и Ксенией. Юные царевич и царевна сидят пригорюнившись за школьной партой, их лица задумчивы и даже мечтательны, на воротниках белых рубах – щедрые кровавые подтёки. Однако, увидев отца, Ксения и Фёдор оживают. На образ загубленной юности работает детский хор, превращающийся в стайку прибе-

ходу». Бориса вновь укладывают на теннисный стол и обкладывают венками. «Грядут перемены» – замшелые даже для учебника истории. Слова Петра Шерешевского о том, что школьный спортзал как место персонального ада (детского унижения) становится своеобразным чистилищем, разлетелись по СМИ и интернет-ресурсам. Чистилище – дантовский образ, красивый. Хотя, по признанию режиссёра, ему было важнее понять, как «драма Пушкина резонирует с сегодняшним временем и сознанием».

– Этим я занимаюсь всегда с любой драматургией. Я думаю, что театр – это всегда про сегодня и это всегда про интимные переживания, – рассказывает режиссёр.

Однако ни обытовление поэтической речи, ни переходы на современный жаргон, призванные дать возможность

Скорее, этот ход уже можно считать классическим. Очень сильное впечатление производила постановка Александра Тителя и Владимира Арефьева на исторической родине Тителя, в Екатеринбургской опере. Драма Смутного времени была решена как антиутопия, а всё действие происходило вокруг или внутри огромного ржавого нефтяного контейнера: и как след былого утраченного богатства, и как потрёпанная катаклизмами крепость царя Бориса. По-своему ярким, но слишком «лобовым» был спектакль британского режиссёра Грэма Вика в Мариинском театре. Там толпу разгонял ОМОН, Шинкара содержала бордельчик под дешёвой неоновой вывеской, а Борис был один в один Ельцин и в финале выступал в Государственной думе на трибуне под российским триколором.

В главной роли Игорь Гордин (в центре)

жавших на урок физкультуры школьников. Неохотно, но безропотно повинующиеся окрикам грубоватой сексифизручки Марины Мнишек, изящно и точно сыгранной Юлией Хлыниной, они с воодушевлением секретничают и играют с Борисом, заодно вклиниваясь в его монологах.

«И тут молва лукаво нарекает / Виновником дочернего вдовства...» – «Тебя?» – «Меня, меня, несчастного отца!..»

Теневую и даже оборотническую сторону ангелочка-дитяти воплощает подросток ровесник убиенного Димитрия – чернец Григорий Отрепьев (Данил Стеклов), поигрывающий мускулами дворовый пацан в поисках фортуны. Собственно, на этом всякая новизна кончается: режиссёрский меседж сводится к своеобразному, напоминающему высказывание Константина Богомолова десятилетней давности: на смену циничной бюрократии приходит разбойничья власть. Вернее сказать, налетает. Долго и занудливо выяснявшие планы на жизнь в казённой душевой влюблённые налетают на бояр и детишек в спортзале, кружась в вихре галопе. Шуйский и Пушкин примеряют презентованные самозванцами кроссовки Nike – «переобуваются на

”
На экране-заднике в «Снах» Петра Шерешевского – крупные кинематографические планы, дополняющие происходящее на сцене.

“
«почувствовать живость пушкинских слов, близость их нам сегодняшним», похоже, не слишком заинтересовали рецензентов и зрителей, поскольку попросту примелькались.

Из спортзала, например, изгоняли валькирию Брунгильду в «Кольце нибелунгов» Дмитрия Чернякова в берлинской «Штаатс опер»; а Зигфрид и Зиглинда страдали на застеклённой террасе загородного дома, заставленного пожитками и какими-то чертёжными столами. Был спортзал и лет 15 назад в «Летучем голландце» Большого театра, в постановке Петера Конвичного.

Новаторство ли метасюжетный, «современный» «Борис Годунов»?

Ещё один знаменитый «Борис...», в постановке бельгийца Иво ван Хове, шёл в Парижской опере лет пять назад, на фоне уже совсем обобщённых декораций: лестницы кроваво-красного цвета, уходящей куда-то наверх и, очевидно, символизирующей одержимость властью, не знающей предела. Народ ходил оборванный, но совсем не русский: средневропейская публика будто сразу после Второй мировой войны, растерянная, не знающая, как из всего этого выбирать. Видимо, Иво хотел подчеркнуть общечеловеческий, а не сугубо национальный смысл драмы, за что его, конечно, ругали французы, ожидавшие увидеть всё те же шитые золотом кафтаны и царя с бородой-лопатой. А увидели, что подобное может произойти где угодно и в какое угодно время – в том числе и в «цивилизованнейшей» Европе...

На самом деле проблема эта глобальная и роковая: нет новых шедевров. Почему? – другой вопрос; видимо, человечество потеряло способность создавать новых «Годунов», «Войну и мир» и «Пиковую даму»... Режиссёры заняли место великих авторов прошлого, но силы, похоже, неравны.

Дарья Ефремова

Откровения русского Шекспира

Путешествие с драматургом по пьесам

Премьерой игровой картины «Реальные места вымышленных героев» в Государственном Малом театре России завершилось празднование 200-летия со дня рождения Александра Островского.

Он символ Малого театра, потому к юбилейной дате 2023 года коллектив подошёл внимательно и творчески. В репертуар 238-го сезона были включены 15 спектаклей по пьесам великого драматурга. Прошли XIII Международный фестиваль «Островский в Доме Островского», лаборатория для молодых режиссёров, в издательстве театра вышел справочник для зрителей, подготовлена экспозиция из предметов музейного фонда.

Но многих удивил сюрприз: игровая картина «Реальные места вымышленных героев» режиссёров Алексея Дубровского и Дениса Бродского производства киностудии Малого театра! Впервые в истории кинематографа раскрыта личность самого гения русской драматургии. И это событие!

Кинолента была представлена зрителям на исторической сцене Малого театра. Глубокое впечатление оставляет образ писателя, с тонким психологизмом воплощённый народным артистом России Владимиром Афанасьевым. Мы увидели драматурга-философа. Основой для творческой удачи послужили строки самого Александра Островского: каждое слово в монологах главного героя документально.

Размышления писателя чередуются со сценами из пьес, разыгранных в тех местах, где были задуманы драматургом. В образах персонажей Островского блистают ведущие артисты театра — Людмила Полякова, Владимир Дубровский, Ирина Муравьёва, Александр Ермаков, Алексей Фаддеев, Александр Волков и другие. Съёмки проходили под Костромой, в усадьбе писателя «Щельково», в Кинешме, где рождались герои пьес, ставшие знаковыми для русского театра. Например, мы видим на экране лесной родничок, издавна названный «Снегурочкино сердце». По легенде, он возник там, где Снегурочка растаяла от любви. Или беседка на высоком берегу Волги, где происходит ключевой разговор Паратова с Ларисой из «Бесприданницы». Когда персонажи «оживают» в тех местах, где задуманы писателем, — это завораживает. Счастливец и Несчастливцев из пьесы «Лес» встречаются на одной из крутых «повёрток» Галицкого тракта, что ведёт в усадьбу Александра Островского. По сюжету туда же едет и актёр Малого театра, примеривший на себя образ писателя...

Сценаристы Ирина Кумова и Денис Бродский драматургически точно создали ткань повествования, выявив в наследии классика стёртые временем оттенки его живых человеческих чувств: «Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделяю сюжеты вперёд в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, то есть без хлеба, с огромной семьёй...»

Картина создана при поддержке Министерства культуры киностудией Малого театра, которая этой работой

отвечает на запрос общества в сохранении и развитии традиций национальной русской культуры. «Реальные места вымышленных героев» — просветительская и в то же время высокохудожественная кинолента, что сегодня является редкостью на экранах кинотеатров. Автор идеи фильма — заслуженный артист России режиссёр Алексей Дубровский. В своём вступительном слове к премьерному показу он подчеркнул актуальность творческого наследия Островского, поблагодарил дирекцию и художественного руководителя Малого театра — народного артиста СССР Юрия

Соломина за возможность творческого эксперимента в кино.

А фильм действительно во многом оказался новаторский: наряду с тонко продуманной литературной основой в картине изящно соединились игровая и документальная стилистика. Киностудия Малого театра имеет опыт в производстве документальных фильмов, благодаря этому, наверное, тонко передана атмосфера костромских лесов, дворянской усадьбы, волжской набережной. Стоит отметить монтаж фильма, который точно обозначает ритмы, ненавязчиво погружая зрителя в атмосферу мыслей и чувств русского гения, но оставляет некоторую недосказанность, благодаря чему хочется перечитать пьесы. Живая камера придаёт кадру документальную фактуру, что делает изображение ещё более убедительным, в чём заслуга операторской группы во главе с Янушем Адамом (операторы Алексей Галкин, Илья Акишин). И мы легко переносимся в другую реальность ожившей истории.

После фильма возникает ощущение личного знакомства с героями Александра Островского, хочется узнать странности их судеб, вернуться к знакомым школам пьесам, вникнуть в ещё не прочитанные. А ведь пьес более сорока! И многие открытия драматурга, создавшего на сцене новый художественный мир, собранного энциклопедии характеров, составляют то, что мы сегодня называем русским национальным театром.

«Для русской публики требуется сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный, громкий смех, горячие искренние чувства, живые и сильные характеры» (А.Н. Островский).

Завершающий аккорд празднования юбилейного года Александра Николаевича Островского в Малом театре стал ярким событием. Хочется верить — фильм, влюбляющий в творчество драматурга, дойдёт до широких экранов. И полку поклонников русского Шекспира прибавит!

Мария Калинина

”
После фильма
возникает ощущение
личного знакомства
с героями Островского,
хочется узнать
странности их судеб,
вернуться к знакомым
школам пьесам.

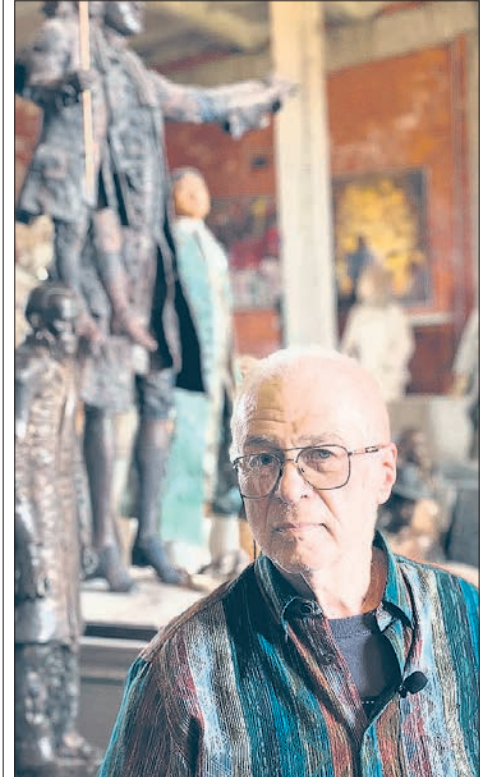

Малый театр: снимается кино

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Эпоха в лицах

Российская академия художеств в выставочных залах на Пречистенке, 21, представляет ретроспективный проект, приуроченный к 80-летию со дня рождения заслуженного художника РФ и академика РАХ Леонида Михайловича Баранова (1943–2022).

В экспозиции — более 150 произведений: от ранних скульптур 1960-х годов до работ, созданных в 2022 году. Среди них — образы деятелей культуры и искусства прошлых столетий и современности, композиции на религиозные сюжеты, которым автор посвятил последние 30 лет своей деятельности.

Творческий мир известного московского скульптора — это невероятно сложный синтезированный путь человека эпохи Возрождения, барокко и классицизма. Виртуозно владея реалистической лепкой и резьбой, художник работал в разнообразных материалах — гипсе, бронзе, меди, алюминии, дереве. Несмотря на то что мастер переживал каждый новый этап во времена постмодернизма, ему удалось создать свою траекторию диалога с искусством. Барочная смятенность, академически классическая строгость, человеческие взаимоотношения — всё использовалось автором для создания очень сложных и ясных образных открытий.

Скульптор вошёл в историю отечественного искусства своими одухотворёнными образами известных личностей в начале 1970-х годов. Среди них — портретные серии, посвящённые У. Шекспиру, М.В. Ломоносову, А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, личностям, которые неизменно олицетворяют классический пантеон непреходящих духовных ценностей. Леонид Баранов — автор масштабной серии образов выдающихся современников и его друзей — В.Е. Брайнина, О.В. Булгаковой, И.Э. Грабаря, С.Г. Мильченко, Н.В. Мурадовой, Н.И. Нестеровой, М. Пина, И.В. Пчельникова, В.В. Тишина, З.К. Церетели, А.В. Цигалья и других.

Анна Асеанская

Выставка работает до 11 февраля.

ПЕРСОНА

Наталья Опалева: траектория от А к Z

Новая премия в области искусствоведения и журналистики

О коллекционере Наталии Опалевой арт-сообщество узнало в 2014 году благодаря выставке «Анатолий Зверев. На пороге нового музея», организованной в Новом Манеже совместно с Полиной Лобачевской. Алики, дочь легендарного коллекционера Георгия Костаки, передала в дар будущему музею более 600 работ из собрания отца, которые были показаны в Манеже. Выставка запустила новый виток интереса к творчеству художника и убедила Наталию Опалеву в том, что идея открыть в Москве музей, посвящённый его творчеству, была правильной и своевременной.

Зверев был уникальной фигурой в пространстве советского неофициального искусства. Человек, органически не переносивший любую форму несвободы, он избрал неприкаянность, выламывавшуюся из рамок системы, где каждый должен был быть строго на своём месте. Более 30 тысяч работ, несколько прижизненных зарубежных выставок, признание из уст Пабло Пикассо и Роберта Фалька. Персональный музей, расширивший свои горизонты и превратившийся в музей нонконформизма, представляющий наследие российских художников второй половины XX века «от А до Z». А теперь ещё и премия в области искусствоведения и журналистики «Zverev Art Prize / Взгляд. Интерпретация. Позиция». Конкурс проводится по четырём номинациям – книга и статья о советском неофициальном искусстве второй половины XX века, книга и статья о современном российском искусстве.

«ЛГ» встретила с Наталией Опалевой – предпринимателем, меценатом и коллекционером, неуёмная энергия которой наполняет жизнь и смыслом эту вольгову дугу, соединяющую точку А с точкой Z.

– Наталия Владимировна, управление финансами считается наукой строгих правил. Искусство нонконформизма никаких правил не признаёт. Ваше увлечение породило искра, вспыхнувшая в точке схождения противоположностей?

– Можно сказать и так. Начало коллекции по времени совпадает с моей довольно активной деятельностью в сфере бизнеса и финансов, но объяснить, почему начала собирать именно нонконформистов, я не могу. Покупка первых работ – это был одновременно эмоциональный жест и интеллектуальный запрос, стремление узнать новое и расширить свой кругозор. Но знания и опыт в сфере финансов и управления пригодились мне потом, когда возникло желание открыть музей и заниматься выставочной и образовательной деятельностью профессионально.

– О вас говорят как о коллекционере, живущем по заветам Георгия Костаки. Если это так, то как вы их для себя формулируете?

– Георгий Дионисович Костаки действительно является для меня примером того, как интересно и насыщенно можно прожить жизнь, посвятив её главной страсти – коллекционированию, при этом ещё и помогая живущим

рядом с тобой художникам. В замечательной автобиографической книге «Коллекционер» есть глава «Кодекс коллекционера», где Костаки формулирует свои главные принципы собирательства, многие из которых мне близки. Например, такие:

– рационализм – величайший враг собирателя;

– собиратель не должен торговаться; гораздо выгоднее для него переплатить, чем недоплатить;

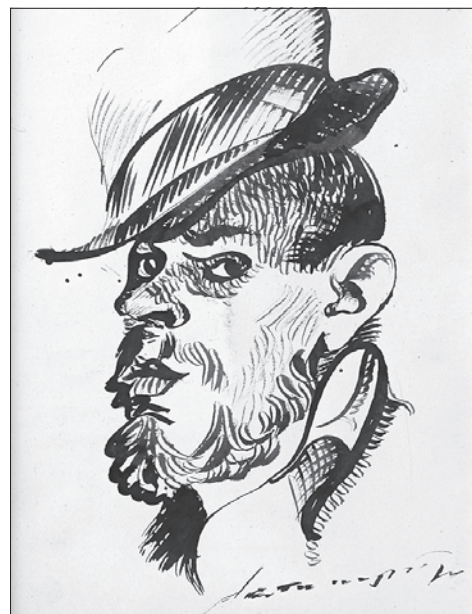
– одна из наиболее важных заповедей для собирателя – он должен очень точно, даже безжалостно установить границы коллекции...

– Изначально премия ориентировалась на художников, теперь – на искусствоведов и арт-критиков. Какова причина столь резкой смены формата?

– Я бы не называла это сменой формата, скорее речь идёт о расширении и углублении сферы интересов. Два года назад мы провели масштабный открытый конкурс среди современных художников, сделали выставку номинантов, вручили призы лауреатам. Эта премия будет существовать и дальше. Надеемся, что нам ещё не раз удастся удивить профессионалов и широкую публику открытиями в области современного искусства. Но в процессе стало понятно, что искусство не может существовать и развиваться без текстов, которые исследуют, осмысливают и интерпретируют те или иные художественные явления. Именно критик и исследователь могут предложить научный и смысловой инструментарий для анализа и синтеза различных направлений в искусстве, тем самым обозначая вектор его развития в будущем.

– Кто на этот раз вошёл в экспертный совет премии?

– Ведущие специалисты в области истории искусства, журналисты, арт-критики и кураторы, среди которых Александр Боровский, Сергей Хачатуров, Софья Багдасарова, Наталия Сиповская. Нам было важно собрать и объединить людей интересных, глу-

Анатолий Зверев.
Автопортрет в шляпе.
Конец 1950-х

боких, ярких и беспристрастных – тех, кто может увидеть и оценить и новый взгляд, и нестандартную авторскую позицию. И это получилось! С одной стороны, члены экспертного совета имеют фундаментальный искусствоведческий бэкграунд, обладают энциклопедическими знаниями, а с другой – включены в жизнь современного искусства самым непосредственным образом.

– С окончанием новогодних праздников

” Будущее всегда зиждется на понимании связей, заложенных в прошлом и настоящем. ”

закончился и срок подачи заявок. Кто они – соискатели премии?

– Состав участников очень разнообразный. В «книжных номинациях» авторы – в большинстве своём люди известные. Однако задача премии не только в том, чтобы отметить наиболее важные и значимые труды в области исследования неофициального искусства второй половины XX века, но и найти новых авторов, которые могут предложить какой-то иной инструментарий для анализа культурных процессов. Поверьте, это необыкновенно увлекательная и азартная, в чём-то даже авантюрная задача. Сродни кладоискательству. Кроме того, это помогает нам открывать и новые имена самих художников как XX века, так и современных.

– Когда коллекция перерастает пространство, которое способен выделить для неё владелец, возникает частный музей. Что может произойти, если музей перерастёт свои пределы?

– Знаете, мне кажется, что этот процесс цикличен: коллекция – выставки – музей. Музей как институция – это живой, дышащий, растущий организм. «Перерасти пределы» он не может – просто начнёт новый цикл. Так было с наследием Анатолия Зверева и художников-нонконформистов, так теперь происходит на новом витке с современным искусством. Сейчас моё собрание пополняется работами современных художников. Возникло новое арт-пространство AZART/Маросейка. Оно растёт и расширяется, и я не исключаю, что, возможно, со временем возникнет необходимость создать на этой основе музей современного искусства. В своё время Георгий Костаки мечтал о таком музее – для него то, что мы сейчас называем нонконформизмом, и было актуальным и современным искусством.

– Вы как-то сказали, что музеи должны конкурировать с диваном, а не между собой. А конкуренцию с интернетом вы в расчёт берёте?

Зачем куда-то идти, если можно всё увидеть в два клика, не выходя из дома? Не вытеснит ли виртуальная реальность человека из подлинной жизни?

– Это невозможно! Сколько было разговоров о том, что фотография заменит изо-

бразительное искусство, кино – театр и литературу, а затем телевидение уничтожит всё вообще! Технологии открывают новые возможности для творцов и аудитории, но не заменяют самой сути искусства. Если рассуждать с этой точки зрения, то зачем смотреть десятки постановок шекспировского «Гамлета», когда можно прочитать пьесу? Так и с выставочными проектами – можно увидеть работы в интернете, но выставка генерирует новые образы и смыслы, формирует восприятие искусства. Само пространство, его оформление, музыкальное сопровождение, медиа- и кино-контент создают возможность для нового прочтения тех или иных произведений. Так, например, выставка «Зверев / Михнов – Войтенко. Секунда, умноженная на вечность», которая сейчас проходит в нашем музее, предлагает увидеть ранние художественные поиски двух легендарных фигур неофициального искусства Москвы и Ленинграда, показав их сходство и разность, и понять, чем была эпоха «оттепели», в буквальном смысле разогревшая искусство на несколько десятилетий вперёд.

– Какое место занимает премия в системе «коллекция – музей»? Вы действительно считаете её способом заглянуть в будущее?

– Конечно! Но заглядывать в будущее просто так, из любопытства – бессмысленно. Нужно чувствовать и понимать, как к нему прийти, попытаться в той или иной степени определить его образ. Именно поэтому появилась необходимость премии в области искусствоведения и арт-критики. Будущее всегда зиждется на понимании связей, заложенных в прошлом и настоящем. В немецкой философии был сформулирован принцип триад: «тезис – анти-тезис – синтез» или «бытие – ничто – становление». Вот и мы рассматриваем прошлое, настоящее и будущее искусства как составные части этой триады.

Беседу вела
Виктория Пешкова

Дела пацанские

«Слово пацана» стало самым резонансным и обсуждаемым в России кинособытием ушедшего года

Миллионы просмотров, сотни разноречивых сетевых откликов и десятки видеоспикеров, пересказывающих и комментирующих целые серии и отдельные эпизоды киноромана. Были у «Слова пацана», конечно, отечественные предшественники разной степени родства – «Путёвка в жизнь» Николая Экка (1931), «Тимур и его команда» Александра Разумного (1940), «Ваши права» Инессы Селезнёвой (1974), «Пацаны» Динары Асановой (1983), «Бригада» (2002) Алексея Сидорова и другие, пользовавшиеся немалым успехом, но успех в досетевую и сетевую эпохи едва ли возможно измерить общим аршином, хотя можно объяснить умом.

Анна Пересильд (Айгуль) на премьерном показе

Подросток, как понял ещё Достоевский в одноимённом романе, – переходный человеческий тип, сочетающий в одном лице «детскость» и «взрослость», не случайно в консервативной педагогике ему давали определение «уже не ребёнок, ещё не взрослый», лишаящее его прав ребёнка и не дающее прав взрослого, а в либеральной – «ещё ребёнок, но уже взрослый». Это последнее и предоставляет кинематографистам потенциальную возможность создавать кино для тех, кто пребывает в этом возрасте, для тех, кто его перешёл, и для тех, кому ещё предстоит его пройти. И это совсем не «семейное кино», это кино для индивидуального восприятия, вызывающее потребность в общении и общественном осознании явлений, которые оно изображает. Если

удовно, это феномен, киноведческий и кинокритический анализ которого не имеет большого смысла и представляет лишь узкий профессиональный интерес.

И уж совсем бессмысленны разговоры о воспитательном или разлагающем влиянии «Слова пацана», не учитывающие, что показ сериала произошёл в других социально-политических условиях, нежели те, в которых происходили его события.

Формирование «самопальных» молодёжных группировок возможно лишь при дезорганизованной власти и слабости общественных институций, которые могли бы занять подростков. Так было после Гражданской войны, оставившей

миллионы беспризорных, и после Великой Отечественной, породившей повальную безотцовщину и возродившей давнюю традицию массовых побоищ – с той разницей, что в крестьянской стране деревня шла на деревню, а в городской – улица на улицу или район на район. То же случилось в период «застоя», то есть деградации институтов, призванных социализировать подростков, и при запрете независимой от государства организационной самостоятельности. И если нечто подобное повторится, об ответственности «Слова пацана» за это говорить не придётся – просто некоторые пацанские понятия, о которых напомнил сериал Крыжовникова, вновь окажутся востребованными,

как мало кому ранее знакомое слово «чушпан».

Впрочем, сугубо пацанскими эти понятия никогда не были, поскольку уличный кодекс составлен из заимствований – в частности, из уголовной среды взятый принцип «никогда не извиняйся», которого придерживаются харизматичные политики и власти авторитарных стран, и травля изнасилованных («опущенных») независимо от половой принадлежности, которая в «Слове пацана» доводит возлюбленную одного из героев до самоубийства. Кстати, с кодексом пацанской чести в сериале не всё ясно – вроде бы бить лежачего и тем паче пинать его ногами, да ещё целой кофдой, считается недостойным («запахло»), однако

действующие в сериале группировки занимаются этим в каждой стычке, а уж кулаками по лицам и головам молотят с такой яростью, что, будь эти побоища всамделишными, после каждого оставался бы десяток трупов, а не один забытый пацан на восемь серий.

Проблемой для создателей фильмов, особенно жёстких, нынче являются окончания, поскольку их судит весьма разнородная аудитория, включающая и рядовых зрителей с их представлениями о «правильной» концовке, и добровольных охранников морали, и действующих, невзирая на пятый пункт 29-й статьи Конституции, цензоров из Роспотребнадзора и Минкультуры. Так что угодить всем значимым группам оценщиков суперпопулярного продукта совсем непросто, не то что в советские годы, когда на вкусы публики можно было особо не оглядываться, а чтобы потрафить редактуре, кинолиганам достаточно было или перекопаться и влиться в ряды советогенда, как порой называли комсомол, или же быть повязанными доблестной милицией и понести заслуженное наказание. Неуверенность авторов чувствуется в кадрах последней серии, нередко без нужды затянутых, как драка Пальто и Марата, или оставляющих у фанов недоумённые вопросы вроде того, погиб ли главный герой Вова Адидас от выстрела майора. Но в целом финал, можно сказать, отразил роль официальных структур в усмирении разгулявшихся юнцов, немного воздал им за грехи, но оставил возможность поучаствовать в следующем сезоне.

Виктор Матизен

Феномен популярности

Про новый сериал Жоры Крыжовникова говорят все

Аналитические заметки о проекте появились даже на страницах видных западных таблоидов, таких как The Economist. А уж о том, какая информационная бомба сдетонировала на постсоветском пространстве, и говорить не приходится!

Блюстители нравственности, что интересно, находящиеся по разные стороны баррикад, усмотрели в «Слове пацана» ни много ни мало угрозу национальной безопасности, причём ссылаясь не только на пресловутую романтизацию «уличной жизни», которой, как выяснилось по итогу просмотра всех эпизодов, в самом сериале точно нет. Тем не менее совершенно уверенно можно сказать одно: несмотря на усилия сторонников запрета шоу в России и реальный запрет на Украине, сериал однозначно пришёлся по душе огромному количеству зри-

телей, преимущественно из числа молодёжи.

Если говорить про причины успеха у юных зрителей, то всё просто: по сути своей это история взросления в период сепарации от семьи, а потому не особо важно, какое сюжетное «мясо» на этом «скелете» и в каком столетии происходят события сериала. Вопреки расхожему стереотипу, чаще всего молодёжный бунт выражается не в противопоставлении себя всему миру, а в желании стать частью чего-то большего, обретении новой социальной среды, и при этом отделиться от семьи. Да, благодаря развитию новых средств связи и минимизации живого общения эпоха привычных субкультур подходит к концу, но это не значит, что у подростков пропала соответствующая потребность. Но в то же время крайне важно, чтобы юные зрители, довольно часто копирующие паттерны поведения

любимых героев, досмотрели «Слово пацана» до конца, чтобы понять вредность пацанской идеологии.

Ещё одним фактором, также в значительной мере повлиявшим на такую бешеную популярность сериала именно в молодёжной среде, можно считать то, как Крыжовников тонко чувствует все модные тенденции в визуальном и звуковом повествовании. Это уже и привычный для режиссёра местами клиповый монтаж, и, конечно, атмосферный трек «Пыяла», который и вовсе плотно обосновался в мировых музыкальных чартах, чем во многом и прославил сериал за пределами постсоветского пространства.

Подводя итог всему вышесказанному, не стоит удивляться временному анахронизму феномена популярности «Слова пацана», хотя, безусловно, тенденция на эстетизацию 80-х тоже имеет место

В роли Андрея Леон Кемстач

быть. Не могу судить о том, насколько правдоподобно Крыжовникову и команде удалось воссоздать антураж поздней перестройки, но справедливо можно заявить, что успех у тех, кто не застал то время, кроется совсем в другом.

Никита Маргаев

Генералы казанских карьеров

Почему «Слово пацана» увлекло и разочаровало?

Среди поклонников сериала и совсем ещё дети-подростки, и зрелые граждане, и даже весьма пожилые. Мистический лейтмотив «Пьяла», посмотрев «Слово...», напевали не только татары и русские, но и чуваша, и ингуши, и мордва, и мокша... то есть вся наша «орда», а также, что удивительно, вроде люто ненавидящие её украинцы, что вселяет надежду на неминуемое примирение. Сериал пришёлся по душе патриотам, но он «зашёл» и иноагентам. Последние в сериале увидели беспощадную сатиру на современную Россию, где власть – злобный криминальный пацан, а народ – бесправный, униженный, ограбленный чушпан. Однако почему эту метафору относят к России, а не к современной Украине, где сдаются в плен, объясняя: «Надое-ло быть чушпанами»?

Привлекла всех не только жёсткая правда, которой нет в телесериалах, не только пережитые в детстве и достоверно продемонстрированные в фильме уличная несправедливость, жестокость, а также искреннее сочувствие героям, противостоящим унижениям, ищущим опору в дружбе, в кодексе пацанской чести, но самое главное, что подкупает в сериале, – любовь. Её много. И она какая угодно, начиная с сумасшедшей родительской. Четыре полнокровные любовные линии: пятнадцатилетний Андрей (Леон Кемстач) и юная сотрудница детской комнаты милиции Ирина (Анастасия Красовская); мать Андрея (Юлия Александрова) и майор-оперативник Ильдар (Антон Васильев); Марат (Рузиль Минкаев), пацан из семьи большого руководителя, и четырнадцатилетняя Айгуль (Аня Пересильд); старший брат Марата афганец Вова Адидас (Иван Янковский) и медсестра Наташа. Эта роль сыграна Елизаветой Базыкиной так, что я на время забыл обо всех возникших претензиях к большому либералу Жоре Крыжовникову в связи с неполнотой исторической правды в сериале.

Но теперь вспомнил, вот они: нет главной причины катастрофы героев и страны, нет даже намёка на тех, кто виноват в обвальном криминализировании. Всё зло тогдашнего мира сосредоточено почему-то в образе комсорга Коневица. Александр Самойленко убедительно сыграл редкостного прохиндея, который, с одной стороны, рьяно агитирует против пацанских «группировщиков», с другой – ведёт подпольный бизнес с варёными джинсами, с третьей – настолько плотно сотрудничает с органами, что может доставить парня, изнасиловавшего Айгуль, к Марату, чтобы тот с ним беспощадно расправился. Не поверил я. Слишком откровенный негодяй, да ещё бравирующий своей подлостью, – такой в том жестоком мире, который нарисовал Жора Крыжовников, долго бы не протянул: был бы где-нибудь в тёмном углу прочуен либо пацанами, либо цеховиками-конкурентами по производству и сбыту варёнки.

Совершенно нет в сериале незабываемой перестроечной эйфории, неповторимой идиотской атмосферы тех лет, когда днём все смотрели прямую трансляцию съезда народных депутатов, вечером – «Рабыню Изауру», а ночью – «Взгляд». С середины восьмидесятых под чутким партийным руководством горбачёвско-

Елизавета Базыкина (Наташа) и Иван Янковский (Вова Адидас)

го Политбюро Советский Союз сходил с ума. Генсек совместил сухой закон, свободу слова, отмену партийного диктата и рыночные реформы, после чего огромная страна с визгом, гиканьем и святой верой в светлое капиталистическое будущее понеслась в пропасть. В сериале же фон такой же, как и во всех антисоветских фильмах про СССР, – убогий, мрачный, безысходный.

Но важный плюс «Слова...»: Крыжовников собрал отличный актёрский ансамбль. Замечательно намечена линия взаимоотношений Андрея и милиционерши... Ангел-пионер, играющий на столе по нарисованным клавишам в начале сериала, как и многие здесь, стремительно взрослеет, однако во что выливаются его отношения с возлюбленной, непонятно. Да и взросление героя только обозначено. Причём страшными красками. После того как Андрей в больнице жестоко, по-гангстерски избивает спящего парня, которого подозревают в убийстве Ералаша, симпатии к нему улечиваются, да и вера в сериальную правду тоже, а появляется злобное желание запретить сериал к чёртовой матери. Далее, в последней драке с Маратом Андрей побеждает, но в это не веришь, как и в то, что Марат пошёл в услужение к подонку Коневицу. И главный недостаток любовной линии Андрея и милиционерши: нет развития. В финале Ирина точно такая же, как в начале сериала, хотя в её взаимоотношениях с Андреем было множество драматических перипетий.

Линия майора Ильдара и матери Андрея очень убедительна, роли замечательно сыграны, оперу сочувствуешь не меньше, чем пацанам, не поверилось только, что несчастная сошедшая с ума мать стала вдруг очень быстро выздоравливать.

Любовь Марата и Айгуль – самая пронзительная: юная Аня Пересильд отлично справилась со сложнейшей ролью, ей веришь – впрочем, тут такой случай, когда плохо сыграть трудно, так мастерски выстроены убийственные обстоятельства вокруг её короткой

”
Нет главной причины катастрофы героев сериала и огромной страны, нет даже намёка на тех, кто виноват в обвальном криминализировании СССР.

“
жизни. Жалко и Айгуль, и её отца (Ильдус Абрахманов), и мать (Руслана Доронина). Только в то, что Марат сдал всех своих друзей, подбросив одному из них пистолет, я категорически не поверил. Понятна его месть пацанам, затравившим Айгуль, но всё же Марат не Иуда.

Про Адидаса и медсестру. Сразу после появления в третьей серии Наташа становится главным объектом внимания – ей веришь, сочувствуешь, хочешь, чтобы у неё всё было хорошо. Хотя и влюбилась она в очень мутного парня, к тому же убившего её двоюродного брата... Страшно стало, когда после Наташиной импровизации, спасшей Вову от гаишников, она вдруг признаётся: «Я в первый раз соврала!» Но говорит она это, так задорно хохоча, что подумалось: если так пойдёт и дальше, то пацанская драма превратится в триллер наподобие «Бонни и Клайда». Но не превратилась: Адидас, ехавший в Абхазию, вдруг возвратился в Казань. Зачем?

Много вопросов к образу Вовы Адидаса. Его отец (Сергей Бурунов) мучается: почему сыновья выросли не такими, как он? А действительно, почему? Папаша – крупный руководитель, почему старший попал в армию, ведь наверняка была возможность поступить в институт (как минимум в казанский, если не в московский)? Почему,

вернувшись из армии, Вова не воспользовался возможностями нового рыночного времени, связями отца и не основал какое-нибудь СП или кооператив? Что за инфантилизм? Почему его, красавца-мажора, из армии не ждала невеста? Почему он всё время проводит с малышнёй, а не с однополчанами и сверстниками? Такое вполне могло быть, если он из самых, что называется, низов, а не из четырёхкомнатной квартиры в центре Казани. Понятно, что Крыжовникову нужны были русские «генералы песчаных карьеров», но и внешне, и по сценарию Вова не из их среды – типичный столичный мажор. Так кто он? Робин Гуд или мерзавец, эксплуатирующий детей? Не поверил я и в главное событие сериала – в то, как Вова убил Жёлтого (Андрей Максимов). Это не эмоциональный срыв, не по пьяни, он долго целился, было время подумать обо всех последствиях, тем более что Вова, командир разведки, видел смерть в Афгане. Он уже ранил Жёлтого, отомстив за Марата и за своё унижение, а ещё до того, как Вова достал пистолет, Жёлтый отказался от всех претензий по поводу украденного людьми Адидаса видеомагнитофона и фактически отдал ему негодяя, изнасиловавшего Айгуль. Но Вова его всё-таки убил. Поверженного, беззащитного, безоружного. Не по-русски это и не по-татарски – не по-пацански. И глупо. Так же, как приезд на юбилей к отцу – он же знает, что его ищут, к тому же его отговаривает умная любящая Наташа. Сцена на юбилее ничего не прибавила. У отца уже был сердечный приступ в предыдущей сцене, зачем ещё одна, к тому же вяло сыгранная Сергеем Буруновым?

Говорят, Крыжовников в срочном порядке переснимал последние серии, но это не спасло сериал. После необыкновенного подъёма после пятой серии в итоге – разочарование. И желания пересматривать нет, слишком много нестыковок и неоправданно жестоких сцен.

Александр Кондрашов

Владимир Берзин, писатель

Покаяние

У нас возник особый ритуал покаяния — под веб-камеру. Особенно хорошо это стало видно во время ставшей знаменитой вечеринки с полуголыми эстрадными певцами. К слову сказать, когда люди хотят устроить какой-нибудь бал сатаны по Булгакову, оголиться, то выходит не обнажённая Маргарита, а какой-то Новый год в бухгалтерии. Срамота, одним словом. Для эпатажа нужно обладать очень тонким вкусом, а с этим у человечества дефицит, и не только у нас.

Но я не про это, а про публичные извинения.

История с этими покаяниями куда интереснее, чем может показаться. То есть всё в мире интересно, но есть случаи, как говорят учёные люди, «кейсы», с помощью которых можно понять больше, чем обычно.

Во-первых, покаяние всегда процесс внутренний, и это нам ещё Достоевский рассказал, да только кто будет в школе и дома внимательно читать заданные учителем книги. Раскольников кается дважды, и, когда он делает это на площади, его покаяние не принимается. К тому же оно не бывает вынужденным. Это доказали разные люди в бурнусах, делающие ролики с заложниками, где те проклинают свои правительства и весь мировой империализм заодно.

Во-вторых, покаяние несовместимо с унижением. Можно даже сказать, что вынужденное (да и невынужденное) унижение противоположно покаянию.

В-третьих, созерцателям принародных извинений тоже не повезло. Публичное унижение развращает и участников, и зрителей. Беда, если публика начнёт испытывать от него удовольствие или удовлетворение. Всё это шмыганье, игра (а там все — актёры, причём плохие) учат тому, как вести себя маленькому человеку с его мелкими грехами: сорванными сроками, кривыми ремонтами и ошибками в документации. И он этому, увы, быстро учится.

Для всех эта история токсична, как говорят наши юные друзья. Более того, она стимулирует очень неприятное народное чувство:

” История показывает, что институт публичных покаяний возникает повсюду, и это тревожный знак. Чем больше роликов с извинениями, тем дешевле стоят в них слова.

ненависть черни (в пушкинском смысле) к господам. Потому что потребители покаяний — это те самые читатели глянца, в котором они ловили истории про жизнь кающихся. И вот они бормочут про себя или уже вслух: «Отлились кошке мышкены слёзки, отомщена наша зависть их квартирам и машинам, мало у нас радости в жизни, так будет вот эта». Но именно они кормили своим любопытством всё то, что теперь сладострастно порицают. Именно они плющили носы об окна валтасаровой вечеринки и теперь с восторгом замечают, что Федеральной налоговой службы рука роковая чертит огненные письма на стене дворца.

Важно то, как маленький человек, идол русской литературы, реагирует на всё это. Ещё несколько лет назад маленький человек вполне резонно недоумевал, как за океаном чиновники и бизнесмены преклоняли колени в ходе кампании BLM. Маленький человек недоумевал, как «культура отмены», которая была и в нашем богоспасаемом отечестве во время партийных чисток, вдруг возникла в другой стране — огромной и богатой. А уж как каялись во времена Культурной революции в Китае, так и вовсе страх Господень. Тогда у китайцев не было интернета, поэтому кающиеся стояли на площадях в окружении толпы, а на шеях у них болтались таблички с суровыми иероглифами.

История показывает, что институт публичных покаяний возникает повсюду, и это тревожный знак. Чем больше этих коротких роликов с извинениями, тем дешевле стоят в них слова. Чем очевиднее то, что люди извиняются вынужденно, чтобы сохранить кафедру, микрофон в руках, свободу, жизнь, тем (во всех странах) этот ритуал становится бессмысленнее.

Но сто лет назад об этом много кто уже написал, и писатели тогда были лучше меня. ■

«Здесь время обратилось вспять»

Ольга Ковалик.
Балаклавский Георгиевский монастырь. Эссе-импрессия.

— М.: ЭЙПиСиПаблшинг, 2023. — 160 с.: ил.

Новая книга Ольги Ковалик словно завершила своеобразную трилогию, посвящённую истории сакральных мест Севастополя. До этого вышли (и уже стали библиографической редкостью) её исследования о храме Семи священномучеников Херсонесских и Владимирском соборе — усыпальнице адмиралов императорского Черноморского флота России. И вот под занавес 2023 года издан богато иллюстрированный том о житии-бытии Балаклавского Георгиевского монастыря.

Автор излагает огромный, в основном новый или пересмысленный документальный материал в жанре эссе-импрессии, о чём информирует читателя в подзаголовке к книге, заранее настраивая его на доверительное и непринуждённое общение. Надо сказать, Ковалик всегда удаётся наладить контакт со своей аудиторией. Причём не только ёмким и точным словом, но и выверенным изобразительным рядом — ещё одним свидетелем исторической уникальности изучаемого ею «объекта». Вот и в книге о монастыре во имя святого Георгия Победоносца 150 оригинальных произведений живописи, графики и фотографий метко иллюстрируют мысль автора и наглядно передают неповторимое очарование монастырской локации. Основная их часть опубликована впервые. Весь массив материалов выявлен в российских музеях и архивах — от Дальневосточного художественного музея в Хабаровске и Тюменского музейно-просветительского объединения до учреждений культуры Крыма.

Впрочем, Ковалик интересуют не только перипетии смутной истории и древнейшего в России монастыря. Ей по душе и восторженные впечатления таких выдающихся паломников, как

Грибоедов, Жуковский, Ал. Толстой, Островский, Верещагин, Чехов, Айвазовский и многих других. Ту же эмоциональную «копилку» пополнили отзывы заморских гостей, например композитора и авантюристки леди Элизабет Крейвен, политика и коллекционера древностей сэра Ричарда Уорсли, архитектора Уилли Ревели, профессора Фредерика Дюбуа де Монперё, писательницы Адель Омер де Гелль, согласно мистификации Павла Вяземского имевшей тайным попутчиком Лермонтова...

Пушкин, проведя в Крыму в компании генерала Раевского и его сына Николая «счастливейшие минуты жизни», всё же «единственно сильное впечатление» испытал от Георгиевской обители. В результате его посетили рифмы: «К чему холодные сомненья...»

Книга подробно рассматривает легенды и гипотезы о возникновении Георгиевской обители. Если глава «Где скал нахмуренные своды» сосредоточена на античном мифе о бывшем в районе мыса Фиолент капище Ифигении, его отражении в политических этюдах Екатерины Великой и творчестве Гёте, то в части «Воспоминанием упоенный» акцентированы исторические свидетельства о монастыре, начиная с первого, датируемого 1578 годом.

Раздел «Бывалые дела исчезнувших жильцов» посвящён достоверным монастырским событиям конца XVIII — начала XX века. Здесь читателя ждёт ряд интересных открытий. Так, в летопись монастыря введено имя иеромонаха Виктора (Высоцкого) — известного регента и духовного композитора, об искусстве которого писал Лермонтов в романе «Княгиня Лиговская». В 1839 году он был переведён из московского Симона монастыря в Георгиевский по обстоятельствам, изложенным в книге. Также дан ответ, почему «окаянные татары» не посягнули на благополучие древней «пустыньки», хотя разорили все христианские святыни Крыма.

Интересен рассказ о «задумке» настоятеля игумена Никандра построить «курортные

сооружения» на 11 гектарах земли, принадлежавшей Георгиевской обители. Деловая хватка «Ермолаев Лопахиных» соблазнила и братию, получившую от Святейшего Синода благословение на столь доходную негоцию.

В книге уделено много внимания «флотскому» периоду в жизни монастыря. На его территории располагалась дача адмирала М.П. Лазарева. Его благодетелем был причисленный к лику святых адмирал Ф.Ф. Ушаков. Молитвенную связь с настоятелем митрополитом Агафангелом поддерживал адмирал П.С. Нахимов.

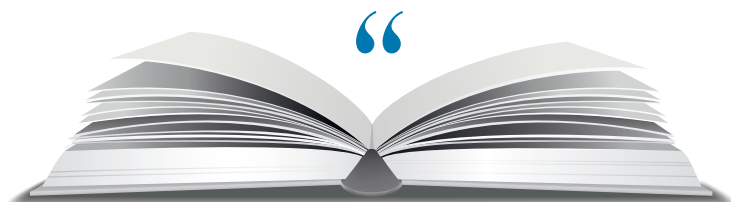
Автор честно описывает беспрецедентный статусный «режим» насельников, которым, кажется единственным в России, разрешились мясные блюда по причине того, что им приходилось окормлять корабельные команды во время длительных и опасных боевых походов. Да и само впечатление от романтического места Георгиевской обители оппозиционно молитвенному настрою иноков, так как отличается преизбытком мирского внимания и неукротимо-разрушительной мощью природы.

Взволнованные строки посвятила Ольга Ковалик духовным и ратным подвигам балаклавских монахов во время Крымской войны и обороны Севастополя 1854–1855 годов. Вообще, безупречная флотская история легендарного Георгиевского монастыря, раскрытая в книге, даёт ему право на прежний статус «флотского убежища». Тем более что в прошлом году Священный Синод РПЦ восстановил существовавшую до 1918 года должность протопресвитера военного и морского духовенства.

В последней части — «Метаморфоза» автор даёт волю и своему чувству: «Слава тому, кто первым удивился — ужаснулся — покорился непередаваемой и неповторимой красе этого священного осколка Божьего мира. Благословен тот, кто воспел здесь Господа. Хвала тебе, дерзнувшему основать Георгиевский монастырь на пограничье Жизни и Смерти».

Анастасия Григорьева

”
Ольге Ковалик всегда удаётся наладить контакт со своей аудиторией не только ёмким и точным словом, но и выверенным изобразительным рядом.

НОВОСТИ

Презентация

Владимир Петров и Андрей Шацков

В рамках Всероссийского фестиваля «Покровский собор», который посетило 6000 человек, состоялась пилотная презентация альманаха «День поэзии – XXI век. 2022–2023 гг.», выпущенного при содействии Литературного фонда «Дорога жизни», возглавляемого поэтом Дмитрием Мизгулиным.

Презентацию вели главные редакторы издания – Андрей Шацков и Владимир Петров. В ней приняли участие поэты: Алексей Витаков, Геннадий Иванов, Нина Дьякова, Виктор Кириушин, Кирилл Козлов, Александр Орлов, Нина Попова, Светлана Размыслович, Евгений Юшин.

Член попечительского совета альманаха Кирилл Козлов принял участие также в поэтическом конкурсе «Покровского собора» и стал его лауреатом.

Большая презентация альманаха ожидается 19 марта в ЦДЛ, а в конце января туда же поступят для вручения авторские экземпляры сборника. ■

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

С ним можно идти в разведку

Есть даты, которые, независимо от своей «круглости», всегда рождают в душе ощущение праздника. 11 января Николаю Долгополову – не просто постоянному автору, но доброму другу издательства «Молодая гвардия» – исполнилось 75 лет. И для всего издательского коллектива это без преувеличения настоящий большой праздник. Как, впрочем, наверняка и для сотрудников «Российской газеты», в которой Николай Михайлович трудится в должности заместителя главного редактора.

Символично! Долгополов – большой журналист и большой писатель. И верен обоим своим призваниям. Недаром достижения и в той и в другой сфере впечатляют! Он член Союза журналистов России и Межрегионального Союза писателей. Дважды лауреат премии Службы внешней разведки РФ (его книги о разведчиках в легендарной серии «ЖЗЛ» – золотой фонд «Молодой гвардии») и премии правительства РФ в области средств массовой информации.

Да, в юбилей принято перечислять заслуги. 13 книг, более двух тысяч статей, и это не считая сценариев к десятку документальных фильмов. И каждое слово – правда! Многих своих героев Долгополов знал лично, дружил с ними долгие годы...

Но лучше всего о писателе говорят отзывы его читате-

лей. Вот лишь некоторые из них: «Очень интересные книги о людях трудной судьбы! Читать всем как пример патриотизма, беззаветной преданности Родине и профессии...»

«Настоящая биография Абеля-Фишера увлекательнее любого шпионского романа».

Творческих Вам успехов, дорогой Николай Михайлович! Мы гордимся сотрудничеством с Вами!

Мария Залеская,
главный редактор
издательства
«Молодая гвардия»

«ЛГ» присоединяется
к тёплым словам
поздравлений и желает
Николаю Михайловичу
Долгополову новых
творческих успехов.

Анонс

19 января в 18.30 в малом зале Центрального дома литераторов (ул. Большая Никитская, 53) состоится вечер, приуроченный к 130-летию со дня рождения выдающегося поэта Георгия Иванова. Встреча пройдёт в рамках цикла «На перекрёстках миров». Среди участников – Андрей Галамага, Александр Карпенко, Вячеслав Куприянов и др.

Школа «Пишем на крыше» объявляет набор на зимний семестр. 3 февраля стартуют поэтические семинары Дмитрия Воденникова – поэта, эссеиста и любимого многими мастера нашей школы. Занятия будут проходить один раз в неделю по выходным в течение двух месяцев, продолжительность каждого семинара – 2 часа. В семинаре возможно участвовать дистанционно. Отправляйте ваши заявки на почту редакции: vorplit@mail.ru, указывайте в теме письма школу «Пишем на крыше». По этому же адресу можно задавать все организационные вопросы. Обратите внимание, что участие в семинаре платное. По кодовому слову «ЛГ» – скидка.

17 января в 19.00 состоится презентация нового романа Алексея Варламова «Одсун» в магазине «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, д. 6, стр. 1). Вход по предварительной регистрации. ■

Премия

Стартовал 13-й сезон премии для переводчиков имени Норы Галь. Отправить на конкурс можно переводы короткой прозы XX и XXI веков с французского и английского языков. Работы принимаются до 15 марта по адресу: info@vavilon.ru. Имена лауреатов будут названы 27 апреля, в день рождения Норы Галь. Подробнее с положением о премии можно ознакомиться на сайте: vavilon.ru ■

Пригласительный билет

В отделе ГМИРЛИ имени В.И. Даля «Музей-квартира А.Н. Толстого» (ул. Спиридоновка, 2, стр. 1) с 13 по 31 января проходит первый Открытый фестиваль моноспектаклей «Аэлига». В нём принимают участие профессиональные актёры, студенты профильных учебных заведений из различных регионов Российской Федерации. ■

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

Евгений Чижов.
Самоубийцы и другие шутники.

– М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. – 256 с.

В каждой из новелл, включённых в новую книгу Евгения Чижова, возникает «хождение по грани» – жизни и смерти, допустимого и запрещённого, любви и ненависти.

Ашот Вартамян.
Легенды советского телевидения: «Кабачок «13 стульев» (альбом).

– М.: У Никитских ворот, 2023. – 384 с.

Эта книга-альбом – по сути, первое издание об одной из славных страниц эстрадно-развлекательной юмористической телепередачи «Кабачок «13 стульев», выходящей в эфир с 1966 по 1980 год.

Елена Бурлуцкая. Ксения Попова. Светлана Шлеюк. Дом со львами. Личность и усадьба в истории Оренбурга рубежа XIX–XX вв.

– Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2023. – 248 с.

Издание посвящено усадьбе адвоката Е.М. Городисского в Оренбурге. В оформлении использованы архивные материалы и фотографии рубежа XIX–XX вв.

Жители РФ и Республики Крым
могут подписаться на
«Литературную газету»

2024

Подписка во всех почтовых
отделениях и через почтальона
на дому по индексам:

Каталог
Почты России:
ПР195

Каталог
Почты Крыма:
61749

Также
открыта
подписка
с февраля
по июнь
2024

Подписка
онлайн

lgz.ru
podpiska.pochta.ru

Также на сайте «ЛГ» открыта подписка
на электронную версию газеты

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

«Щелкунчик» по-ленинградски

Состоялась премьера благотворительного спектакля

Постановку «Ленинградский щелкунчик» по одноимённой военно-исторической сказке писателя Дениса Нефёдова показали в театральном-концертном комплексе «Карнавал». Первыми зрителями стали школьники, кадеты, воспитанники детских домов, дети участников СВО и ребята из многодетных семей.

В основе благотворительного спектакля, посвящённого 80-летию со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, — реальная история о кошках, спасших жителей осаждённого города от опасных заболеваний, которые могли быть вызваны нашествием в город крыс. Кошки были присланы в Ленинград в 1943 году из разных уголков СССР.

Как рассказал на пресс-конференции Нефёдов, в Сибири об этом помнят до сих пор: в Тюмени есть аллея, посвящённая сибирским кошкам, спасшим Ленинград от грызунов.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Александр Беглов, губернатор Санкт-Петербурга:

— Спектакль «Ленинградский щелкунчик» — это способ рассказать детям героическую историю защитников Ленинграда, в числе которых были не только люди, но и братья наши меньшие.

Перед юными зрителями выступили актёры московского Института театрального искусства имени Народного артиста СССР И. Д. Кобзона и МХТК. В рамках проекта «Ленинградский щелкунчик» школьные и городские библиотеки Петербурга пополнятся экземплярами книги Дениса Нефёдова с предисловием губернатора Северной столицы Александра Беглова.

Соб. инф.

УТРАТА

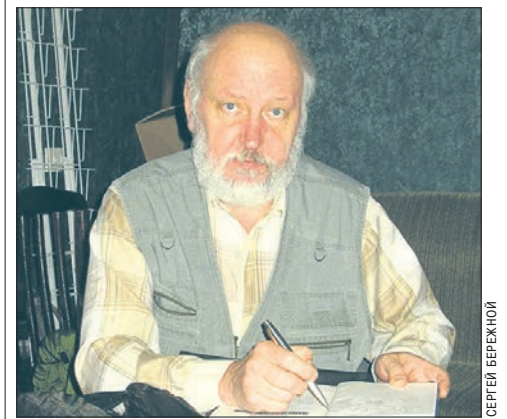
В эпицентре жанров

Ушёл из жизни писатель-фантаст, переводчик Николай Романецкий.

Он скончался в Санкт-Петербурге в возрасте 70 лет.

Николай Романецкий родился в 1953 году в Новгородской области. Окончив Ленинградский политехнический институт, работал на Балтийском заводе. После 1989-го был редактором, переводчиком, с 2002-го — ответственным секретарём журнала «Полдень. XXI век».

В 1987 году состоялась первая публикация — в журнале «Энергия» вышел сокращённый вариант повести «Третье имя», в 1996-м вышла дебютная книга «Убьём в себе Додолу».

СЕРГЕЙ БЕРКЕЖИ

БИБЛИОСФЕРА

Свершения и ожидания

Петербургские книжники подвели итоги ушедшего года

В 2023-м было сделано немало. Не менее амбициозные планы — на нынешний год.

По словам Виталия Фёдорова, директора крупнейшего в городе исторического книжного магазина — Дома книги (Зингера), 2023-й был временем «плодотворной и неустанной работы, новых проектов и больших свершений».

«Работа, — рассказал Фёдоров, — велась по нескольким направлениям. Большое внимание было уделено созданию настоящего культурного пространства, целой интеллектуальной экосистемы со всеми

условиями для популяризации чтения и формирования хорошего вкуса к литературе у жителей и гостей города.

Достижением стало открытие детского книжного клуба.

В течение года Дом книги сотрудничал с крупными университетами страны, благотворительными фондами, культурными и молодёжными организациями города.

Важным стало разделение двух главных клиентских потоков — туристического и местного, городского. Для туриста магазин предоставил широкий выбор эксклюзивной петербургской продукции, для местного жителя

была создана уютная, камерная атмосфера и предложена разнообразная культурная программа.

Главная задача следующего года — наращивать обороты и ежедневно улучшать работу Дома книги».

Удовлетворена итогами 2023-го и новый директор Книжной лавки писателей Кристина Матвеева. Она рассказала, что магазин нужно было спасти в связи с многочисленными долгами. В ноябре удалось остановить процесс банкротства и восстановить работу со всеми поставщиками. Ассортимент был расширен, помимо гор-

дости Книжной лавки — букинистических книг и виниловых пластинок, прибывших из американского магазина русской книги «Знание», в продаже появилось множество исторических, краеведческих, научно-популярных и детских книг.

В этом году команда Книжной лавки планирует продолжить работу над расширением ассортимента, в том числе за счёт книг петербургских писателей; обновлять оборудование; уделить внимание культурной программе.

Подготовил
Павел Алексеев

История как непрерывность

О книге Татьяны Никольской «Русский «бронзовый век»

Отрадно, что в своей книге «Русский «бронзовый век» Татьяна Никольская обращается к достойным писателям «эпохи советской бронзы», продолжающей традиции и наследие веков минувших — золотого, Серебряного...

Примечательно, что о некоторых, например об Иване Шевцове, до недавнего времени было не принято упоминать в определённых кругах. Некоторые, как Лариса Никольская, не обладали пробивной силой, чтобы заставить окружающих постоянно говорить о себе. Кто-то, в силу разных

причин, оставался «фигурой умолчания» (Дмитрий Балашов, Игорь Григорьев). А ведь без них невозможно представить историю литературы позднего советского периода — «бронзового века» с золотым отливом!

Книга Никольской, написанная ярко, увлекательно, основана на обширном исто-

рическом и литературном материале. «Русский «бронзовый век» представляется важной вехой в осмыслении как относительно недавно ушедшей эпохи, так и её культурного бэкграунда*. В этом контексте интересны размышления автора о поистине многострадальном жанре — историческом кино последнего полувека.

Достойны внимания воспоминания автора о встречах

и беседах с известным писателем и публицистом Николаем Коняевым (1949–2018). Это тоже частичка истории, к тому же лично пережитая и передаваемая новым поколением, что чрезвычайно важно!

Завершающий раздел книги посвящён современной литературе. И это вполне оправданно — история, в том числе и история литературного процесса, непрерывна.

Ирина Катченкова

КЛАСС ПРЕМИУМ

Триумфальная семёрка

Объявлены имена лауреатов Всероссийской литературной премии «Молодой Петербург».

Она существует с 2009 года с целью поощрения писателей, которые оберегают русский язык, русское слово, сохраняют и развивают нашу культуру.

Награда основана литературным фондом «Дорога жизни», его президентом Дмитрием Мизгулиным и обществом «Молодой Петербург».

На этот раз диплом 2-й степени в номинации «Проза» вручили Екатерине Шелементьевой. В номинации «Поэзия» были отмечены Александра Пашкевич и Вероника Першина.

Дипломы 1-й степени в номинации «Поэзия» получили Наталья Филимонова, Илья Козлов и Евгений Дьяконов.

Объявляя имя лауреата в номинации «Легенда» — Александра Кушнера, глава Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов отметил высочайший уровень творчества поэта, независимого от меняющихся времён.

Светлана Хромичева

* Происхождение; совокупность сведений, дающая представление о динамике развития чего-либо.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

«Все блокадные покойники улыбаются...»

Впервые опубликованы полностью мемуары Ольги Родштейн

Презентация этой книги воспоминаний состоялась в Санкт-Петербургском Доме книги в декабре. Написанные прекрасным языком классической прозы литературные очерки бывшей сотрудницы магазина на Невском проспекте о начале Великой Отечественной войны и блокаде Ленинграда уникальны по своему содержанию и заставляют пройти читателя вместе с ней через искушения и муки блокадного города.

Мемуары Ольги Родштейн поделены на две части. Первая — «Дневник прилавка» — воспоминания о том времени, когда она в начале 1940-х работала в Доме книги продавцом отдела иностранной литературы. Здесь мы обнаружим много метких, порой ироничных наблюдений за теми, кто приходил тогда в Дом книги на Невском:

— Дайте мне книгу «Манеры Турции».

— Простите, это не манеры, а «Монеты Турции».

— Да? Жаль. Но, может быть, найдутся и манеры? Мне очень хочется.

Дамочка кокетливо улыбается. Что у такой на уме?

Или вопрос: «Илладская гомера есть?»

Рукопись, найденная в архивах

Мирные наблюдения автора разом прерываются, когда наступают дни войны, а затем и блокада Ленинграда. Этому периоду посвящена вторая часть дневника — «Блокада» (1941–1943). Помимо того, что в нём написано, о самой Ольге Родштейн известно совсем немного. Её записки попали сначала в архив Даниила Гранина, когда он работал над «Блокадной книгой», и, пролежав архивах пять десятилетий, только теперь опубликованы. При этом часть материалов оказалась утрачена.

Каким же был Дом книги в годы войны? Вот наблюдения Родштейн в первые дни Великой Отечественной: «Длинные пыльные каналы-проходы в книжном магазине на Невском... Свет потолочных люстр не играет на отполированных прилавках: они завалены связками книг. Люди идут и идут с рюкзаками, с тюками. Знаменитости больше не придут. Война, крушение библиотек. Сбывают всё... На прилавках валяются редчайшие издания. Дом с глобусом — живой и умирающий. Мы носили книги в специальные герметические подвалы. Библиотечки рушатся... Бегут с корабля люди.

Я не побегу. Ни денег, ни помощи. Бежать тоже надо уметь. Дома две старухи и дочь. На санпосте меня ценят. Читаю вслух Чехова, и «Мисюсю, где ты?» — звучит молитвой и призывом к прежней жизни. Начинается тревога, качается дом...»

14 июля 1941 года

«Я под Лугой. Тысячи женщин. Роем противотанковые рвы. Один раз в день выдают жидкую кашу и кипяток.

— Ложи-ись! — раздаётся крик бригадного.

— Ложи-ись! — передаём друг другу. Летят «мессершмитты». Они наловчились расстреливать окопниц. Мне хорошо видно смеющееся лицо пилота. Нет страха, одна ненависть...»

Автор вспоминает, что с начала войны в городе воцарилась шпиономания: «Какой-то гражданин спрятал ложку в карман. Его схватили. Почему? Да потому, что диверсант. Зачем совет-

скому человеку, прописанному на жилплощади, простая, алюминиевая ложка?.. Джазисты Львовского джаза боятся выходить на улицу. У них великолепные ботинки, широкоплечие пальто и испорченная русская речь. Им страшно выйти в магазин и купить что-нибудь съестного. Кругом тотчас начинают оглядывать и переглядываться, и, в конце концов, гражданки их хватают. Они очумели от голода, негодования и страха...

И вдруг... Старушку, древнюю, хромую, взяли под руки, чтобы помочь перейти улицу. Бока старушки оказались жёсткими и выпуклыми: под пальто у неё были гранаты и бомбы, а вместо старушки выпрямился юноша 20 лет...»

Кольцо блокады вокруг Ленинграда смыкается. Начались ежедневные обстрелы и бомбёжки, наступает чудовищный голод.

«Мать слабеет с каждым днём. Кофе уже не даёт ей силы. На ногах вздулись вены. Дистрофия и цинга. Из пригородов — Лигово, Удельной, Озерков, Шувалова — прибежали толпы людей. Размещаются в брошенных квартирах, в школах. Нечёсаные, дикие. Выросли очереди. Лихорадочно готовлю буржуйку и за золотое кольцо скупаю брошенные штабеля дров. В комнате до потолка дрова. Пахнет сырой сыростью свеча. Телефоны умолкли. Сдаём приемники...»

Трупы улыбаются

«Трупов больше, чем обычно. Все босые. Покорная тишина вокруг этих неизвестных людей примиряет и меня: дойду, конечно, не могу не дойти. Все трупы улыбаются. Долго за спиной чувствую эти улыбки. Мерещится мне опухшее лицо дочери. Весь день она будет отвешивать хлеб, давно не похожий на хлеб: чёрный, тяжёлый. Вчера ей на весы положили бриллиант. Сброшенный на пол камень затоптала толпа. Взять с весов свою порцию надо уметь. Сбоку может протянуться чёрная рука,

Ольга Родштейн.
Дневник прилавка: 1940–1941.
Блокада: 1941–1943.
— СПб.: Аврора, 2023. — 160 с.: ил., фот.

и исчезнет хлеб. Вора, торопливо жуящего добычу, жестоко бьют. Молча...

Иду, иду домой. По панели уже протоптана дорожка. На Садовой забегаю во двор. Передо мной — гараж. Раскрыт настежь. Голые замёрзшие покойники. Бригада ещё не приехала за ними... Во двор въезжают грузовики. Люди в ватниках с крючьями растаскивают смёрзшиеся тела. Они ломаются, как спички. Руки, ноги, головы забрасывают в кузов навалом. Бригада подстилает себе рожож, люди рассаживаются, смеются. Луна гаснет. Становится темно...

Внезапно передо мной возник человек в милицейской форме. Говорили, что в городе орудует шайка переодетых грабителей-мародёров. Он выхватывает с моей груди хлеб, ещё тёплый, отрезанный дочерью, хлеб-жизнь. Слабо защищаюсь. На руке он примечает кольцо свекрови. «Отдавай», — хрипло сипит горлом.

Отдаю. Побрякушки исчезают в карманах чёрной шинели. В снег соскальзывает длинная цепь. Он нагибается и роняет хлеб. Я подхватываю и бегу что есть силы. Карточки при мне, хлеб при мне...»

Февраль 1942 года. Блокада Ленинграда. Тела умерших жителей доставлялись на Большеохтинское кладбище

1941 г., декабрь

«В нашем доме за неделю умерло 120 человек. За водой сползаем с ледяной горы на лёд и, лёжа на животе у проруби, долго ловим ведро в воде. Взобраться наверх нет сил. Половина проливается на уже обледеневший спуск. Снегом оттирают только лицо и руки. Ссохшееся тело не хочет холода. Паучьи движения, но глаза говорят.

На санпосте — чудеса: выдали талончик... в баню! Значит, какие-то люди топят баню, подвозят дрова. Плачу от благодарности и предвкушения. Я, конечно, пойду обязательно, хотя до бани километров 5. Вернусь ли, не знаю...»

«Дома мёртвые обе: и мать, и свекровь. Хожу возбуждённая между мертвецами и разговариваю с ними. По старому порядку покойников полагается обмывать. Идти за водой к проруби на Фонтанке уже нет сил. Воды набираю полную тарелку и макаю губку.

Ноги моей матери грузны и раздуты. Обмываю её лицо. Она улыбается. Все блокадные покойники улыбаются. Обтираю её лоб. Умный лобик. Хорошо знала языки, много читала. До смерти она кишела вшами. Теперь вши исчезли. Тоже мистика: куда они исчезли? Но нет ни одной. Дочь спала на подушке, обсыпанной табаком. Не переползли...

Иду во двор. Мне нужна татарка Мартынова, наша дворничиха.

— Отдай евоную карточку! — требует она и только тогда соглашается отнести до низу мою мумию.

Вот белый пакет привязан к листу фанеры с верёвкой. Фанеру я потащу вместо саней. Веревку надеваю на грудь. Морг находится далеко, на улице Маяковского...»

Май 1943 года

«Зелёные деревья в садах, пышные облака на гладких каналах. Один двор, другой, третий. Мёртвые окна, по лестницам никто не пройдёт, все двери закрыты, люди уехали, люди умерли. В пустых квартирах со стен глядят портреты. На лестнице надписи: «Не сорить», «Идите в бомбоубежище». Но уже некому сорить и некому прятаться от бомб. Город ослаб, город вымер...»

А Ольга Родштейн объезжает опустевшие квартиры, чтобы вывозить оставшиеся в них книги.

«Свозим в АПУ (в подразделение Публичной библиотеки) огромные богатства, сваливаем прямо на пол. Роскошные и редкие издания. Идёт тёплый весенний дождь. К 1 Мая велят вставить стёкла. Грузовик идёт мимо сада, где стоит Геракл. Грядки, грядки, грядки. Здесь сыро, тихо, приятно. На Адмиралтействе следы разрывов. У одной кариаиды пробит живот и оторвана грудь. В Неве лежит потопленное судно...»

И вот заключительная фраза в мемуарах: «Наш отдел блокады пользуется успехом. Глядим вперёд, ждём победы. Да здравствует жизнь!»

Что дальше случилось с автором дневника, дожила ли она до освобождения города, где жила и чем занималась потом — неизвестно...

Николай Петров

Часы с обратным ходом

Каждый человек существует в своей мифологии

Известно, что в декабре в Москве состоялось торжественное вручение премии «Большая книга». По результатам голосования Литературной академии первое место получил роман Евгения Водолазкина «Чагин», а в народном голосовании на первое место вышла книга Захара Прилепина – «Шолохов. Незаконный». Оба автора не в первый раз становятся лауреатами этой премии.

После награждения Евгений Германович вернулся в Петербург, на родную Петроградскую сторону. Ну а я перешла Тучков мост и оказалась в гостях у Евгения Германовича и его супруги Татьяны Робертовны. Мы жители двух соседних островов – островитяне.

Я принесла сувенир, а выражаясь пафосно – мечту. Потому что когда-то на Неделе русской литературы в Стамбуле Евгений Германович поделился со всеми нами таким сюжетом:

– Однажды на Камчатке со мной произошла странная история. В тот день свирепствовал циклон, на улицу было не выйти, и мы коротали время за коньяком. В какой-то момент я посмотрел на часы – большие круглые часы, висевшие на стене. И увидел, что стрелки идут в другую сторону. Подумал: всё, приехали. И пил вроде немного, ну не так чтобы... Тру глаза, подхожу ближе, смотрю, не проходит. Позвал жену, говорю: «Смотри, время – назад». Таня смотрит – то же самое: часы в другую сторону идут. Позвали хозяйина: что с часами?! Не знает.

Договорились на следующий день на трезвую голову встретиться, часы сверить. Встретились. Так и идут обратно. Сломались, наверное. Мы уехали, а я до сих пор жалею, что не попросил эти часы в подарок. Я же постоянно пишу о времени, а тут часы в прошлое.

В тот момент все слушатели понимающе кивнули, мол, да, сломанные часы – вещь в хозяйстве необходимая. Позже выяснилось, что такие часы существуют. И я дарю Евгению Германовичу часы с обратным ходом. Вполне возможно, что эта мечта была чисто эстетическая, не требующая воплощения. Но я всё-таки осуществила материализацию мечты.

– Евгений Германович, давайте представим, что эти часы волшебные. В каком времени вы бы хотели оказаться? Куда бы перевели стрелку?

– Пожалуй, в Серебряный век. Это время мне нравилось всегда: расцвет искусств, литературы. В истории существуют времена абсолютных перемен, причём часто довольно грустных, а тут какое-то радостное было умонастроение у всех. Поэтическое время. Туда бы я, пожалуй, причалил.

– А с кем бы вы хотели там встретиться?

– Знаете, в киносценарий «Авиатора» я добавил такой диалог: «А видел ли ты Блока?» Герой отвечает: «Видел, мы стояли в аптеке в одной очереди, а потом он что-то купил и вышел». – «А ты за ним почему не вышел?» – «Ну а что я мог ему сказать?» – «Ну хоть что-нибудь. И что-то от него услышать».

У меня даже был телефон Блока: четыре цифры и первая буква «Б». Но звонить сейчас, увы, бесполезно. Да и в Серебряном веке я бы тоже, наверное, не позвонил. Блок был человек занятой.

– Недавно на улице Декабристов поставили памятник Блоку. Очень много споров вокруг этой скульптуры...

– По-моему, интересная скульптура. Хорошо, когда ставят памятники. Хуже, когда их сносят.

– Это точно. А теперь вернёмся из Серебряного века в день сегодняшней, где вы стали трёхкратным лауреатом премии «Большая книга». Вообще, вы победитель многочисленных премий, ваши книги выходят в серии «Новая русская классика», в книжных магазинах – отдельные именные полки, Эмир Кустурица будет снимать фильм по вашему «Лавру», а Егор Кончаловский экранизирует «Авиатора»... Этот перечень можно продолжать. Как живёте с таким знанием о самом себе?

– Да так же, как и до этого. Слава писателя достаточно умеренна, и нет такого, чтобы на популярных авторов бросались на улицах. В книжных магазинах повышенное внимание, но здесь не о чем беспокоиться, мы вполне хорошо с моими читателями и почитателями сосуществоваем.

– Многие ваши читатели ассоциируют вас с вашими героями. В частности, с Лавром, врачом-терапевтом. Кого-то даже чтение «Лавра» исцелило от болезни.

– Одна почтенная дама сказала, что, прочитав «Лавра», она избавилась от дисграфии, которая её постигла за пять лет до этого. И я отношусь к таким вещам серьёзно, хотя редко об этом

Сначала я кладу на рукопись руку, и происходит «выравнивание давления», как в батискафе, когда он опускается. Я жду, пока давление нынешнего времени сравнится с давлением времени тогдашнего. И только после этого начинаю работать.

– Я думаю, что там не пишут, другие отношения. Там, мне кажется, просто любят друг друга.

– Скучно, наверное?

– Нет, любить – не скучно. Это как в юности первая любовь. Понятие скуки здесь просто неприемлемо. Помню, как в студенческие годы я ухаживал за одной барышней: я мог полдня её ждать, пока она была где-то на занятиях. Проходили часы, и мне не было скучно. Мне было хорошо, потому что я думал о ней.

– Знаете, мне кажется, вас и ваших героев объединяет некая отдельность. Может, это связано с наукой. Вы говорили, что благодаря работе с древнерусскими рукописями в Пушкинском Доме вы как бы «тридцать пять лет прожили в Средневековье»...

– Может, это профессиональная деформация. Когда я прихожу в рукописный отдел, сразу не могу приняться за дело: сначала я кладу на рукопись руку, и происходит такое «выравнивание давления», как в батискафе, когда он опускается. Я жду, пока давление нынешнего времени сравнится с давлением времени тогдашнего. И вот только после этого начинаю работать.

– Дмитрий Лихачёв – знаковое имя для Петербурга, Пушкинского Дома и для вас лично. Знаю, что он даже благословил вас на брак с Татьяной Робертовной, верно?

– Да, он был посажёным отцом на нашей свадьбе. Удивительный был человек. Он был на такой высоте, когда всё видно, что называется, «с высоты птичьего полёта», – весь мир видно. Но при этом, знаете, как камера фокусируется на какой-то

точке, и точка превращается в дома, дома в квартиры – и так увеличение идёт до уровня портрета человека. Это такой взгляд из космоса, может быть. И при своём кругозоре он видел каждого очень чётко. Видел и помогал. Он был добродетельный человек в буквальном значении этого слова: «делать добро».

Когда он слышал, что человек вернулся из заключения, он окружал его заботой, когда он узнавал, что молодая семья в чём-то нуждается, спешил помочь. На мой взгляд, его внимательное, доброе отношение к семьям основывалось на том, что он пережил и время террора, и время блокады. Он неоднократно говорил, что не погиб только благодаря своей жене.

– Вы рассказывали, что, когда Бродского обвиняли в тунеядстве, Дмитрий Лихачёв достал ему справку о работе.

– Да, справку, что Бродский занимался по договору переводом Джона Донна для Пушкинского Дома. Другое дело, что эта справка не была принята в расчёт.

– Однако Бродского в ссылке вдохновение не покинуло, именно там появилось стихотворение «В деревне Бог живёт не по углам...».

говоря. Это всё вещи, которые Богом устроены, и моя роль здесь минимальна. Помощь приходит людям по-разному: иногда её носителем является птица, зверь, камень, человек... в данном случае книга. Никто не знает этой небесной механики.

– Известно, что у вас в роду были священники. Наверное, можно сказать, что вера в Бога перешла к вам по наследству.

– Говорят, что жизнь отдельного человека повторяет жизнь народа. И в этом что-то есть. В детстве у меня было какое-то своё самодельное язычество: я обращался к высшей силе, почему-то во множественном числе, говорил: «Помогите мне». Такое тихое стихийное язычество, которое потом у меня перешло в христианство.

– В «Лавре» написано: «Рай – это отсутствие времени». Наверное, каждый человек хочет попасть в рай, в Царствие Небесное. Но ведь ваш главный герой – это именно время. О чём вы будете писать в раю, если там не будет сюжета?

– Наверное, там слишком хорошо, чтобы писать. В раю очень много других занятий, но главное, что туда ещё надо попасть.

– А что там делают? Без конфликта, без сюжета.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Евгений Германович Водолазкин – филолог, писатель.

Окончил филологический факультет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, затем – аспирантуру Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, автор научных работ в области древней и новой русской литературы. Главный редактор альманаха «Текст и традиция». Почётный доктор Бухарестского университета.

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, член жюри литературной премии «Ясная Поляна».

Автор и составитель книг: «Всемирная история в литературе Древней Руси» (2000), «Дмитрий Лихачёв и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии» (2002), «Часть суши, окружённая небом: Соловецкие тексты и образы» (2011), сборников «Инструмент языка» (2012), «Совсем другое время» (2013), «Петербургские драмы» (2015), «Сестра четьрёх» (2020), романов «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016), «Брисбен» (2019), «Оправдание Острова» (2021), «Чагин» (2022) и др.

Лауреат литературных премий «Ясная Поляна» (2013), «Большая книга» (2013, 2016, 2023), Премии им. Милована Видаковича (Белград, 2015), российско-итальянской Премии Горького (Сорренто, 2016), «Русский Рим» (2017), «Клио» (2018), Премии Александра Солженицына (2019) и др. Книги Евгения Водолазкина переведены на 36 языков.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Евгений Водолазкин и Татьяна Руди
на Неделе русской литературы в Стамбуле

– Замечательное стихотворение, да. Всё даёт какой-то опыт. Что ещё нам остаётся кроме опыта и памяти?

– **Герой вашей книги «Чагин» говорит, что «человека нужно судить по его мечтам».**

– Это немного провокативная фраза, потому что благими намерениями дорога выстлана известно куда. Эти слова звучат, скорее, как напоминание о том, что стремления человека надо тоже учитывать, такой милосердный способ оценки. Но это не значит, что нужно судить исключительно по мечтам – так мы далеко зайдём.

На мечте нет проклятия бытия. А когда мечта превратилась в поступок или в событие – она очень деформируется, она испытывает влияние со стороны людей, погоды, положения вещей на бирже, не знаю, от чего ещё – в мире всё взаимосвязано. И от мечты не остаётся ничего, мокрого места не остаётся. Но всё-таки помнить о том, что она была, нужно. И мне кажется, что по большому счёту она является оправданием даже для неудавшейся жизни.

Все оступаются, и никогда не нужно спешить осуждать. Никто не добредёт до выхода в начищенной обуви. У всех следы грязи на башмаках и подметки стёрты.

– **А о чём мечтаете вы?**

– Я был большим мечтателем в детстве и юности. Жил в параллельном мире. Я не оригинален здесь, каждый человек существует в своей мифологии. Разумеется, надо быть осторожным, потому что по-церковнославянски мечтание – это сомнительное явление: некое искушение для человека, какой-то ложный сигнал ему. Но мечта в современном смысле полезна, в определённом возрасте она даёт разбег.

– **Разбегаетесь – и попадаёте в реальность. Тут подходит реплика вашей героини из «Чагина»: «Как страшна жизнь!..»**

– Я был свидетелем того, как эта фраза произносится. Это было сказано в совершенно не соответствующей такому возгласу ситуации: на дне рождения наша знакомая вдруг крикнула: «Как страшна жизнь!..» И все

замолчали, и непонятно было, что говорить, и все чувствовали, что она, в общем, права. Но, по счастью, есть и другие стороны жизни.

– **Да... О другой стороне жизни: помню, как на Неделе русской литературы в Стамбуле ваш турецкий переводчик почему-то обратился ко мне, сказав: «Я бы никогда не подумал, что Евгений Водолазкин такой весёлый человек».**

– Не могу сказать, что тем, кто окружает меня, всегда весело. Но юмор помогает справляться с жизнью, юмор – это дистанция.

– **Телеканалу «Культура» вы поведали, что чувство юмора досталось вам от вашего прадеда Михаила Прокофьевича.**

– Да, но юмор у него был на грани допустимого, он рисковал... Прадед был директором гимназии здесь, в Петербурге, а потом он пошёл добровольцем в Белую армию, а семью отправил в Киев. И уже обратно в Петербург ни он, ни его семья не вернулись, потому что здесь слишком хорошо знали, куда он уходил. Он остался на Украине простым учителем, и, поскольку бывали какие-то вечера школьные, он выступал в качестве ветерана Гражданской войны, но не уточнял, с какой стороны он в ней принимал участие. А утром он всегда поднимался с песней «Вставай, проклятьем заклеймённый...».

– **Недавно я прочла, что ещё в детстве благодаря другой советской песне появился ваш первый рассказ. Однако ваша тётя рассказ не оценила, сказав, что это «нехудожественно», и тем самым на сорок лет остановила ваше творчество.**

– Нет, не остановила: я пришёл к писательству тогда, когда созрел. А созрел я довольно поздно. До этого у меня были захватывающие занятия в области науки. Умберто Эко, кстати, вообще в пятьдесят лет стал писать. Но тот рассказ, о котором вы говорите, это действительно забавная история: я просто изложил своими словами песню «Тучи над городом встали». Но тётини слова – они оказались как

холодный душ. Она была довольно строгой дамой, моя тётя.

– **Сегодня ваша проза переведена на множество языков. В том числе напечатана шрифтом Брайля (думаю, его можно считать отдельным языком). Кстати, я живу рядом с издательством для слепых: волею судьбы иногда провожаю их или на работу, или к метро. Однажды они рассказали, что подарили вам экземпляр «Лавра»...**

– Да, я был в Обществе слепых, и мне вручили такой большой том «Лавра», вот он, лежит на полке. Вообще это удивительно – сосуществовать на другом языке, особенно на языке, который ты не понимаешь: китайский, японский... но когда это ещё выходит за пределы обычных языков, когда ты можешь прийти через шрифт к человеку, который не видит, но очень хорошо чувствует – это драгоценно. У этих людей есть дар прикосновения – он делает их, может быть, тоньше других.

– **Да, похвастаюсь, мои рассказы в Москве тоже переведены на шрифт Брайля. А скоро Эмир Кустурица переведёт «Лавра» на язык кинематографа?**

– Он обещал на днях позвонить, и мы уже в деталях договоримся, как работать. Мы довольно много общались за последний год. Я был в Дрвенграде – знаменитой деревне, которую построил Кустурица, где все улицы названы именами кинематографистов. Мы сидели в ресторане «Вис-

контри», пили ракию и говорили о возможных постановках. Он считает, что в фильме должна быть фольклорная стихия выражена. Я искренне считаю, что из существующих режиссёров ближе его к «Лавру», по внутреннему соответствию, пожалуй, нет.

– **А сейчас вы пишете новый роман?**

– Начал писать, но... Когда я писал «Лавра», я полгода только обдумывал стиль. Тогда мне надо было соединить Средневековье с современностью – сделать их частью друг друга. И я понимал, что надо бы подключить архаический язык. Естественным образом возник вопрос: кто из героев на каком языке должен говорить? В итоге получился общий язык, портрет языка за все века его существования. Методом проб и ошибок я пришёл к единственно возможному языку «Лавра». А язык – это очень важно. Как известно, в литературе форма – это содержание. Сейчас я в поиске правильного языка для нового романа.

– **Вы не раз говорили, что «Чагина» диктовали Татьяна Робертовне. Как это замечательно, когда жена, можно сказать, и соучастник, и редактор.**

– Я думаю, что Таня – это моё везение. Мы тридцать пять лет вместе – и дома, и на работе. Меня удивляет и радует вот что: мы друг друга великолепно знаем, но у нас не становится меньше интереса друг к другу, потому что мы продолжаем развиваться. Это не стояние на месте, а постоянное удивительное движение вперёд: смена статуса, смена возраста... Перемен много в жизни. Сочетание переменного и постоянного.

– **Мне сейчас вспомнились слова апостола Павла: «Любовь никогда не перестает...»**

– Да. Она видоизменяется. У всякой любви есть идеальное начало, даже у самой плотской любви всё равно есть какая-то другая линия – верхняя, которая земли не касается. И вот эта верхняя линия укрепляется с течением жизни. И я верю в то, что люди, которые друг друга любят, встретятся за гробом. Я в это твёрдо верю.

– **На небесной линии Санкт-Петербурга.**

– Именно на этой линии, да. В «Лавре» душа Арсения спрашивает: «Узнаем ли мы друг друга там?» Ответ: «Да, узнаете, если сохраните в себе эту любовь». Потому что, если люди не любят, зачем им встречаться и узнавать друг друга?

Со временем чувство ответственности только усиливается. Когда умер отец моей жены – удивительный был человек: очень светлый, замечательный, – я вдруг почувствовал, что для неё я должен быть ещё и отцом, не только мужем. Для меня это очень важная тема, её можно завершить многообразием...

Беседу вела
Арина Обух

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Арина Павловна Обух – писатель, художник. Родилась в 1995 г. в Санкт-Петербурге. Выпускница Художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза художников России.

Автор книг «Выливание молодого вина», «Муха имени Штиглица». Лауреат Молодёжной премии правительства Санкт-Петербурга в области художественного творчества, премии журнала «Знамя», Международного конкурса «Волошинский сентябрь», Общероссийского конкурса «Молодые писатели России. XXI век» и др.

Произведения переведены на болгарский, турецкий, словацкий, испанский и китайский языки.

Незабывтый забытый поэт

К 100-летию со дня рождения Константина Левина

Если смотреть на русскую историю с точки зрения отечественной литературы, мы увидим печальную закономерность: наши писатели во все времена принадлежат либо к довоенному, либо к послевоенному поколению. Такова судьба России. И промышлительным образом в дни испытаний рядом с новым призывом встают в строй старые воины, справедливо названные ныне бессмертным полком. И вот один за одним подступили столетние юбилеи поэтов-фронтовиков, как по военной побудке возвращающихся на смысловое ратное русское поле. Первый в наступившем году юбилей — у Константина Левина (1924–1984)...

С. Наровчатов отмечал: «Наше поколение не выдвинуло великого поэта, оно само по себе — все вместе — выдающийся поэт с поразительной биографией. И у нас есть свои герои, свои мученики, свои святые». В полной мере эта чеканная формула относится и к творчеству К. Левина.

Писать об этом поэте непросто. Всё как будто заслоняет его биография и одно знаменитое стихотворение, определившее его литературную судьбу...

Имя Константина Левина я услышал от Владимира Соколова. Он наизусть прочитал то самое стихотворение.

*Нас хоронила артиллерия.
Начала нас она убивать,
Но, не гнушаясь лицемерия,
Теперь клялась,
что нас любила...*

*Тут всё ещё ползут, минируют
И принимают контрудары.
А там — уже иллюминируют,
Набрасывают мемуары...*

*И там, вдали
от зоны гибельной,
Циклюют и воцат паркетны.
Большой театр
квадригой вздыбленной
Следит салютную ракету.*

*И там, по мановенью Файеров,
Взлетают стаи Лепешинских,
И фары плавают плечи фрагеров
И шубки женские в пушинках...*

*Но тех, кто получил
полсажени,
Кого отпели суховеи,
Не надо путать с персонажами
Ремарка и Хемингуэя.*

*Один из них,
случайно выживший,
В Москву осенью приехал.
Он по бульвару брёл
как выпивший
И среди живых прошёл как эхо...*

Нужна была немалая смелость, чтобы рассказать столь обжигающую правду о войне (тем более что стихи написаны двадцатидвухлетним поэтом в 1946 году).

“
Гипертрофированный перфекционизм
сказывался в нём даже
в ответе на вопрос, почему он
никогда не носит боевые ордена:
«Стыдно. Мало».”
“

От Соколова узнал я подробности биографии поэта, о нём с горечью будут вспоминать немногие друзья и товарищи. Среди них К. Ваншенкин, Вл. Корнилов, также не находившие ответа на вопрос, почему, по словам В. Соколова, «по какой-то полупонятной... причине Костя Левин решительно и бесповоротно в 1949 году перестанет писать стихи», по сути, обрекая себя на добровольное забвение.

Главные события в жизни К. Левина относятся к его фронтовой молодости. После военного училища он командовал взводом сорокапяти-миллиметровых противотанковых пушек, прямой наводкой бивших (как сегодня в Донбассе) по немецким «Тиграм» и «Фердинандам» со смертельно короткой дистанции. Выжить в такой артиллерии шансов было немного, за что и окрестили её «Прощай, Родина!». К. Левин был награждён орденами Отечественной войны I и II степеней, в двадцать лет стал инвалидом, получив ранения в голову, затем, у румынской деревни, разрывом мины ему оторвало ногу. Как напишет

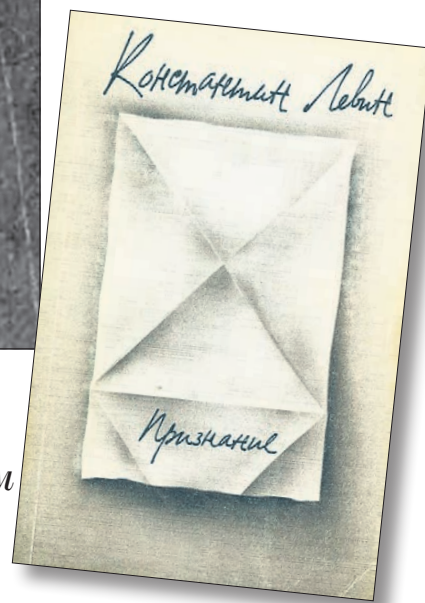
командир в справке о нём: «Тов. Левин за время прохождения службы в дивизионе показал себя исключительно бесстрашным офицером».

В сорок пятом артиллерийский офицер становится студентом Литинститута. Как вспоминал Ваншенкин: «...поражали его стихи — молодым мастерством, ранней зрелостью... Его поэму «Нас хоронила артиллерия» заворожённо бормотали на каждом шагу».

Эти стихи, которые он не раз читал на литературных вечерах, вскоре пошлют первый звонок его судьбе. Левин будет исключён из института «за эстетско-упадническую направленность поэтических работ». Сыграют свою роль и другие его стихи («Реквием Валентину Степанову», памяти погибшего сослуживца, «Мы непростительно стареем...»), и независимый характер, и вообще, какая-то его отдельность, даже внешняя непохожесть: «Армейская форма без погон сидела на нём ловко, а уж в штатском и при галстукке он был невероятно элегантен. Лишь едва заметная хромота напоминала о ранении, но

никто не верил, что у него нет ноги. Протез немилосердно натирал культу, однако Костя ни за что не пришёл бы в институт на костылях...» (Вл. Корнилов).

Потом будет мучительно долгое восстановление, которому поспособствует А. Сурков, и уничтожающе-унизительная защита дипломной работы. Положительные рецензии написали Я. Смеляков, К. Симонов. «Но даже эти два отзыва, — вспоминает Вл. Корнилов (а Симонов в тот год был председателем государственной экзаменационной комиссии), — с трудом преодолели упорство литинститутского начальства, и Косте за диплом-

ную работу еле-еле натянули тройку... Казалось бы, ерунда, кому это нужно. Но ведь с другой стороны — тройку как бы за всё, что написал в жизни, что сделал, — и за войну тоже».

Интересная деталь. Прочитав на защите строфу Левина:

*Сорокапятимиллиметровая
Старая знакомая моя,
За твоё солдатское здоровье
Как солдат
обязан выпить я... —*

Симонов, пожалуй, слухавил, сказав, что стихи написаны ради первой эффектной строчки. Будучи сам прекрасным поэтом, не мог он не понимать, что стихи настоящие, а строка — просто виртуозно сделана!..

Так, год драматичного окончания института навсегда подвёл черту в жизни К. Левина между фронтовой молодостью, между ожиданием серьёзного литературного будущего и неожиданным для всех знавших поэта отказом от многообещающего пути. Вместо него поэт выбрал для себя работу обычного литконсультанта при Союзе писателей.

Друзья Левина пытались найти разгадку его самоотлучения от поэзии. «Что это

было — недоступная другим повышенная требовательность к себе, скрытая неуверенность, стойкая гордость?» (К. Ваншенкин). В. Корнилов считал, что Левина сломил компромисс ради восстановления в институте: «Главную роль в этом надломе сыграли двадцать написанных впопыхах для Союза писателей стихотворений. Нельзя писать то, во что не веришь». О последней попытке Левина вернуть себе волю к поэзии повествует Л. Сергеева, когда летом 50-го он согласился поехать по местам своих боёв (командировку от журнала «Новый мир» предложил Симонов, полагая напечатать поэму в журнале): «Получились обычные стандартные советские стихи по заказу... Костя это прекрасно понимал. По-моему, это и стало переломом в судьбе поэта».

Думаю, дело в непреодолимой честности поэта перед самим собой. Своим знаменитым стихотворением он сразу взял вершину, превзойти или повторить которую, понимал поэт, уже невозможно, а умножать количество более слабых стихов не мог себе позволить. Гипертрофированный перфекционизм сказывался в нём даже в ответе на вопрос, почему он никогда не носит боевые ордена: «Стыдно. Мало». И хотя втайне от всех поэт, побеждённый самим собой, ещё напишет несколько значительных стихотворений, таких как «Памяти Фадеева», «Памяти Бунина», «Был я хмур и зашёл в ресторан «Кама»...», «Сорок первый год», К. Левин лишь незадолго до своего раннего ухода продиктует по памяти на магнитофон свои стихи, которые войдут в первую его книгу — «Признание», вышедшую в 1988 году уже после его смерти.

Друг поэта М. Дорман сочувственно писал: «Теперь время от времени то в России, то у нас, в Израиле, нет-нет да и вспоминают среди забытых поэтов и Константин Левина». Но забытым назвать К. Левина не совсем верно. Так же как сказать, что знаменитое стихотворение при жизни поэта не публиковалось. Справедливости ради скажу, что я уговорил В. Соколова написать о Левине для нашего с Н. Старшиновым альманаха «Поэзия». Так, в № 30 за 1981 год появились заметки о никому не известном поэте, где были процитированы стихи «Нас хоронила артиллерия». В. Соколов подчёркнуто ясно посылал сигнал о необходимости (пока не поздно) возвращения и признания поэта: «Я помню всё это выдающееся, если не скажете большего, стихотворение... Константин Левин... Он жив и сегодня».

Геннадий Красников

БИБЛИОСФЕРА

На краю ТЬМЫ

Оксана Васякина.
Роза.

– М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 200 с. – 3000 экз.

Роман «Роза» завершает автофикшен-трилогию Оксаны Васякиной: «Рана» была посвящена отношениям с матерью, последовавшая за ней «Степь» – с отцом, ну а в «Розе» автор рассказывает читателю о своей тёте. Общая для первых двух романов

структура – нелинейное повествование, которое выстраивается вокруг путешествия, – в «Розе» претерпевает изменения. Автор отказывается даже от внешних атрибутов сюжета. Роман можно сравнить со сборником перемешанных между собой фрагментов малой прозы: здесь и эссе о творчестве, и художественно обработанные воспоминания, и автобиографические очерки. Впрочем, метафорическая дорога всё равно присутствует. На этот раз она ведёт к пониманию и принятию другого человека, и можно ли пройти её до конца – один из главных вопросов книги.

«Мы, я и Светлана, были периферийной областью этого мира. Там, где кончались мы, я видела край тьмы». В первых главах Васякина прямо говорит о том, что, реконструируя образ тёти, пытается узнать что-то о себе самой. И вот перед читателем предстаёт удручающая картина чужой жизни «на краю тьмы». Светлана страдает от алкоголизма, живёт за счёт матери и большую часть времени проводит лёжа перед телевизором. Аборты, распускающие руки сожители и медленное угасание от туберкулёза, физиологические аспекты которого Васякина описывает

с ожесточённой дотошностью. Это не повесть о «герое своего времени» и даже не история «маленького человека». Задаваясь вопросом «почему?», автор не низводит ответ до рассуждений о том, как тяжело жилось в девяностые в далёких от столицы городах. Васякина не диагност, а патологоанатом: препарируя собственные воспоминания о давно умершей тёте, она пытается постичь устройство её, а заодно и своей души. «Роза» – это литература патологий.

Зачем написана эта книга, с точки зрения автора, – понятно. Немалая доля текста посвящена болезненному чувству равнодушия, которое

начинается с распавшихся связей внутри семьи и заканчивается так и не сформировавшимися связями с миром. В какой-то момент главная героиня сравнивается с сорняком, которому «никто не посвятит стихотворение или книгу». Васякина вполне убедительно доказывает, что право на голос и память заслуживают все. А вот над портретом читателя «Розы» можно поразмышлять. История Светланы подана без попыток что-то сгладить или оправдать. Читать об этом неприятно и больно, но можно предположить, что именно в этой боли заключено всё обаяние книги. «Писать из тьмы, чтобы её законопатить,

так же глупо, как лечиться от отравления ядовитыми грибами». Погружаясь в чужую тьму, читатель получает возможность прикоснуться к своей собственной.

При всех своих достоинствах в качестве финального романа трилогии «Роза» неоднозначна. Прозу Васякиной можно назвать обнажённой – как в духовном смысле, так и в буквальном. Телесность давно уже стала обязательным атрибутом феминистской литературы, но роману она, скорее, мешает. На фоне откровенных размышлений о собственной всепоглощающей уязвимости откровенные описания выглядят незначительными. Исследование естественных процессов в теле девочки-подростка не сообщает читателю ничего нового, а только уводит в сторону от действительно неочевидных вещей, ради которых книгу стоит прочесть. И чем ближе финал романа, тем больше смыслов пытается уместить в него Васякина. Автору мучительно не хочется ставить в истории точку, что с человеческой точки зрения абсолютно понятно, но явно не идёт на пользу трилогии.

София Шпитонкова

”
*Препарируя собственные воспоминания
о давно умершей тёте, Оксана Васякина
пытается постичь устройство её,
а заодно и своей души.*
“

Боль во имя исцеления

Олег Рябов.
Луна в бокале: стихи.

– Н. Новгород: Книги, 2023. – 192 с. – 500 экз.

Литературный критик, писатель Алексей Коровашко в предисловии к поэтическому сборнику Олега Рябова «Луна в бокале» сравнил его книгу с большим прекрасным домом, «в который автор с помощью стихотворных посвящений и эпиграфов пригласил множество дорогих ему людей».

Действительно, подобно радушному хозяину, поэт «обустраивает» своё поэтическое пространство и гостеприимно встречает каждого читателя. Слово для него – важный инструмент,

правильно обращаясь с которым можно вершить поистине великие дела. В этом Олег Рябов, вероятно, видит высокую миссию писателя, одновременно ставя его труд в один ряд с трудом каменотёса:

*Пока твой брат каменотёс
С усердием строгаёт камень,
Перед тобой стоит вопрос:
Как сделать то же, но словами.*

«Я жизнь свою как песенку пропел», – читаем в другом стихотворении. Оно заканчивается так: «Я допою, и если кто услышит, / Пусть думает – мечтатель и чудаки, / Пусть думают, и, если это так, / Я знаю – меня слушал Кто-то выше».

Образы, которые создаёт Олег Рябов, ясны, зримы, понятны: «В бокале плавала луна, / Желтое, чем желток яичный. / Была загадочно полна / Ночь превращением необычным. / Вниз с потолка свисала тень / От старой одинокой груши, / И женщина мне в темноте / Шептала что-то – я не слушал».

Поэт не заставляет читателя производить усиленную работу мысли, чтобы пробраться к смыслу сквозь нагромождения слов. На первый взгляд всё предельно просто: «В чай опрокину колечко лимонное – / Сразу изменится вкус!», «рампой выхвачена сцена», «Спит звезда в ведре на крыльце – / Дева думает о молодце». Однако в каждой фразе – глубина. Так, в приведённых примерах можно отметить тесную связь поэтики Олега Рябова с классической традицией русской поэзии и с фольклором, умелое создание объёмных образов с помощью несложных синтаксических конструкций и лаконичных точных формулировок.

Стихи Олега Рябова звучат современно, не выглядят как стилизация. Вместе с тем, читая сборник «Луна в бокале», невозможно не отметить крепкую связь включённых в него стихотворений с прошлым, с нашей историей, с традициями. Так, запоминается стихотворение «Баллада о самоваре», в котором поэт не просто отдаёт дань предмету старинного быта, но и с грустью заключает: «Как много самоваров тех / На чердаках в печали / Без крышек, кранов да с дырой / Лежат. Их там возьми! / Им снится сладкий сон порой, / Что их найдёт хозяин». В этих строках присутствует печаль о некоей бездомности, бесприютности, что можно отнести не только к предметам утраченным, ушедшим из нашей жизни, но и к самим людям, неприкаянным, непонятым, ненужным порой даже себе самим.

Выход из этого тяжёлого состояния поэт видит в обращении к семейным традициям, в возвращении тех ценностей, которые издавна укрепляли наш народ, поддерживали его дух в самые непростые времена, а ещё – в чуткости и заботе друг о друге и окружающем мире.

*Нам не надо заливных лугов,
Деревень не надо, хлебных пашен,
Нам теперь сам чёрт уже не страшен,
Нас размыло – век у нас другой.*

В «Балладе о ёлке» поэт воссоздаёт атмосферу новогодних и рождественских праздников. Однако в финале

стихотворения Олег Рябов печально и философски размышляет: «А под окном растёт большой сугроб, / И каждый год он ждёт графиню-ёлку... / Её за комель и через порог / Тащили ночью, словно хлам на свалку. / И всё же только в вечной красоте / Присутствует единственная сущность. / Наутро глянь: десяток снегурей / Украсили её куда получше / Людей...»

Думается, что дом для Олега Рябова не только жилище. Дом – это всё, что нас окружает: и малая родина, и страна, в которой мы живём, и вся наша большая планета. Всё происходящее в мире поэт видит, слышит, чувствует, осязает, воспринимает остро, неравнодушно. Может быть, поэтому в книге так много подлинного страдания и неподдельной, жгучей боли:

*Я ранил берёзу,
И с белых, и с розовых стружек
Вниз капали слёзы
На ствол, на сапог,
Прямо в душу.
Был выстрел на взлёте.
Щелчок –
И паденья мгновенье.
И нету убийств на охоте,
Но страшно раненье.*

Боль эта – выстраданная, светлая, очищающая и исцеляющая сердце. Именно поэтому книга стихотворений «Луна в бокале» не просто приятное чтение, а чудодейственный эликсир, необходимый сегодня большинству из нас.

Юлия Скрылёва

Оберег от всего плохого

Роман Сорокин

Родился в 1987 г. в городе Малая Вишера. Окончил Театральный институт имени Бориса Щукина. В 2011–2015 гг. — актёр Театра на Таганке. Поэт, драматург, артист Московского театра поэтов под руководством Влада Маленко. Ведущий программы «Молодая поэзия» на первом литературном телевидении «Литклуб.ТВ», лектор общества «Знание». Автор поэтических книг «Весна на вырост» (РСП), «Облака полкорна» (Зебра Е), а также пьесы «Весёлое сердце», инсценировок, текстов песен и интермедий. Лауреат и организатор Всероссийского фестиваля молодой поэзии имени Леонида Филатова «Филатов Фест», финалист телепроекта «Вечерние стихи». В 2022 г. вошёл в длинный список премии «Лицей». Живёт в Москве.

Сегодня мы с тобой большие,
а завтра кончится борьба.
Нас ждёт провинция России
и скандинавская ходьба.
Нам хватит в жизни звёзд и терний.
Мы через них придём туда,
Где моцион ежевечерний
и минеральная вода.
Здоровый дух в здоровом теле
отгонит злую скуку прочь,
И мы по разные постели
уйдём не спать в глухую ночь.
Под утро что-нибудь приснится:
то неизвестная река,
То облака Аустерлица,
то над Россией облака.
На завтрак будем из бокалов
пить молоко и тишину.
Для счастья нужно очень мало —
всего лишь выиграть войну.
Всего лишь выстоять у края
и стать сильнее вопреки.
А там уже «не надо рая» —
верните домик у реки,
Где будем праздные беседы
вести в ухоженном саду,
Ну и, конечно, День Победы
два раза праздновать в году.

Удивительным образом образ войны
передал баталист Верещагин.
Ну а люди на стройке великой страны
не искали суровой сермяги.
Хоронили друзей, целовали подруг,
закрывали солонья в банки.
А в июле рвались дикарями на юг:
кто в купе, кто в плацкарте,
кто в танке.

Так и едешь, бывало, по голой степи,
затыкаешь соседа за пояс:
«Потерпи, — повторяешь ему, —
потерпи,
не теплушка, а фирменный поезд
комфортабельный нам предлагает уют.
И не требуй другого комфорта,
а не то наш состав по пути развернут
и отправят на линию фронта...»

Когда в степи наступает ночь,
я вижу мир на манер Басё,
и воду в ступе готов толочь —
ну то есть в небо смотреть — и всё.

Весной тем паче, когда на треть
закончен год и болит душа,
не отрываясь могу смотреть
на звёзды маленького ковша:

и путеводная на конце,
и остальные его огни
напоминают мне об Отце,
коему я и мой враг сродни.

Мой старый друг
вчера вернулся с юга
И так сказал, объевшись белены:
«Я был в лесу,
там все едят друг друга
И не имеют статуса войны.

Я шёл по размалёванной опушке,
А иногда входил в глубокий лес,
Где мне встречались
разные зверюшки:
То чистый ангел, то такой же бес.

Хрустел валежник, радостные трели
Летели над горящим сосняком,
А параллельно все друг друга ели
И не жалели, в общем, ни о ком.

Я видел слизней и другую гадость:
Мохнатых мух, стада зелёной тли.
Гармонию, согласие и радость
Испытывали твари всей Земли.

И вот теперь,
живым вернувшись с юга,
Спросил бы я приятелей своих:
Ведь если я такая же зверюга,
То чем же отличаюсь я от них?

Конечно, человек не насекомый,
Хотя и вредным кажется весьма.
Но если не животные, то кто мы,
Имеющие горе от ума?

Что мира нет и не было на свете,
Понятно даже малому зверьку,
Поэтому они в бронезилете
И каждую секунду начеку.

Ведь тех, кто в этот час
добры и кротки,
Сожрёт немилосердная орда...»
Мой друг был прав,
хотя и выпил водки
За то, чтоб в мире кончилась вражда.

Где порвётся киноплёнка,
Там и кончится кино.
На Востоке слишком тонко,
А на Западе темно.

На Востоке больше солнца,
На Восток течёт Янцзы.
Но где тонко, там и рвётся,
Говорили мудрецы.

И на Западе, конечно,
Есть хорошие дела.
Только там почти кромешно:
Мало света и тепла.

Ну а мы посередине.
Стало быть, закончим путь
Где-нибудь на Украине,
В Запорожье где-нибудь.

Ляжем в острую осоку
Возле берега Днепра,
Пожелав добра Востоку,
Да и Западу добра.

Капает больничный йод
в сердце Левитана,
потому что каждый год
там бывает рана.

Ни палаты, ни врача —
никакого мрака —
просто чудо Ильича —
осень Исаака.

Капли йода, рыжина —
бывшая зелёнка.
Осень не моя жена,
а моя сестрёнка,

только без приставки «мед»
и в цветном халате.
Осень оставляет след
на живом солдате.

Всё случается не зря,
но теперь хотя бы
дотянуть до октября.
Нет. Прожить октябрь

и увидеть первый снег
праздника Покрова:
снег в России — оберег
от всего плохого.

Только русская зима —
наша ойкумена —
нас избавит от ярма
и спасёт от тлена.

Горит звезда над Палестиной,
и люди дышат под звездой:
Одни сражаются с рутинной,
другие — с вражеской ордой.

А Он лежит в хлеву воловьем
и озирается кругом:
Архангел бдит над изголовьем,
слегка касается крылом

Высоких яслей, а поодаль,
отряхивая кожухи,
Стоят смущённо возле входа
евангельские пастухи.

Им далеко до фресок Джотто
и до рождественских стихов,
А нам до каменного грота
и вифлеемских пастухов.

Но «Величание» пропели
и, выпив сладкого вина,

Под завывание метели
проговорили допоздна.

...Ненормативным словом «сыпет»
зовут на выселках буран,
И точно знают, что в Египет
сбежит семья, умрёт тиран,

Воздастся каждому по вере,
а посему она тверда.
Но Он пока ещё в пещере,
а над пещерою звезда...

В конце зимы бардак такой,
Что даже чёрт сломал лодыжку.
И по весне у нас с тобой
Надежды нет на передышку.

Уже второй по счёту год,
Как водим пальцами по карте
Да ждём наивно, что вот-вот
Февральский лёд растает в марте,

Зарянки — певчие дьячки
Тепло споют во славу Божью
И бесконечные дички
Задыхат трепетною дрожью...

Но неужели мы одни,
Кто жаждет выползти из мрака
И ждёт единственные дни
Солнцеворота Пастернака?

Ты не хазар, не печенег,
Ты мой любимый брат,
Но продолжает липнуть снег
На стены баррикад.

И тяжелеет в феврале
Его липучий страх,
Пока идёт парад-алле
Пернатых в облаках.

Картина уличных боёв
Из палок и камней
Мешает видеть воробьёв,
Синиц и снегирей.

Они прекрасны без прикрас,
Одежды их пестры.
А что у нас? А вот у нас
На улицах костры.

Нам эта близкая весна
Сегодня не с руки:
У нас — гражданская война,
И ставки высоки.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Читатели и Сеть

Пока наше сознание не станет виртуальным, об исчезновении бумажных книг можно не беспокоиться

Анатолий Белоусов – издатель и писатель в одном лице, что позволяет ему оценивать процессы, происходящие на отечественном книжном рынке, с разных точек зрения. О перспективах жанра нон-фикшен и эволюции книгоиздания в последние десятилетия он размышляет в беседе с корреспондентом «ЛГ».

“ Современная российская молодёжь читает! И читает достаточно много. Есть ли в этом заслуга СМИ и социальных сетей? Несомненно! ”

– Анатолий Анатольевич, вы автор не только художественных книг, но и книг в жанре нон-фикшен. Некоторые эксперты отмечают, что нон-фикшен сейчас на пике. Согласны с такой оценкой?

– Если верить статистике, то в прошлом (2023) году интерес читателей к книгам категории нон-фикшен вырос с 34 до 52%. И мне кажется, что в ближайшие годы интерес читателей к данному виду литературы будет только увеличиваться.

А поскольку именно спрос рождает предложение, будет расти и число авторов, пишущих нон-фикшен. Будет преумножаться количество наименований книг, расширяться спектр освещаемых тем. Будут расти объёмы тиражей.

Поэтому я уверен, что до пика нам ещё далеко. Как минимум до конца текущего десятилетия интерес к литературе нон-фикшен в России будет увеличиваться с каждым годом. Пусть и не столь бурно, как это произошло в минувшем году.

– Какую роль, по вашему мнению, играют СМИ и соцсети в формировании читательской культуры в нашей стране?

– Признаюсь честно, одно время мне казалось, что современная молодёжь читает всё меньше и меньше, а в будущем эта тенденция только усилится. К счастью, мои опасения оказались сильно преувеличенными. Теперь я могу сказать это совершенно точно: современная российская молодёжь читает! И читает достаточно много. Есть ли в этом заслуга СМИ и социальных сетей? Несомненно!

Начало этому процессу, как мне кажется, было положено с появлением в рунете блог-платформы

«Живой Журнал». Именно он явился предтечей таких уже чисто литературных соцсетей, как, например, «Лайвлиб» (социальная сеть для любителей книг). Или «ЛитРес», изначально задумывавшийся всего лишь как магазин электронных книг, но к настоящему моменту выросший до уровня целой экосистемы, где авторы и читатели могут полноценно взаимодействовать друг с другом.

Конечно же, весьма весомый вклад в формирование читательской культуры вносят и такие крупнейшие СМИ, как «Литературная газета» или «Литературная Россия». И вклад этот, как мне кажется, гораздо более эффективен, чем даже уроки литературы в школе. Ведь к страницам этих изданий люди обращаются по собственной воле и руководствуясь исключительно интересом.

– Вы окончили Удмуртский государственный университет по специальности «издательское дело и редактирование». Можете рассказать, чем отличается издательский процесс 90-х годов от нынешнего книгоиздания?

– Прежде всего следует сказать, чем отличается издательский процесс 90-х от издательского процесса советского периода. Ведь если в советское время государство определяло, что именно должны читать советские люди, то начиная с 90-х все эти процессы стали регулироваться рынком и законами спроса и предложения (что наблюдается и по сей день).

Вообще, чисто технически издательский процесс можно разделить на четыре основных этапа: создание произведения и формирование издательского портфеля, подготовка произведения к изданию (редакционный этап), полиграфическое исполнение издания (подготовка издательского оригинал-макета и печать тиража) и, наконец, продвижение и продажа готовой продукции.

Сегодня, в отличие от 90-х годов, серьёзные изменения претерпели прежде всего сама технология печати и маркетинговое продвижение готовой книги. Так, если раньше, чтобы оказаться рентабельным, издание должно было выпускаться достаточно большим тиражом, то сегодня новые технологии позволяют издавать книги тиражом всего в несколько десятков штук, а то и единичными тиражами.

Что касается маркетинга и продвижения изданной книги, сегодня эти процессы процентов на восемьдесят переместились в интернет и лишь двадцать процентов приходится на долю всевозможных офлайн-методов. Стоит ли говорить, что в 90-е, когда интернет в России был скорее диковинкой, на методы офлайн-продвижения приходилось все 100 процентов.

Ну и самое главное: в 90-х практически отсутствовал такой формат, как электронные книги. Сегодня порядка 30% книг читается именно в электронном формате.

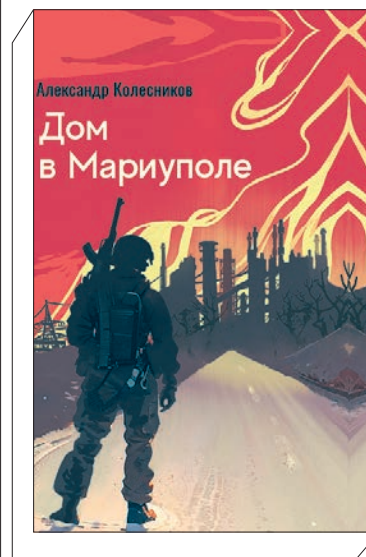
– Вы написали несколько книг на тему электронной коммерции и заработка в интернете. Как вы считаете, издательская сфера может полностью существовать и развиваться в Сети?

– Подобное могло бы произойти лишь в одном случае – это если бы читательская аудитория полностью перешла на чтение исключительно электронных книг. Не знаю, к счастью или к сожалению, но ничего подобного в обозримом будущем я не вижу. Бумажную книгу с её неповторимым запахом, приятным тактильным ощущением и, наконец, с её эстетичной электронной книгой заменить не сможет никогда. А значит, несмотря на переход части издательских процессов в Сеть, полностью издательская сфера перебраться в интернет не сможет. По крайней мере до тех пор, пока человечество не научится виртуализировать наше сознание и пока мы сами не переберёмся жить в Сеть подобно героям фантастических фильмов типа «Матрицы» или «Газонокосильщика».

Беседу вела
Алексия Сандрин

БИБЛИОСФЕРА

Что ж ты сделала, подлая?

**Александр Колесников.
Дом в Мариуполе.**

– М.: У Никитских ворот, 2024. – 112 с.

В книгу Александра Колесникова «Дом в Мариуполе» вошли две повести и один рассказ.

Первая повесть, давшая название сборнику, основана на реальных событиях и описывает выполнение особым подразделением спецназа боевой задачи: занять Мариуполь. На её страницах имена мешаются с позывными, герои сталкиваются с коварством войны и её неожиданными «дарами» – например, найденной в покинутом штабе противника иконой Богородицы. Повествование насыщено множеством технических подробностей современного военного дела, которое автор изучил основательно. И в целом текст тяготеет скорее к репортажному стилю – быть может, это наилучший способ писать о событиях по горячим следам. Здесь есть лаконизм, динамика, яркие портреты... И осязаемая вера в правое дело, которой не занимать ни автору, ни его героям.

Теме СВО посвящён и рассказ «Увидеть море» – совсем небольшой, какие-то три с половиной странички, но по-настоящему пронзительный, показывающий, что такое война и что она делает с людьми. Образ 23-летнего бойца СВО, приехавшего в отпуск в Сочи, чтобы впервые в жизни увидеть море, западает в душу.

Переломанным войной судьбам посвящена и повесть «Лестница», но здесь речь не о настоящем, а о прошлом: о голодных послевоенных сороковых. Интересно, что автор почти не пишет о самой Великой Отечественной, но умело подмеченные детали очень красноречивы: «Забот в военном госпитале было выше крыши, поэтому дети медицинское и обслуживающего персонала бегали везде и всюду, предоставленные сами себе. Мальчишки, невольно вовлечённые в войну, рыскали по лесу. Они искали и находили оружие: гранаты, пистолеты, автоматы и патроны. По примеру старших готовились защищать страну. Как их отцы, деды, как старшие братья и сёстры». Мы видим послевоенный Грозный глазами двух сестёр-беспризорниц: отец погиб на фронте, двое старших братьев не вернулись домой после Победы, мать оказалась невольно вовлечена в дело о краже хлеба и бежала, дядька выставил из дома, прибрав к рукам детское пособие... Сон под лестницей, объёдки на обед и попытки заработать тяжёлым трудом несколько лишних копеек, чтобы не умереть с голоду, – сиротство и бесприютность во всей их неприглядной правде встанут со страниц книги. Описав историю двоих, Колесников написал о тысячах. Заканчивали беспризорники по-разному. Его героиням повезло: детский дом, которым сегодня пугают непослушных ребят, становится для девочек спасением и билетом в новую жизнь.

Мила Яковлева

Весёлый малый

Исполнилось 200 лет со дня рождения Уилки Коллинза

В домашних библиотеках, которые достались нам от дедушек и бабушек, немалую часть своей шестидесятилетней бодрости растративших в очередях за подписными изданиями, всяческие собрания сочинений и книжные серии узнаются привычно, вполглаза — по цвету корешков и месту на книжных полках. И так же привычно соблазняют взгляд конфетно-пёстрые корешки «Библиотеки приключений», среди которых несколько — затрёпанное дружок: жёлтый — «Шерлок Холмс», красный — «Остров сокровищ», синий — «Лунный камень». Оттенок этого синего до того тёмный, что имя автора и название романа на нём почти не читаются — но этого и не нужно, книга и так узнаётся на ощупь. Она обладает удивительным свойством — будоражить воображение и спустя двадцать, и спустя тридцать лет. И даже спустя без малого двести. Что читатели XIX века, что мы с вами, жадно листавшие эти страницы в детстве, — все поддаются под обаяние «лучшего детектива всех времён и народов» (по словам Дороти Сэйерс), сколько бы с течением десятилетий ни выросло между нами и «Лунным камнем» увлекательнейших историй Агаты Кристи, остросоциальных сюжетов Рут Ренделл, пугающе-невозмутимых, мрачных фантазий Патриции Хайсмит. Все смущённо усмеваются, признавая, что роман — устаревший, наивный, экзальтированный; что вся интрига в нём шита белыми нитками. И всё-таки из всех томов «Библиотеки приключений» он чаще других оказывается у нас под подушкой.

В судьбе автора «Лунного камня» Уилки Коллинза тоже немало противоречий. Много к какому делу он пробовал себя приложить: будучи сыном известного художника-пейзажиста, пробовал рисовать — не пошло, хотя всю жизнь рисовал неплохо, сочинил для себя самого, между прочим, монограмму: инициалы W и C скрепляются друг с другом изящным, остро отточенным пером, — подобие этой монограммы он потом выводил в собственной подписи к каждому письму, полному крупных неряшливых букв, зачёркиваний и исправлений; работал в чайной компании — не понравилось; учился на юриста и даже получил лицензию — но практики никогда не имел, впрочем, именно посещениям судебных разбирательств во времена ученичества и сам Коллинз, и мы, его читатели, обязаны «фирменным» приёмом этого писателя. Прирождённый рассказчик, Коллинз и к разбираемому в суде делам относился в первую очередь как к сюжетам, и процедура слушания свидетелей подсказала ему беспронимательный ход:

“ Он был гораздо более серьёзным и вдумчивым писателем, чем принято считать, — Уилки Коллинз, этот кроткий бородач в забавных очках.

любая история заиграет всеми красками, если рассказывать о ней точно как в суде будут сами участники, причём каждый в своей манере и каждый со своей точки зрения. Именно так — постоянно показывая историю под разными углами — можно в конце концов подвести слушателя к истине, к разгадке самой запутанной тайны.

До своих знаменитых романов 60-х годов («Женщина в белом» и «Лунный камень» вышли как раз тогда) Коллинз успел написать несколько книг, в том числе детективных, а в общей сложности за свою не такую уж долгую литературную карьеру стал автором нескольких десятков романов и ещё нескольких десятков произведений малой формы. Желание заниматься писательством он осознал очень рано, и может быть, именно поэтому никакие опыты в других профессиональных областях успехом не увенчались. Ещё со школьных времен, когда юный Коллинз «откупался» рассказыванием увлекательных историй от надоедавших ему однокашников или «разменивал» эти самые истории на лакомства

и полезные мелочи, ему самому было ясно, на каком поприще стоит попытаться счастья. Счастье же не улыбалось достаточно долго; первый роман Коллинза — «Иолани, или Таити» так и вовсе впервые увидел свет аж в 1999 году, спустя 155 лет после написания. Выйти в «первый ряд» удалась благодаря двум обстоятельствам.

Первое из них — проницательность, с какой Коллинз сконструировал «под себя», в сущности, целый новый жанр, с одной стороны — отвечавший вкусу широкой публики, а с другой — дававший полную волю тому, кто отваживался стать на этом «участке» первопроходцем. Не зря Т.С. Элиот именно Коллинзу, а не Эдгару По отдавал первенство в создании детектива в современном значении. И в самом деле: у Эдгара По детектив был прежде всего блестящей игрой, одой человеческому разуму, способному разрешать любые загадки. Коллинз же в центр жанра помещает не изящную головоломку, а человеческие характеры; главная ценность здесь — не одинокий перформанс фокусника-интеллектуала,

а галерея узнаваемых, ярких типажей. Так он и создал — на века — чудесных персонажей: лукавого старика Беттереджа; трогательную идиотку мисс Клек; раздираемого иноземными «сущностями» мистера Франклина; непроницаемого обожателя мускусных роз Каффа и незабвенного графа Фоско с его зверинцем. Именно эту разновидность детектива — развлекенного один к одному комедией характеров — впоследствии будет развивать Агата Кристи.

Второй секрет успеха — это, конечно, знакомство с Чарльзом Диккенсом. И дело не только в том, что Диккенс стал печатать Коллинза в своих журналах. Гораздо важнее, что в нём Коллинз нашёл друга на всю жизнь — друга, в творческом диалоге с которым наш герой вырос и раскрепостился как писатель, друга, в чьём обществе никогда не приходилось скучать. Вместе они путешествовали и ставили любительские спектакли, они редактировали друг друга и писали в соавторстве, они в конце концов даже породнились, когда младший брат Коллинза Чарльз женился на дочери Диккенса. Само собой, простыми отношениями не были; достаточно почитать заметки Коллинза на полях диккенсовских романов, где восторженных откликов, скажем прямо, меньше, чем откликов ядовитых. И всё же людьми они были по-настоящему близкими. Когда Диккенс умер, Коллинз переживал это очень тяжело. Ещё в молодости начавший страдать подагрой, он, как и многие его современники, избавлялся от боли с помощью опиума. Неудивительно, что довольно скоро у него развилась зависимость, которая после смерти друга перешла в тяжёлую форму. Именно в это время о Коллинзе начали говорить, что он испился.

По всей видимости, одним из самых уязвимых мест Коллинза была принципиальная несклонность следовать установленным извне правилам. В детстве он противился церковному воспитанию, которым потчевали его и остальных детей религиозные родители; позже — не слушался отца (чрезвычайно, кстати, снисходительного — впоследствии он поддержал сына и в писательстве) ни когда тот хотел сделать из него художника, ни когда адвоката; в творчестве — был первооткрывателем, в любви — не считался и вовсе ни с какими условностями: жил на две семьи, не будучи при этом женатым ни на одной из своих подруг.

Умение мыслить, выходя за рамки предложенного, и помогало Коллинзу нащупать золотую нить (кстати, о золоте: для Коллинза тема денег была весьма

существенной: из-за вечной экономии, составлявшей фон детства и юности, одной из его целей на писательском поприще был именно хороший заработок). «Женщина в белом» свела с ума буквально всех, и нажились на этом не один лишь Коллинз с издателем — «по мотивам» романа создавались не только многочисленные подражательные тексты, но и наряды, и парфюмерные ароматы, и всяческие аксессуары; в честь персонажей называли младенцев... То, что мы видели в эпоху «Гарри Поттера», казалось — и продолжает казаться — беспрецедентным явлением, а между тем успех книг Коллинза во многом сопоставим с поттероманией и по интенсивности, и по форме. За один только первый год было продано 35 тысяч экземпляров «Женщины в белом» — по тем временам цифра немислимая. В 60-х годах имя Коллинза звучало в некотором смысле даже громче имени Диккенса, бывшего уже при жизни самой настоящей суперзвездой от литературы. Но успех этот не был долгим.

В поисках идей и сюжетов Коллинз подолгу бродил по улицам, ездил на городском транспорте, слушал разговоры прохожих. О нём любят рассказывать, что и со своей возлюбленной Каролиной Грейвз он познакомился на улице при тех же обстоятельствах, что и герой «Женщины в белом» Уолтер Хартрайт — с Анной Катерик: вроде как писатель разом обзавёлся и идеями для своего будущего бестселлера, и любимой женщиной. На самом деле история эта — красивая выдумка. А вот пристальное внимание автора сенсационных романов к действительной, повседневной жизни современников — нет. Он был гораздо более серьёзным и вдумчивым писателем, чем принято считать, — Уилки Коллинз, этот весёлый малый, звезда подмостков любительского театра, увлечённый путешественник; этот кроткий бородач в забавных очках, оставшийся в нашей памяти автором двух «развлекательных», полубульварных книжек. Много это или мало? Спросите у тех, кто в трудную минуту открывает именно том в синей обложке с историей индийского алмаза — прямо как старик Беттередж своего «Робинзона Крузо».

P.S. Кстати, о синей обложке: в нынешнем году свет увидит новый, полный перевод «Лунного камня», сделанный Александром Ливергантом для издательства «Текст». Какого цвета будет том, не знаю, — а вот на содержание советую обратить внимание всем ценителям Уилки Коллинза.

Дарья Кузина
(Сиротинская)

ПОЭЗИЯ

Лишь здесь бываю я счастливым

Сергей Агальцов

Поэт, переводчик, критик. Родился 2 января 1954 года в селе Сарай Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в сельских школах на Дальнем Востоке и на родной Рязанщине. Работал тележурналистом в Туркмении, редактором в издательстве «Современник» в Москве. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», в «ЛГ» и многих других изданиях. Стихотворения включались в антологии «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век», в «Антологию русского лиризма. XX век». Член Союза писателей России. Живёт в Москве и р.п. Ухолово Рязанской области.

* * *

Ларисе Аннушкиной

Знаю я: по воле рока
Было мне в житейской мгле,
Словно волку, одиноко
Без тебя на сей земле.

Годы долгих-долгих странствий
По глухим путям земли,
И безумия, и пьянства
Лик затмить твой не смогли.

В дни жестоких потрясений,
В дни побед и бед, во сне,
Наяву и в дни гонений,
Как звезда, сиял он мне.

Зная женщин разных, многих,
Мыслью жил я лишь одной:
Как они бедны, убоги
По сравнению с тобой!

Оттого-то и у края
Жизни
в час свой роковой,
Пред уходом в мир иной,
Я хотел бы, дорогая,
Зреть светло не двери рая,
А тебя перед собой.

* * *

Ларисе Аннушкиной

Памяти ли капризы? —
Чудится: предо мной
Лик золотой — Ларисы
Светится весь, живой.

Трепетный, он сияет,
Словно закат в окне.
Так его не хватает
В жизни печальной мне.

Шумные, пролетели
Годы...
Дай мне ответ,
Господи!

Неужели
Прежней Ларисы нет?

Нету на белом свете
Девочки чистой той?
...Но отчего мне светит
Лик её золотой?

И отчего свеченье
Он и струит, и льёт,
Словно из мглы забвенья
Снова, сияя, шлёт

Бережно, осторожно
Бедной душе привет.
...Иль это только бред,
Бред только мой тревожный?

* * *

Ларисе Аннушкиной

Вижу облако в небе
С золотистой каймой.
Весь ты в думах о хлебе,
Край томящийся мой.

Тишь и глушь. Бездорожье.
Дали в синем дыму —
Всё волнует до дрожи,
Почему — не пойму.

Места нет укоризне
И упрёкам судьбе.
Думы все —
об Отчизне,
Думы все —
о тебе.

Ты, мой друг, недалече,
И мгновенья близки —
Я во ржи тебя встречу,
Где цветут васильки.

Ветерок их колеблет.
И звучит, как сквозь сон,
Их таинственный лепет,
Их загадочный звон.

Свет струится небесный...
И всю жизнь я готов
Слушать этот чудесный,
Тихий звон васильков.

Отчизне

О родине однажды песню
Сложу высоким слогом я —
Земель прекрасней всех, чудесней
На белом свете Русь моя!

Я песнь сложу про милый, близкий
Мне мир полей, родимый кров,
Про ночи мая с лунным диском,
С безумным свистом соловьёв.

Про заводь под горой, где гуси
И машут крыльями, и бьют.

О край мой! Называю Русью
Тебя — оплот мой и приют.

Пускай парит под тучей ястреб,
Над головой круги чертя.
О моя Русь! Мне стало ясно —
Храним тобою в час опасный,
Я — твоё кровное дитя.

...Русь, край мой, родина, отчизна!
Я всё, что есть, отдать готов
За твой уют и светлый кров,
За счастье безмятежной жизни
В тиши твоих полей, лугов.

На речном обрыве

Вечерним бледным, тихим светом
Чуть освещён, застыл здесь я
Опять в раздумье... — В мире этом
Как жил я? Как искал ответа —
В чём смысл, в чём счастье бытия?

Я не мудрец и не философ,
Но в длительном земном пути
Уже от этих дум, вопросов
И мне, конечно, не уйти.

Да, я постранствовал немало,
Жил так, что кругом голова.
Меня в скитаньях принимала
То глушь, бывало, то Москва.

И на путях земного круга
И плакал я, и ликовал,
Жизнь пропивал,
спиваясь с круга,
Зато души не пропивал.

И пережил глухое время,
Храним, наверное, судьбой, —
Я, виноватый перед всеми,
Но больше — пред самим собой.

Вот над речною замер бездной.
И, словно мальчик, с крутизны
Я снова слышу зов победный,
Зов торжествующий весны.

* * *

Под небом Родины великим
Как образ грусти — журавли.
Они своим протяжным криком
Меня опять с ума свели.

Их крик не громкий и не резкий,
Но внятный сердцу... Потому
Невольно сердцем каждый русский
Всегда откликнется ему.

И не случайно я рукою
Глаза свои слегка прикрыл —
И слышу, слышу над собою
И крики я, и шелест крыл.

И всё, что было непонятным,
Таким понятным стало мне

Многие годы зная Сергея Агальцова лично, могу сказать, что его стихи очень похожи на него самого. Для меня он всегда был и остаётся словно некий затерявшийся в вечности странник, помнящий при этом свои рязанские корни, откуда он родом.

В каком-то смысле стихи Сергея Агальцова можно назвать негромким, очень личным гимном всему, что принадлежит вечности и что он любит. То, о чём апостол Пётр воскликнет в момент Преображения Господня: «Господи! хорошо нам здесь быть...» (Мф. 17:4). Нетварный Фаворский Свет преображает душу любящего человека, о чём и свидетельствует нам поэзия Сергея Агальцова:

*Путь... Ни конца ему, ни края.
Безлюдье. Поле. У межи —
Ромашки... Радость, как живая,
Здесь тихо мной овладевая,
Пусть светит в глубине души!*

*Пейзаж вокруг старинный, древний:
Вот храм, погост, и дикий сад
Темнеет за глухой деревней...
И, отразясь в реке, деревья
Из глубины речной глядят.*

*В кустарнике щебечут птицы.
Синеет небо. В этот миг,
Который вновь не повторится,
Душою радостен и тих,
Хочу я с этим миром слиться,
Желаний нет в душе других...*

Геннадий Красников

Вдруг в этой жизни на земле,
Под этим небом необъятным.

Вдруг стало всё кристально ясным.
И на дороге полевой
Подумалось, что не напрасно,
Наверно, век я прожил свой...

...Отрадно думать эту думу
Под крик и шелест журавлей,
Когда во мгле иду я к дому
Меж вечеряющих полей.

* * *

Привет, склонившиеся ивы,
Речушка, мостик, лопухи!
Лишь здесь бываю я счастливым,
Лишь здесь пишу свои стихи

О чудесах родного края,
О том, как свежий ветерок,
С листвой берёзовой играя,
Струится, волен и широк.

И я, беспечный, в чистом поле
Бреду неспешно на рассвет
И в пыльном слое белой пыли
Свой тёмный оставляю след.

Ромашки, все лучистой снега,
Толпятся возле ног моих.
Со скрипом старая телега
Меж нив ныряет золотых.

В ней ванькой-встанькою возница
Качается туда-сюда...
В душе таким вот сохранится
Мой край родимый навсегда.

**Поздравляем Сергея Агальцова
с 70-летием и желаем здоровья,
радости и творческих удач!**

Король Лир

Что происходит с «Нашим современником»?

«ЛГ» с бесспорным уважением относится к журналу «Наш современник» и отдаёт себе отчёт в том, что внутренняя политика издания – дело особое. Но мы не могли отказать в публикации Александру Сегеню – одному из самых крупных современных писателей, поскольку не в традициях нашего издания замалчивать проблемы. Разумеется, мы готовы предоставить возможность высказаться всем сторонам конфликта.

Шекспир не подписывался на журнал «Наш современник», не покупал в киосках «Инглишпечати», не брал в библиотеках Лондона и потому его не читал. Но гений потому гений, что через века предвидит события...

Осенью 1989 года в одном из своих телеинтервью на вопрос «В редакции какого журнала вы хотели бы работать?» я назвал «Наш современник». Это интервью подслушала щука, и вскоре мне позвонил главный редактор Станислав Куняев, пригласил зайти.

Приехав в здание на Цветном бульваре и поднявшись на второй этаж, где расположены основные кабинеты, я первым делом увидел Тараса Бульбу с бутылками шампанского, сжатыми за горлышки между пальцами, – четыре в правой руке и четыре в левой. Эво какие люди тут работают! Тарасом Бульбой оказался завотделом поэзии Геннадий Касмынин, кстати, всю жизнь мечтавший исполнить роль этого гоголевского персонажа.

Вышедший мне навстречу из своего кабинета бодрый и весёлый главный редактор спросил:

– Сегень?
– Сегень.

– Хотите работать в журнале с такой обложкой? – И он с гордостью показал мне её – белую, с изящным логотипом, изображающим памятник Минину и Пожарскому работы Ивана Мартоса. – Это ведь вы в своём интервью сказали, что мечтаете...

– Да, я. Особенно ещё и с такой обложкой.

Так начались три с лишним десятилетия моей жизни в «Нашем современнике» в качестве заведующего отделом прозы. Счастливые десятилетия!

Всё это время Куняев вёл себя по отношению ко мне крайне деликатно, ни разу не запретил печатать то, что я ставил в очередной номер, мог лишь отодвинуть публикацию, когда возникала необходимость срочно кого-то напечатать. Лишь однажды он решил в споре повысить на меня голос, в ответ я развернулся и вышел из его кабинета в намерении подать заявление. На другой день главный редактор пригласил меня, и войдя, я увидел накрытый стол и дружелюбную улыбку. Так состоялось примирение.

Работа с ним приносила настоящее творческое удовольствие. Журнал отстаивал патриотические позиции в те позорные времена, когда считалось, что быть патриотами своей страны могут только америкосы. А русский патриотизм – «прибежище негодяев». И мы никого не боялись, стояли плечом к плечу. Смело смотрели в глаза мерзавцам, когда в октябре 1993 года люди в нарочито чёрных кожанках пришли нас разгонять, и спасло лишь заступничество Юрия Бондарева, чьи книги почему-то любил Ельцин.

Подписывая мне свою книгу о Есенине, Куняев начертил: «Александру Сегеню, моему почти что сыну...»

Всегда спортивный, жизнерадостный, остроумный. Нередко журнальные вопросы мы решали с ним в его

кабинете за дружеским столом в компании его друга – Вадима Валерьяновича Кожинова, первого зама – Геннадия Михайловича Гусева и второго зама – Александра Ивановича Казинцева, заведующего отделом поэзии Геннадия Григорьевича Касмынина, а после его смерти – Юрия Поликарповича Кузнецова. Светлая им всем память! Невольно думается: их счастье, что не дожили до нынешних дней. Или, наоборот, жаль, что не дожили, они бы грудью встали на защиту идеалов журнала.

Около десяти лет я не работал непосредственно в редакции, но всё равно, будучи членом редколлегии, активно сотрудничал с ним, а в 2013 году по настойчивой просьбе Станислава Юрьевича вернулся в отдел прозы. И сначала всё оставалось так же, как в 90-е годы...

Людей без недостатков не бывает. У Куняева главенствовал один – сильное родо-племенное чувство.

Любя своего единственного сына, готовил его на своё место как наследного принца.

В русской истории, когда появлялся могучий государь, он ломал первобытно-общинный стереотип родственничества. Будь ты хоть из самой знатной семьи, главное – какую пользу ты приносишь отечеству. Ради этого Иван Грозный создал опричнину. Пётр Великий в основу своего правления поставил принцип «Не будь родовит, а будь даровит». Он выгонял знатных оболтусов, а на их место выискивал людей из народа – безродных, но талантливых. Фраза Сталина «Я рядового на фельдмаршала не меняю» хоть и выдумка, но имеет законное основание. Он, как Иван и Пётр, прежде всего ценит, кто ты, а не чей ты сын.

Жаль, но Станислав Куняев этого принципа не придерживался. Старая, он всё больше старался всем доказать, что его сын станет достойным продолжателем дела отца.

Отметив своё девяностолетие, Куняев-старший оставил за собой номинальную должность главного редактора и удалился на покой, а сына за пару лет до того назначил генеральным директором «Нашего современника». Должность, на которой можно уволить кого угодно, даже главного редактора.

Что же в итоге? Некогда грозный для врагов России лидер главного патриотического журнала внезапно оказался в роли короля Лира. Его сын Сергей вскоре назначил заместителем главного редактора свою жену Карину Сейдаметову. Так владения короля Лира разделили между собой Гонерилья и Регана. Безвольный и бездеятельный Сергей успокоился на даче в Переделкино, не спеша пописывая длинную и нудную книгу о Вадиме Кожинове, а всю власть в журнале узурпировала Карина.

Поначалу она вела себя довольно скромно. Но власть возвышает сильных и сильно портит ничтожных. Как писал Карамзин в трактате «О древней и новой России» про времена, наступившие после смерти Петра Великого: «Пигмеи спорили о наследии великана». И 2023 год стал годом переворота в журнале. Сначала из публикаций отдела прозы стали изыматься материалы, в которых речь шла о современных политических событиях. Сейдаметова объясняла это тем, что журнал стал подчиняться АСПИР – Ассоциации союзов писателей и издателей России: мол, председатель АСПИР Сергей Шаргунов против всякой политики. Позже я спросил у Сергея, моего давнего доброго знакомого, так ли это, на что получил возмущённый ответ: «Ни в коем случае!»

Писатель Алексей Шорохов воевал, получил ранение под Бахмутом, в ноябре ему исполнилось 50 лет, хотелось поздравить фронтовика, напечатать его небольшой рассказ о госпитале и раненых. С негодованием оказался вышвырнут из ноябрьского номера. То же самое с уважаемым артистом Театра на Таганке и писателем Валерием Александровичем Ивановым-Таганским: его новая повесть не получила одобрения потому, что её герои воюют в Донбассе. И такая же участь постигла целый ряд материалов.

Дошло до того, что Сейдаметова властно заявила мне:

– Отныне вы будете печатать только то, что я стану вам спускать сверху.

«Сейдамет-хан», – подумал я.

Журнал отстаивал патриотические позиции в те позорные времена, когда считалось, что русский патриотизм – «прибежище негодяев».

Не стану говорить об отношении рядовых сотрудников журнала к этой личности, легко творящей правду. Ещё в начале года был уволен редактор отдела критики Андрей Тимофеев. На вопрос, за что и почему, Сейдаметова отвечала:

— Лучше вам этого не знать. Он тайно действовал против интересов журнала.

И все подумали: «Кто его знает, может, и впрямь действовал... Может, он японский шпион...» Но причина явно крылась в другом — Тимофеев оказался устранён как молодой и энергичный соперник, не желавший плясать под дудку узурпатора.

Настоящий гром грянул в сентябре, когда из типографии пришёл свежий номер и все сотрудники ахнули:

— Не может быть!

Вместо прежней белоснежной обложки с Минниным и Пожарским очам явилось нечто серое, абстрактное, чудовищное в своей безликости.

Кто принимал решение? Кто голосовал за или против? Состоялись ли дебаты? Оказывается, нет. Сейдаметова лично распорядилась, ни с кем не посоветовавшись, наплевав на принцип коллективности. О новой обложке не знал даже технический редактор Геннадий Мараканов, сей шедевр авангардизма Карина заказывала где-то на стороне. Но не могла же она не посоветоваться с бабушкой своего сына Тимоши!

— Станислав Юрьевич, объясните мне, что произошло? — спросил я короля Лира по телефону.

— Саша, не вороши мою болезненную рану.

— Кто и как решил сбросить Миннина и Пожарского?

— С этими людьми я не хочу больше иметь дело. Они поставили меня перед фактом.

— Неужели масоны?! — воскликнул я, вспомнив стародавние дискуссии конца восьмидесятых о влиянии масонов на судьбу России.

— Нет, — не оценив моего юмора, печально ответил несчастный король Лир. — Это мой сын Сергей и его жена Карина.

— Так надо же что-то делать!

— Надо. Обещаю тебе, что этого безобразия так не оставлю. Я верну Миннина и Пожарского.

На какое-то время его уверения меня успокоили. Скоро все поймут, что произошло в «Нашем современном», поднимется волна негодования, восстанет Союз писателей России, другие организации. Не может быть, чтобы судьба самого смелого патристического журнала оставила всех равнодушными. Но прошёл октябрь — ничего.

Выяснилось, что противостоять произволу Сейдаметовой юридически невозможно. И вот почему. Когда-то учредителями журнала являлись Союз писателей России, Фонд славянской письменности и культуры и коллектив журнала. Но в начале нового столетия всё поменялось. Стремясь обеспечить трон сыночку, чадолюбивый Куняев отсек и союз, и фонд, а учредителями стали главный редактор и два его заместителя — Гусев и Казинцев. Они никогда бы не допустили смены курса. Но в 2012 году скоропостижно скончался Геннадий Гусев, уже немолодой, года не доживший до восьмидесятилетия. На его место в учредители вписали наследного принца. Однако главным препятствием на пути к престолу короля Лира оставался Александр Казинцев. Человек, преданный журналу, и де-факто делавший его в последние двадцать лет. И ни у кого не оставалось сомнений, что именно он в будущем станет главным редактором, а не бездельник и баловень Серёженька.

Но нежданно-негаданно шестидесятилетний и цветущий — не пил, не курил — Александр Иванович приехал из командировки домой, почувствовал недомогание, а утром умер. Списали на ковид. Так исчез наиболее опасный для наследного принца соперник. А на его место в учредители записали Ивана Перверзина, некогда властного руководителя Литфонда, с недавних пор оставшегося не у дел. И всё. Юридически журналом завладел наследный принц. Король Лир в силу возраста распоряжаться ничем не может. Тот, кто когда-то заявил: «Добро должно быть с кулаками», свои кулаки опустил и разжал. И восторжествовал закон престолонаследия.

Да и бог бы с ним! Можно и малыша Тимошу назначить генеральным директором, лишь бы не мешал людям издавать журнал. И все смирились. Серёжа будет в отдалении писать себе о Кожинове, а мы — делать привычное и благородное дело.

Но тут, откуда не ждали, возникла злобещая фигура.

Со стороны даже смешно: слабенькая поэтесска, каких на сайте «Стихи.ру» тысячи, скромная, тихая, на всех смотрит восторженными глазками, на шутки

хорошо реагирует звонким смехом. И вдруг из этого существа вырастает нечто самовластное. Химера, Тартюф, Фома Опискин, щелчком бы по носу, и привет! Но это со стороны. А как выяснилось: ребята, дело — труба!

В ноябре король Лир звонил мне почти каждый день. Жаловался, что его уже никто не слушается. Голос дрожит, дыхание тяжкое. Я предлагал созвать общественный совет, он соглашался, но воз и ныне там. Ничего нельзя сделать...

Оставаться под ханской властью стало невыносимо, и я выложил в чате редакции стихотворение поэта двадцатых годов Джека Алтаузена:

*Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского — зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить!
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?*

Последовала реакция — наследный принц вызвал меня на ковёр. Он уже занял кабинет своего знаменитого отца. Я потребовал объяснений, почему с обложки изгнаны Минин и Пожарский. В ответ раздался жалкий лепет, что журнал берёт ориентацию на молодёжь, а молодёжь этот символ не приемлет.

— На хрена нам такая молодёжь, которая отвергает Миннина и Пожарского? — возмутился я. — И неужели твоя хозяйка уверена, что с такой обложкой разных оттенков серого молодёжь побежит подписываться на «Наш современник»? Это глупое объяснение, и вы должны были дать более убедительное, чтобы не потерять прежнего подписчика.

Молодёжь, видите ли! Да, часть молодёжи против Путина, потому что боится попасть на фронт. Но я видел другую молодёжь, которой, к счастью, гораздо больше. Взять хотя бы замечательных ребят из фестиваля «Братья по духу. Молодые писатели России и Донбасса». Я подготовил большую подборку

”

Гром

*грянул в сентябре,
когда из типографии пришёл
свежий номер. Вместо прежней
белоснежной обложки
с Минниным и Пожарским
очам явилось нечто серое,
абстрактное.*

“

их произведений, но одобрение Реганы и Гонерильи получили единицы, остальные я передал в журнал «Москва».

Далее я продолжал задавать вопросы в таком же духе, на что раздавалось невнятное блекотание, мол, опубликовав в чате стихи Алтаузена, я плюнул в лицо всей редакции, а новая обложка — это шедевр издательского искусства... Ничего вразумительного, только жалобные эмоции управляющего именем, которого отругала барыня.

Мне звонили по двадцать человек в день, и все спрашивали, что случилось. А некоторые даже высказывали предположение, что за смену обложки и курса кто-то заплатил...

Через несколько дней последовало и вовсе нечто абсурдное. Не видя никаких перспектив исправить положение, бедный король Лир потребовал хотя бы поместить на внутренней странице обложки ноябрьского номера фотографию Путина, возлагающего венки к монументу Минина и Пожарского. Ещё чего! Невестка разъярилась, и то, что услышал в ответ король Лир, я цитировать не стану, иначе получится политический донос.

Тогда — о, боги! — некогда могучий исполин попросил руководителя техцентра при сдаче ноябрьского номера в печать тайком поместить запрещённого Путина на внутренней стороне обложки, и тот секретное задание командира партизанского отряда выполнил. Когда номер вышел, от крика сотрясались стены

здания, в 1812 году пережившего пожар Москвы и не сгоревшего.

— Что это за безобразие! Кто посмел!

— Меня дедушка, дедушка попросил, — испуганно отвечал техцентр.

— Запомните, нет больше дедушки! Забудьте про дедушку! В журнале новое руководство! — топала ногами Сейдаметова.

«Сам отдал власть, а хочет управлять по-прежнему! Нет, старики как дети!» — Шекспир. «Король Лир».

Техцентр не разогнали, но свет увидели приказы: обложку не менять ни при каких обстоятельствах, а каждый номер при сдаче в типографию должен визировать генеральный директор. Тут смешно то, что генеральный директор как-то и раньше должен был интересоваться, какой журнал сдаётся в типографию. Но он вообще не знал и не знает, что печатается в «Нашем современном». Простой пример: в конце марта мы с ним оказались в одной командировке, и однажды в присутствии других писателей наследный принц обратился ко мне с вопросом:

— Я тут краем уха слышал, что ты написал роман о Сталине и кино.

— Да, написал, — опешил я, потому что этот роман к тому времени уже вышел в трёх первых номерах журнала.

— И где собираешься печатать?

— Да есть один хороший журнал, он уже напечатал мой роман в январском, февральском и мартовском номерах.

— Я так понимаю, это журнал «Москва»?

— Нет, это «Наш современник», господин генеральный директор «Нашего современника».

— Интересненько... — смутился он и вдруг вспомнил, что хочет в туалет, а все, кто присутствовал при разговоре, только развели руками:

— Ну и ну!

На смене обложки Сейдаметова не остановилась. До сентября в интернете мы имели хороший сайт — архив «Нашего современника». В нём легко отыскивалась любая номер любого года, и все охотно этим пользовались. Но осенью 2023 года архив исчез. Остались только номера с убогой обложкой без Миннина и Пожарского.

Что будет дальше? Журнал станет антипатристическим? Оппозиционным правительству России? Не может быть! Смейтесь, смейтесь, но ещё недавно никто бы не поверил, что «Нашим современным» станет заправлять дамочка, чья литературная значимость лишь в том, что она невестка Станислава Куняева! Пользуясь былой славой журнала, она уже решила сделать нечто своё, сама не зная какое, только бы другое. На редакционные деньги разъезжает по стране, представляясь главой «Нашего современника» и пользуясь популярностью среди такой же серости, как она, ведь серость обозначена на новой обложке.

— Король Лир, кому ты роздал владения свои! — сказал я недавно в очередном телефонном разговоре.

— Да, Саша, старый я дурак, — горестно выдохнул он в ответ.

Скажете, зачем поднимать волну, если ничего уже нельзя сделать? Но хотя бы выразить свою боль. Ведь я половину жизни отдал «Нашему современнику», но не такому, каким он стал сейчас. Журнал с белой обложкой и Минниным и Пожарским явился целой эпохой в литературной жизни России конца XX — начала XXI века. Его уничтожение — настоящее горе для тысяч читателей и многочисленных авторов.

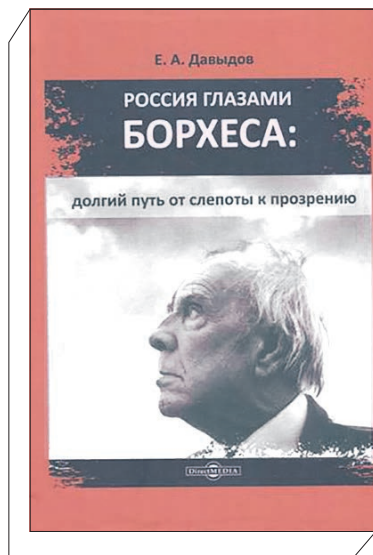
Недавно я присутствовал на заседании общественного совета писателей, созданного при Государственной думе фракцией ЛДПР, долго выслушивал какие-то маниловские речи, но когда мне предоставили слово и я заговорил о насущной проблеме удешевления «Нашего современника», один из председательствующих, А.С. Салуцкий, кстати, некогда долгое время входивший в редколлегия журнала, гневно меня прервал и назвал проблему частной, недостойной обсуждения. Я с оскорблённым чувством удалился.

Частная проблема! Неужели я остался один на один воевать с ветряными мельницами?!

Александр Сегень

Р.С. Эта статья была написана и сдана в редакцию «ЛГ» в начале декабря, но С.Ю. Куняев попросил придержать её и дал слово, что в январе вернёт журнал в прежнее русло. Однако слово своё он не сдержал, а автор статьи с 1 января уволен из «Нашего современника», с которым сотрудничал 35 лет своей жизни.

Провидец из Аргентины

Егор Давыдов.

Россия глазами Борхеса: долгий путь от слепоты к прозрению: монография.

— М.: Директ-Медиа, 2022. — 124 с.

Кто так точно передаёт через состояние лирического героя своё мироощущение? Непостижимый Борхес. Почему непостижимый? Да потому, что вся жизнь Борхеса — жизнь первопроходца в самых неожиданных её проявлениях. Он до сих пор остаётся самым загадочным и противоречивым писателем в истории мировой литературы. Слепота несколько не помешала ему быть пророчески пронзительным мыслителем и неповторимо оригинальным художником слова.

В 1982 году в лекции под названием «Слепота» Борхес заявил: «Если мы сочтём, что мрак может быть небесным благом, то кто «живёт сам» более слепого? Кто может лучше изучить себя? Используя фразу Сократа, кто может лучше познать самого себя, чем слепой?»

Борхес создал главные произведения с конца 1930-х до 1951-го. После — начал терять зрение. Тогда же благодаря нескольким переводам на французский перед ним впервые забрезжила международная известность. Но полноценное признание настало только в старости — в Аргентине его не любили за открытое недовольство националистической политикой, а за границей мало кто вообще слышал про чудака из-за океана.

В 1961-м Борхес вместе с ирландским драматургом Сэмюэлом Беккетом был удостоен престижной награды International Prize, прочитал курс лекций в университетах США и наконец стал мировой знаменитостью.

Но главную литературную награду — Нобелевскую премию так и не получил.

Некоторые историки литературы, а также и борхесоведы считают, что Борхес создал свою литературную школу. Спорить с этим трудно. Действительно создал, но умудрился это сделать, по сути, в свою очередь, не принадлежа ни к одной из литературных школ, ни к одному из литературных направлений. Как это у него

получилось — другой вопрос, однозначного ответа на который до сих пор нет ни у одного из специалистов. Именно всё вышеперечисленное осложняет труд литературоведов и историков литературы, пишущих о творчестве Борхеса.

Среди трудов борхесоведов наиболее полным на сегодняшний день считается монография В. Тейтельбома «Два Борхеса», вышедшая в русском переводе Ю. Ванникова. А что же наши соотечественники? О его творчестве русскими литературоведами написано не так много. Поэтому работа Егора Давыдова «Россия глазами Борхеса» имеет особое значение.

Аннотация гласит:

«Представленное исследование примечательно уже тем, что являет собой первый монографический труд о Борхесе в отечественном литературоведении. В работе подробно разобрано, как, вопреки антагонизму зрелого Борхеса по отношению к России, отголоски русской литературы (в первую очередь Достоевского) оживают в его творчестве — в частности, прослеживается длительное и плодотворное влияние на его прозу романа «Бесы». Читатель становится свидетелем реальных процессов передачи Борхесу некоего культурного импульса от русской классики, который затем, сильно преобразованный, вернётся к нам в виде знаменитых новелл аргентинского гения, равно как и распространится по всему миру.

”
Борхес искренне следовал своим взглядам и убеждениям, а когда осознавал свои ошибки — столь же искренне их признавал и каялся.
 “

Отталкиваясь от трудов М.М. Бахтина и Б.М. Эйхенбаума, в монографии автор проводит анализ, устанавливающий взаиморасположение художественных миров Борхеса и Достоевского на генеалогическом древе развития литературы: выявляются как общие корни творчества двух писателей, так и непримиримые различия.

Помимо научной ценности работа интересна и полезна тем, что содержит обзор биографии аргентинского писателя. Поскольку сама тема отношения Борхеса к России неоднозначна и наполнена внутренним драматизмом, в работе создаётся, пусть и написанный с единственного ракурса, выразительный портрет литератора как сложной и противоречивой личности, способный сделать его фигуру ближе и понятнее для любого читателя».

«Отношение Борхеса к России в целом, — отмечает Егор Давыдов, — и к русской литературе в частности менялось на протяжении его жизни неоднократно. Как будет показано в дальнейшем, — упреждает читательские вопросы Давыдов, — вне зависимости от знака этого отношения (положительного или отрицательного), образ России в сознании Борхеса всегда был сформирован как почти монолитный сплав русской политики, литературы, кинематографа и прочих культурных и социальных аспектов, поэтому далее для всей этой совокупности представлений будет использоваться термин «русская тема».

Егор Давыдов, впрочем, как и другие исследователи творчества писателя, не будучи в том оригинальным, сообщает читателям, что Борхес любил называть себя аполитичным человеком. Между тем временами он занимался политикой — иногда весьма активно. Более того, как видно из приведённых Егором Давыдовым фактов, — мотало Борхеса из стороны в сторону нещадно... Однако назвать его политическим флюгером мы не можем, потому что он искренне следовал своим взглядам и убеждениям, даже подчас ошибочным и консервативным. Когда осознавал свои ошибки — столь же искренне их признавал и каялся. Что самое интересное, его современники — читатели и почитатели — понимали его и прощали эти метания...

Князь Гочаг

Страсть исследователя

Евгений Бень.

Эподы московского наблюдателя. Избранные эссе и смыслы.

— М.: Б.С.Г. — Прогресс, 2023. — 396 с.

В новой книге российского литературоведа и публициста Евгения Бени, выпущенной в рамках издательской программы правительства

Москвы, собраны статьи, очерки, эссе, опубликованные в различных периодических изданиях. Успех объединения под одной обложкой такого «разножанрового материала» написавший предисловие к изданию Павел Басинский объясняет исключительной своеобычностью автора, во всех работах которого «дышит страсть исследователя».

Первый раздел книги — «Поступь Серебряного века» — включает литературоведческие работы о В. Ходасевиче, Д. Мережковском, Ф. Сологубе, А. Белом, К. Бальмонте. Особое место в разделе занимают исследования, посвящённые творчеству А. Блока, что не случайно. Несколько лет, с конца 1983 по 1987 г., работая в ЦГАЛИ (теперь — РГАЛИ), Бень вместе с К.Н. Суворовой трудился над созданием «Летописи жизни и творчества Блока». Размышления о творческом и мировоззренческом пути поэта представлены в книге Бени герменевтическим прочтением некоторых стихотворений («Не пробуждай воспоминаний», «Гамаюн, Сири и Алконост»). Любопытен нумерологический анализ поэ-

мы «Двенадцать»: «...не только двенадцать красноармейцев, не только двенадцать главков. Ещё двенадцать основных картинок с разными ожившими волею гения Блока смотрящими на мир глазами (и об этом ещё не писали). И эти три раза по 12 (всего 36) венчает единственный:

*Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос.*

Цифры 12 и 3 в наших комментариях, конечно, не нуждаются. А вот куда менее известное наблюдение: сумма всех целых чисел от 1 до 36 равна 666...»

Заслуживают внимания тонкие и глубокие филологические комментарии Бени к символистскому роману Ф. Сологуба «Мелкий бес». Устанавливая исторические источники популярнейшего в начале XX века произведения, он среди прочих указывает «Мёртвые души» Н. Гоголя, сравнивая визиты Чичикова к помещикам с посещениями Передонова «отцов города». Среди тематических последователей «Мелкого беса»

Бень называет повесть «Неуёмный бубен» и рассказ «Чёртик» А. Ремизова, «Дьяволиаду» М. Булгакова. Среди современников продолжателем сологубовской традиции Бень считает Ю. Мамлеева.

Разнообразие тематической направленности отличает и второй раздел книги — «В упряжке с временами», куда вошли публицистические работы. Рассуждая о таком явлении, как интернет, автор выдвигает прогностические гипотезы относительно существования традиционной формы книг: «Со временем книги на бумаге превратятся в нечто подобное архивным источникам, а библиотеки станут хранилищами, аналогичными архивам, и посетителями книжных архивов выступят исключительно специалисты разных отраслей, но в основном историки и филологи».

Третий раздел книги — «Негаснущий свет» — посвящён друзьям, близким и людям, с которыми автору довелось встречаться и работать. С искренним почтением и признательностью Бень пишет о Наталье Соловьёвой, Римме Казаковой, Георгии Бал-

ле, Льве Аннинском, Георгии Каманеве. О знакомстве с Натальей Соловьёвой он вспоминает в очерке «Дочь поэта»: «Заснеженный ноябрь 1985 года. В подмосковном Шахматове дебютировали Блоковские чтения. Все доклады, более или менее удачные, прочитаны... обмениваясь мнением о прошедшем действе с сидящей рядом пожилой женщиной. Оказывается, я разговариваю с внучкой выдающегося историка С.М. Соловьёва, внучатой племянницей великого философа Владимира Соловьёва, дочерью поэта Сергея Соловьёва — троюродного брата Александра Блока».

Евгений Бень — заметная фигура современного культурно-информационного пространства. Новая книга привлекает разнообразием тем, изобилием фактов, меткими наблюдениями, увлекательным повествованием. Это серьёзный труд, в котором реализован многолетний исследовательский и публицистический опыт, отмеченный яркой индивидуальностью автора.

Марина Хлебус

ПОЭЗИЯ

Зрячая воля

Александр
Нестругин

Родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Стихи публиковались в журналах «Подъём», «Дон», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «Простор» (Казахстан), «На любителя» (США), «Южное сияние» (Украина), «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и других, а также неоднократно печатались на страницах «ЛГ». Нестругин — автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии воронежского комсомола им. В. Кубанева в области литературы, всероссийской литературной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце». Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

Доброволец

Похожий на корявый корень,
Из тех, что держат берега,
Уходит Михаил Луконин
Не в строки — в финские снега.

Там Маннергейм все стёжки выжег,
«Кукушки» там навили гнёзд.
А он вперёд толкает лыжи,
Опять поднявшись в полный рост.

Лыжнёй той заступаясь веско
За тот порыв, за ту страну,
Где шли в поэты без повестки,
И точно так же — на войну.

«Да брось! Война та — мутновата...» —
Диванный критик кривит рот.
...А ветер полы маскхалата
Крупой свинцовой в клочья рвёт.

И, будто нам немым укором,
Скрипит, судьбу пытая, наст.
Уходит Михаил Луконин...
Уходит Михаил Луконин
Не в жизнь минувшую — а в нас.

От такой реакции — мгновенной! —
Хочется скулить, а может — выть...
В небе гул — и внук кричит:

«Военный!..»

Рад, что может деда удивить.

И тревога, грудь томя, не тает,
Хоть, кажись, с чего, с чего бы вдруг?
Тут теперь другие не летают.
И чужие вроде не летают...
Гуси только — с юга. И на юг...

После смерти я выйду к реке...
Евгений Эрастов

Помню, книжки твои берегу.
Знаю, жив ты не фразой красивой.
Но прости, не спросить не могу:
То, что выше, в эпитафье, — в силе?

Жизнь идёт. Тяжких лет жернова
Столько клятв и проклятий смололи...
А бывает, роняют слова
Люди добрые — походя, что ли?

И не помнят потом ни черта,
Что начертано пёрышком острым —
Как поэт, нам с тобой не чета,
Что писал про Васильевский остров...

Но к реке, что осталась с тобой, —
Я узрел (ох, уж эти писаки!) —
К ней контекст подойдёт не любой
И мотив, и эпитет — не всякий!

Наши строки идут належке,
Но заводят тяжёлые речи.
После смерти ты выйдешь к реке...
Напиши мне — и я тебя встречу.

Даже если всего лишь зерно я,
Разве нет зрячей воли в зерне?
Безнадёжное дело земное
Без меня безнадёжно вдвойне!

Хоть и послано было за мною
С мыслью — жизнью за то поплатись! —
Безнадёжное дело земное
Не смогло без меня обойтись....

Рассержу, растревожу, задену
Здравый смысл, но скажу всё равно:
Если всё же я взялся за дело,
Так ли уж безнадёжно оно?

Стужа гулко ударится оземь,
С треском реки, как окна, забьёт...
От зерна занимается озимь —
И в крови больно крошится лёд!

Это всё отзывается мною:
Вспухший Дон, зеленеющий лес...
Безнадёжное дело земное
Без приставки безжалостной «без».

То закрутит жизнь свою винтом
Лист опавший, то сорвётся жёлудь.
Вести всё идут, идут с фронтов —
Трудно так, походкою тяжёлой.

Все закрутит накрепко винты
Листопад, договорив со мною.
...Главное — что держатся фронты!
Держатся, стоят, а остальное...

Мой двадцатый век

Литература врёт,
Жизнь превращая в тему.
Смотрит планета в рот —
Нет, не Христу, а Хэму!

Дышит — не пьёт, не ест,
Руки до боли сжала —
Бредом его фиест,
Жаром Килиманджаро.

Слово — из уст в уста:
Плача, молясь, говед,
Веровать во Христа?
Верить в Хемингуэя!

С ним, что взойдёт на крест,
Может, и я спасуся?
Дай мне ответ, Эрнест
В образе Иисуса!

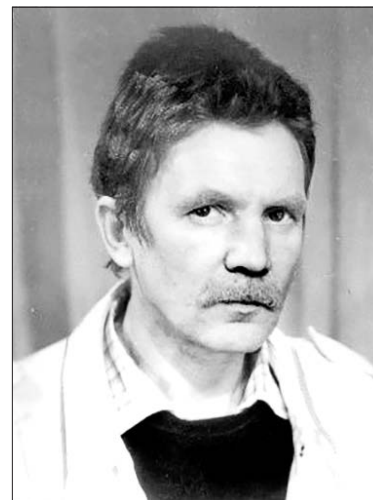
...Хемингуэй не врёт.
Он, говоря со мною,
Тянет двустволку в рот,
Липкой давясь слюною...

Поздравляем Александра Гавриловича
Нестругина с 70-летием! Желаем
крепкого здоровья, умных читателей
и новых строк!

УТРАТЫ

Не стало Владимира Урусова

4 января 2024 года на 77-м году после тяжёлой болезни ушёл из жизни поэт, прозаик Владимир Урусов (Верстаков).

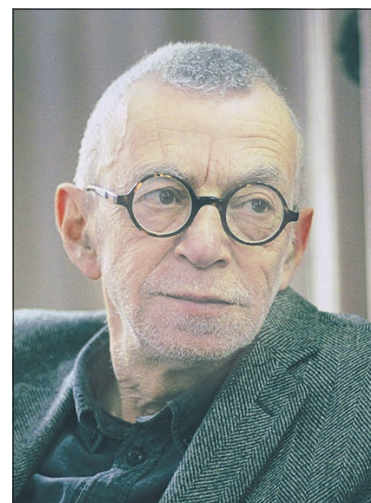

Родился в 1947 году в городе Черняховске Калининградской области. Окончил Московский геологоразведочный институт, работал инженером-геологом, строил Нарымскую и Чиркейскую ГЭС, участвовал в прокладке тоннелей на БАМе. Автор сборников стихов «Ровесник мира», «Ну что, живу...», «Медленный ветер», «Всплеск живой воды» и других. Отличительная черта его поэзии — пронзительная лирическая интонация.

*Прокатилась гроза над кровавой рекой,
Тишина шелестит, книгу судеб листая,
И на том берегу мальчик машет рукой,
И летит сквозь туман лебединая стая...*

Ушёл из жизни Лев Рубинштейн

Ему было 76 лет.

Поэт, публицист, литературный критик, один из основателей московского концептуализма в поэзии Лев Рубинштейн родился в 1947 году. Он создал жанр «картоотеки» — на стыке литературы, изобразительного искусства и перформанса. Стихи печатались на библиотечных карточках, с которыми он выступал. Первые публикации — в самиздате и за границей в 1970-е, на родине — только в 1990-х. Рубинштейн — лауреат премии Андрея Белого, автор книг «Большая картоотека», «Духи времени», «Скорее всего», «Словарный запас», «Случай из языка», «Погоня за шляпой и другие тексты» и др. Произведения переведены на английский, немецкий, финский, французский, шведский, польский и другие языки.

Умерла Елена Семёнова

Поэт, редактор и журналист ушла на 49-м году жизни.

Мы хорошо знали Лену, она в своё время поработала в «Литературной газете» обозревателем, а после публиковалась у нас как поэт. Поэт, нашедший свою собственную интонацию — невероятной лёгкости, летучести, даже когда речь шла о трагедийной стороне жизни. Невероятные блики нашего парадоксального и прекрасного бытия — вот что её завораживало. Но за этой кажущейся лёгкостью пера скрывались глубинные переживания.

*Белую собаку в переходе
Вам, конечно, лучше бы не трогать.*

*Белая собака в переходе
Вас, пожалуй, может укунуть.
Мокрый снег врывается под арки,
Граждане несут домой подарки,
Ну а пёс, как в пасти белый клык,
К грязности асфальтовой приник.
Белый зуб — больной или здоровый?
Айсберг — меховой или ледовый?
И без уха, просто Белый Бим!
Хорошо б ты сделался любим
И на новогодний праздник свой
Косточкой разжился мозговой.*

(«Бим Безухов»)

Удивительное внимание к деталям, сочувственное отношение к окружающему миру и вместе с тем умение искренне и бесшабашно веселиться — всё это было в одинаковой мере свойственно Лене.

Последний раз мы виделись с ней летом, в Бурятии, она была в потря-

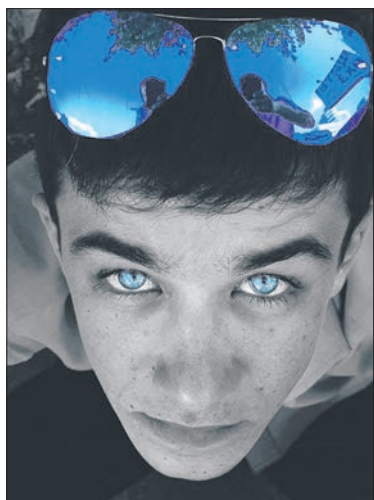
сающем индийском наряде — умная, эффектная, весёлая... Её уход стал для нас полной неожиданностью, как и для её коллег из «Независимой газеты», где она работала в последние годы и где её очень ценили и любили...

Родилась Елена Семёнова в 1975 году в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Написала несколько замечательных книг: «Стихотворения» (1996), «Испытание» (2017), «Некрологика» (в соавторстве с Михаилом Квадратовым и Андреем Чемодановым; 2018), книги детских стихов «Камушек, фантик, цветок» (под псевдонимом Лена Листик; 2019). Соредатор-составитель антологии «Уйти. Остаться. Жить». Лауреат премии Международная отметина имени Давида Бурлюка.

Анастасия Ермакова

«ЛГ» выражает искренние соболезнования родным и близким покойных.

Самая красивая женщина на свете

Рагим Джафаров

– Просыпайся! – Максим потряс сына за плечо. – Приехали!

Денис сонно покрутил головой, пытаясь понять, где они находятся. В плотном снегопаде можно было рассмотреть только фиолетовые ворота, в которые уткнулась машина.

– Где это мы? – сдался Денис.
– Приехали к деду, – пояснил Максим.

– У него разве не зелёные ворота?
– Ну, перекрасил, наверное.

В этот момент ворота дрогнули, и одна створка сдвинулась с места. В проёме возникла голова в ушанке. Пожилой мужчина щурился в свете фар.

– Дед! – обрадовался Денис и сразу же выскочил из машины.

Но тут же поскользнулся и упал в сугроб. Ничуть не расстроился и выскочил из него хохоча. Подскочил, кинулся к деду и крепко его обнял.

– Ты как, старый?!

– Ничего, ничего, – подслеповато щурясь и по-детски восторженно улыбаясь, ответил тот. – Ты вырос как, Денис!

– А ты подкачался, что ли? – отстранившись от деда и оценив его взглядом, спросил внук. – Следить за собой, а? Кирилл Андреич-то ещё о-го-го?

Оба повернулись на сдавленную ругань. Максим, вышедший из машины, поскользнулся и так же, как сын минуту назад, ухнул в сугроб.

– Вернись в машину и выйди как положено! – учительским тоном приказал ему Денис.

– А это кто?

Денис медленно повернулся и ошарашенно уставился на деда.

– Друг твой, что ли? – внимательно глядя на своего сына, спросил Кирилл Андреевич.

– Дед, ты чего? – похолодел Денис и посмотрел на отца, стряхивающего снег с пальто, как бы убеждаясь, что ничего не путает и реальность действительно такова, какой кажется, а заодно ища поддержки у старшего.

– Это ж...

В этот момент Кирилл Андреевич сунул внуку за шиворот ком снега и захохотал.

– Опять купился!

– Да блин! – изгибаясь и пытаясь вытряхнуть снег, загундосил Денис. – Ну сколько можно-то?!

– Пап, тебе ж не пять лет! – бурчал себе под нос Максим, отряхивая пальто и подходя к Кириллу Андреевичу. – Что у тебя тут за каток?!

– А? – приложив руку к уху, переспросил дед.

– Да не глухой ты! – возмутился Максим. – Я больше на это не куплюсь!

– Чего вы так долго-то? Я думал, не успеете к Новому году.

– Да снегопад же, мы поворот проехали.

– Всё, всё! Потом расскажешь! Макс, давай из машины, что привезли, – командовал дед. – Денис, а ну отцу помоги!

Засуетились и через несколько минут собрались за столом. Кирилл Андреевич и Максим спешно накрывали холостяцкий стол. Магазинные салаты, нарезки – всё быстро выставлялось на стол из пакетов. Денис поставил на стол разделочную доску с толсто нарезанными ломтями хлеба.

– За холодцом сгоняй, – велел ему дед.

– Куда? – не понял Денис.

– До деревни, ключи от снегохода в бушлате, – перекладывая салат из контейнера в тарелку, спокойно пояснил дед.

– А на самом деле?

– А на самом деле духовный материализм не позволит нам освободиться от привязанностей, – развёл руками Кирилл Андреевич.

– А холодец? – не поддавался на провокации Денис.

– А холодец на крыльце! – разозлился дед. – Что ты как в первый раз?! Макс, а ты шампанское принеси, оно в сугробе!

Когда отец и сын вернулись, успешно справившись с возложенными на них задачами, Кирилл Андреевич уже настраивал телевизор. Разглядывал два пульта и что-то бурчал себе под нос.

– Да что ты будешь делать! – злился он.

– Сначала тюнер включи, потом телик, – подсказал Денис.

– Да зачем вы мне эту чертовщину купили?! Ну чем был плох старый телевизор, а?! – злился дед.

– Тем, что он всего один канал показывал!

– Это уже слишком много... – бурчал дед.

Наконец он справился с кнопками. Экран ожил.

– Дорогие россияне, – прозвучал знакомый голос.

Все рефлекторно уставились на экран.

– Чего-то рано, – глядя на настенные часы, нахмурился Максим.

– Они идут неправильно, – отмахнулся Кирилл Андреевич.

– А который час-то?

– Цыц! – возмутился дед. – Слушайте, когда говорят!

– Да было б...

– Сели и смотрите! Традиция!

– Но...

Максим осёкся, наткнувшись на грозный взгляд отца.

– Это был простой год, – заявил человек с экрана. – Но это не значит, что нужно опускать руки или давать себе поблажки. У нас нет времени на раскочку.

Максим едва не поперхнулся компотом, но справился с собой.

– Но есть у нас и хорошие новости! – бодро заявил человек с экрана. – Например, федеральная программа «Счастливая семья» показала себя невероятно

эффективно! Статистика подтверждает, что благодаря ей количество счастливых семей увеличилось вдвое!

– То есть была одна, а стало две? – хмыкнул Максим вполголоса.

– И то потому, что та единственная семья распалась на две, – поддержал Денис.

– Цыц! – возмутился дед.

– ...То же касается и программы «Счастливый гражданин», – продолжал телевизор.

– Да о чём он? – спросил Денис.

– Не знаю, какая-то программа федеральная, – пожал плечами Максим, неторопливо откручивая проволочку с шампанского.

– ...Было принято непростое решение, – продолжал телевизор куда более тяжёлым, тревожным тоном. – Так как времени на раскочку нет, всех граждан, не выполнивших условия программы, решено не брать в новый, 2022 год. Иными словами, новый год наступит не для всех. Несчастливых в будущее не возьмут.

Все удивлённо уставились в экран. В этот момент погас свет. Пару секунд все сидели в абсолютной темноте и тишине. Потом выстрелила пробка от шампанского.

– С Новым годом, – мрачно протянул Денис.

Чиркнула спичка. В руке у деда возникло пятно света.

– Это что было? – ошарашенно спросил Максим.

– Пробки выбило, – пояснил Кирилл Андреевич.

– У деда, – хмыкнул Денис.

– Я про вот это вот! – Максим указал на экран.

– Я тоже, – усмехнулся Денис.

– Сейчас всё включу, – отмахнулся Кирилл Андреевич. – Ты наливай пока.

Он встал из-за стола и вышел из комнаты. Отец и сын остались в абсолютной темноте. Какое-то время царил тишина. Потом тихонько хрустнуло, шёпотом ругнулся Максим. Денис, конечно, узнал характерный хруст водочной пробки.

– Ты опять бухать собрался?

– Я рюмку – за Новый год, – объяснил отец.

– А не будет никакого нового года, – хмыкнул Денис, – сказали же тебе: в будущее возьмут только счастливых!

Из темноты закашляла глава семейства, очевидно, поперхнувшись водкой. Денис зло хохотнул. В этот момент в комнату вошёл Кирилл Андреевич со свечой.

– Не, не пробки. Электричество отрубил. Натё вот, – сказал он и положил на стол несколько свечей. – А я пойду генератор заведу.

– Помочь? – предложил Максим, косясь на Дениса.

– Кнопку-то нажать? – усмехнулся Кирилл Андреевич.

– Ну... Мало ли...

– Да посиди вон с сыном! – отмахнулся дед и вышел.

Снова воцарились тишина и темнота.

– Чего он ушёл, нам и зажечь-то её нечем, – вздохнул в темноте Максим, – не курит никто...

В этот момент в руках Дениса чиркнула зажигалка. Огонёк медленно протянулся через весь стол от сына к отцу. Подрагивая, замер над свечой, которую растерянный Максим даже не протянул вперёд. Фитиль разгорелся. Отец нахму-

рился, хотел было что-то спросить, но оставил эту мысль. Не нашёл, куда деть свечу, и сунул её в горлышко шампанского. Сам взялся за закуску. Положил на толстенный ломоть хлеба такой же кусок колбасы и стал жевать.

– В будущее возьмут не всех, – поигрывая зажигалкой, задумчиво протянул Денис.

– Кстати, а погугли, что это за прикол-то! – с набитым ртом попросил сына Максим. – Ну, что там пишут в интернете!

– Уже, – кивнул тот.

– Ну и чего? – Максим замер.

– Ничего, – пожал плечами Денис.

– Да не может быть! Ну, Первый канал же!

– Может, – возразил Денис, – просто никого больше нету в интернете.

Максим перестал жевать и ошалело уставился на сына.

– В каком смысле?!

– Да нету тут интернета! Ты забыл, что ли?! – всплеснул руками Денис.

– Тьфу ты! – Максим заметно расслабился.

– Испугался? – с интересом усмехнулся сын.

– Я? Да мне-то чего бояться, даже если бы это всё правда была... ну, про будущее... меня б взяли.

– Ну да...

– Чего – ну да?! – возмутился Максим. – Я счастливый! Всё у меня хорошо!

– Угу, мужчина в самом расцвете сил, – саркастично согласился Денис.

– Так и есть! – возмутился Максим. – Деньги какие-никакие зарабатываю, руки-ноги есть, приличный, в конце концов!

– Ну, здорово, – явно желая закрыть тему, кивнул Денис. – Чего ещё хотеть-то?

– Ну, например, чтобы ты, оболтус, за ум взялся! – серьёзно заявил Максим.

В этот момент несколько раз слабо мигнула лампочка. У отца и сына возникло ощущение, что сквозь дурманящий мрак на секунду проступила реальность. Оба замерли, с надеждой глядя на лампочку, но снова навалилась темнота. Вдалеке едва слышно ругался дед.

– Ну, судя по всему, света не будет, – констатировал Максим, прислушиваясь к ругани на дворе.

Никто не ответил. Открылась дверь, и в дом вошёл Кирилл Андреевич. Потопап, сбывая снег с валенок, кряхтя разулся. Все прислушивались, ожидая развития событий. Кирилл Андреевич вошёл в комнату в расстёгнутом бушлате и развязанной ушанке.

– Не заводится, – пожал он плечами.

– Генератор? – уточнил Максим.

– Нет, соседка! – отмахнулся Кирилл Андреевич. – Я уж и так и этак...

– Нет, ну я серьёзно.

– А ситуация и вправду серьёзная, – важно кивнул дед, – спроси у соседки.

– И чего делать будем? – поинтересовался Денис.

Дед подвинул ногой стул, сел за стол, почесал щетину и пожал плечами. Положил кусок колбасы на хлеб, сунул в рот и задумался, держа одну руку в кармане бушлата. Максим незаметно налил себе стопку, косясь на Кирилла Андреевича.

– Ты опять бухаешь, что ли? – спросил дед, не оборачиваясь.

— Новый год же, — виновато пояснил Максим.

— Не будет никакого нового года, — хмыкнул дед. — Сказали же тебе.

— Ой, ну заканчивайте!

— Машина, кстати, тоже не заводится, — заявил дед.

— Это как? — в один голос спросили Максим и Денис.

— Как соседка, — пожал плечами дед. — Я уж и так и этак.

— Я серьёзно!

— Ну, хочешь, сам попробуй, — предложил Кирилл Андреевич, помолчал немного, потом добавил: — Но она постарше мужчин любит.

— Ой, да иди ты! — фыркнул Максим и опрокинул рюмку. — Шутник хренов!

— Когда ж ты уже за ум возьмёшься, оболтус? — вздохнул Кирилл Андреевич.

В этот момент лампочка пару раз мигнула и снова погасла. Все замерли и уставились на неё.

— Я правильно понял? — неотрывно глядя на лампочку, спросил Денис.

— Не может быть, — покачал головой Максим.

— А ну попробуй, — велел внуку дед. — Ну-ка?

— Эм... Ну... Хочу поступить на юридический?

Ничего не произошло.

— Нормальное что-нибудь давай! — возмутился Кирилл Андреевич. — Какой к чёрту юридический?!

— Да что нормальное?!

— Ну чего ты реально хочешь?!

— Хочу, чтоб Ден за ум взялся! — перебил их Максим.

Лампочка совсем слабо, но мигнула. Повисла тишина.

— И чего теперь? — спросил Максим.

— Ну, тебе надо, ты на юридический и поступай, — всё так же глядя на лампочку, подытожил дед, а потом чётко сказал: — Хочу встретить Новый год!

Лампочка засветилась на пару секунд.

— Я, кажется, улавливаю принцип... — кивнул Денис. — Хочу быть музыкантом!

— Каким на фиг музыкантом?! — возмутился Максим, но в этот момент лампочка не просто мигнула, она ярко загорелась.

Пискнул холодильник, щёлкнул телевизор, всё залило ярким светом. Но буквально на две или три секунды. Всё затихло.

— Так... — протянул дед, — тут ещё и градация есть, так получается? Хочу встретить Новый год с самой красивой женщиной в мире!

Лампочка уверенно и ярко засветилась, но опять-таки на пару секунд.

— Серьёзно, блин? — удивился Денис.

— Который час? — спросил вдруг Максим.

— Без пятнадцати двенадцать, — уверенно ответил дед.

— А после двенадцати что? — спросил Денис.

— Не хотелось бы проверять.

Все наконец отвели взгляд от лампочки и переглянулись.

— Так, ты на чём играешь? — спросил вдруг дед у Дениса.

— Ни на чём... — растерялся тот. — Ну так, на гитаре немножко могу...

— Музыкант тоже мне! — всплеснул руками Кирилл Андреевич.

— Какой на фиг музыкант?! — возмутился Максим. — Я уже договорился, чтоб его на юридический взяли!

— Ага! И застрянем мы тут до морковкина заговенья! — шикнул на него дед. — Устроит?!

— Ну... — растерялся Максим. — Я ж для него всё...

— А у тебя что, пап? — вдруг вклинился Денис.

— Что — что?

— Ну, мечта, желание?!

— Ну... Хочу, чтоб ты человеком вырос, — неуверенно протянул Максим.

Спираль лампочки едва-едва накалилась.

— Нам-то не ври, — предложил дед.

— Я не вру!

— Ну, — Кирилл Андреевич указал на потолок, — не ко мне вопросы.

— Хочу, чтоб Ден на ноги встал!

Лампочка засветилась ярче, очевидно, на этот раз желание больше соответствовало истине.

— Уже лучше, — заметил Кирилл Андреевич. — Но, кажись, не всё.

— Да какая разница вообще?! — возмутился Максим. — Что это даёт-то?!

— А сейчас проверим. Принеси гитару, — велел дед.

— Но... — Максим хотел что-то возразить, но наткнулся на строгий взгляд отца и не решился спорить.

— Какую гитару? — не понял Денис.

— Да его гитару, — отмахнулся дед. — На чердаке давно лежит. Ну, чего встал, тащи!

— Откуда у него гитара? — удивлённо спросил Денис, глядя на поднимающегося по лестнице на второй этаж отца.

— Да было время, они с друзьями увлекались, — снова отмахнулся дед, о чём-то размышляя. — Дурнину играли, жуть.

— Папа играл в группе?!

— Хуже, он её создал, — всё так же задумчиво хмурясь и держа руку в кармане, отмахнулся Кирилл Андреевич.

Он посмотрел на лампочку. Та мигнула, потом ещё раз. Потом неуверенно засветилась, плавно разгораясь, хотя Кирилл Андреевич ничего не говорил и не делал.

— А как ты это...

Лампочка погасла. Дед тяжело вздохнул. В комнату медленно вошёл Максим с гитарой. Он неуверенно водил рукой по грифу, не отрывая взгляда от инструмента.

— Это же стратокастер! — удивился Денис.

— Да хоть кастратер! — перебил Кирилл Андреевич. — Время идёт! Давай быстрее шевелись!

— Так электричество нужно! — заметил Денис. — Да и подключить надо!

— Подключить есть куда, всё на чердаке. — Дед указал рукой на внука и на чердак. — Не стой, тащи сюда!

Денис кинулся на второй этаж. Максим и Кирилл Андреевич остались одни.

Сын оторвал взгляд от гитары и удивлённо посмотрел на отца.

— Как это...

— Мы можем сейчас долго размышлять о том, почему и как, — заметил Кирилл Андреевич, — а можем сделать что-то, чтобы оказаться в новом году.

— Ну да... — как бы приходя в себя, согласился Максим.

— Ты чего хочешь-то? На самом деле.

— Ну, чтоб Ден на ноги встал...

Лампочка мигнула, но Кирилл Андреевич только покачал головой.

— Да не на полшишки, давай настоящее желание.

— Чтоб он, как я, у разбитого корыта не оказался! — громким шёпотом зло заявил Максим.

Лампочка засветилась немного сильнее.

— Наелся я этих творческих мечтаний! — Максим себя ткнул двумя пальцами под кадык. — Вот они где! Жена ушла, денег нет, всё через жопу! А ещё...

— Всё это здорово, а ты-то чего хочешь? — продолжал насеждать дед. — Не надо мне только про эти высокие цели, для себя-то ты чего хочешь, а?!

— Свободы, пап, свободы! Как только Ден на ноги встанет, я уеду к чёртовой матери путешествовать!

Лампочка вспыхнула, пикинул телевизор, заработал холодильник. Отец и сын прикрыли глаза от яркого света. Подождали, пока свет погаснет.

— Ну и что это значит? — не понял Максим. — Чего делать?

— Отдавай то, за чем пришёл, — пожал плечами Кирилл Андреевич. — Хочешь свободы, дай её другому.

Отец кивком указал куда-то за спину сына. Максим обернулся. Денис стоял в дверях. Неизвестно, как давно и что именно он слышал.

— Ну чего вы встали, подключайте! — поторопил их Кирилл Андреевич.

— Ну я ж не это... — растерялся Денис.

— Я помогу, вот этот шнур давай! — подхватил Максим.

— А электричество? — растерянно спросил Максим.

— План такой, — пояснил Кирилл Андреевич. — Мы с твоим батей концентрируемся на своих желаниях, делаем всё, что возможно на данный момент для их исполнения, появляется электричество, тогда ты играешь.

— Да я ж... Ну два аккорда буквально...

— Разберёшься!

Дед снова сел за стол, неторопливо положил себе в тарелку холодец, добавил горчицу, понюхал, отрезал кусок и сунул в рот. Довольно покивал. И только после этого посмотрел на лампочку. Та стала плавно накаляться.

— Ну чего у вас?

— Подключили, — доложил Максим.

— Ну ты давай, на мечте концентрируйся, делай что-нибудь, — велел дед.

— Да что? — не понял Максим. — Что мне делать, чтоб быть свободным?

— Я не знаю, что угодно! Меня одного на электричество не хватит! А ты чего встал как столб? — обратился дед к внуку. — Ну играй!

— Дык электричества ж нет! — развёл тот руками.

— Играй, как будто есть! — пожал плечами Максим. — Какая разница?

— Не понял... — смутился Денис.

— Сначала музыка должна быть в сердце и голове! — объяснил ему отец.

— На этом этапе даже гитара не нужна. Ты сначала почувствуй!

Он приложил руку к груди сына, как бы показывая, откуда должна звучать музыка. Кирилл Андреевич вытащил свечку из бутылки шампанского и налил три бокала. Лампочка разгоралась всё ярче. Прозвучал первый режущий уши аккорд.

— Да что ты её мучаешь?! — возмутился Максим. — Вот так лады зажми.

Кирилл Андреевич, прислушиваясь ко всё более уверенным аккордам, взял пульт и снова стал жать на нём какие-то кнопки. Лампочка светилась во всю силу.

Максим перехватил у сына гитару и кривовато, но явно с опытом и знанием дела выдал довольно сложный рифф.

Денис внимательно следил за отцом и кивал, показывая, что понял, что именно надо делать.

Включился телевизор. Бой курантов перебил гитару, Денис отвлёкся.

— Нет! — рявкнул дед. — Соберитесь! Всё погасло. Наступила тишина.

— Ещё раз, — спокойно сказал Максим в полной темноте. — Мы знаем, чего хотим, мы знаем, что надо делать.

Лампочка плавно разгорелась, пикинул телевизор, зажужжал холодильник. Ожил экран, снова забили куранты. Кирилл Андреевич встал из-за стола, неторопливо протянул сыну и внуку бокалы с шампанским. Все трое чокнулись.

Несмотря на то что музыка прервалась, свет не погас. Новый год наступил. Все трое сели за стол. Задумались каждый о своём.

— Дед, — прервал тишину Денис, — а что у тебя в кармане?

— Что? — не понял Кирилл Андреевич.

— В кармане, — терпеливо пояснил внук. — Ты ведь руку из кармана не вынимал до тех пор, пока новый год не наступил.

— И телик ты включал! — сообразил Максим.

— И генератор! — кивнул Денис.

— Ну, показывай уже. Фокусник.

Кирилл Андреевич хмыкнул и вздохнул. Медленно сунул руку в карман и медленно достал что-то небольшое, помещающееся в кулак. Вытянул руку вперёд, перевернул.

Денис и Максим уставились на небольшой медальон, лежащий на ладони Кирилла Андреевича. Он неторопливо нажал скрытую кнопку, медальон раскрылся.

— Это кто? — спросил Денис, глядя на чёрно-белое фото.

— Самая красивая женщина на свете, — вздохнул Кирилл Андреевич. ■

Александр Вулых,
администратор

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

А вот и Новый год нарисовался!

Приближался Новый год. Но к той квартире, где жил Веник Метёлкин с родителями, совсем не приближалась ёлка.

— Дорогой, — сказала мама папе, — скоро Новый год. Купил бы ты ёлку.

— Сию секунду, — послушно кивнул папа, — вот только газетку дочитаю.

Наступило 31 декабря.

— Тридцать первое декабря, — нахмурилась мама, — а ёлкой и не пахнет.

— Иду, иду, иду, иду, — не пошевелился папа, — только давай сначала покушаем. Проголодался страшно.

— Ну хоть ты сделай что-нибудь, — попросила мама Веню, — вытащи папу. А то останемся на Новый год без ёлки.

— Не волнуйся, мама, — сказал Метёлкин-младший, — всё будет в порядке.

Он был хорошим сыном и верил в папу, как в самого себя.

Когда они вышли из дома и обошли всё вокруг, ёлок уже не было.

— Только что продали последнюю, — сочувственно разводили руками продавцы. — А как вы хотели? Новый год на носу...

Идти домой без ёлки было страшно. Но можно, потому что папа сказал:

— Не волнуйся, сынок, я всё устрою.

И маме он тоже сказал:

— Не переживай. Ёлка будет. Ёлку я беру на себя.

И, весь такой загадочный, скрылся в комнате. Маме с Веником оставалось только переглядеться.

А через двадцать минут вышел папа. У него на лице была улыбка,

а в руках лист бумаги. На листе была нарисована ёлка. С игрушками.

— Вот, — сказал папа, — теперь у нас есть ёлка. Очень удобно.

И поставил рисунок в углу. — Ура! — сказала мама. — Теперь все за праздничный стол!

И пошла на кухню. Веня с папой удобно устроились за столом.

— Дорогая, пора начинать, — поторопил папа маму, — скоро Новый год! Ёлка ждёт!

— И мы тоже! — заёрзал на стуле от нетерпения Веник.

— Уже иду-у! И всякие вкусности несу-у!

Мама так нараспев это сказала, что у Веня и папы сразу потекли слюнки.

И вот мама торжественно вошла в комнату. В руках у неё были — просто закачаешься! — множество разных салатов, курица, жареная картошка, а главное — самый любимый Венин торт! И всё это так красиво нарисовано на листочках! Мама радостно улыбалась:

— Угощайтесь, дорогие мои. Кушайте на здоровье. Ни в чём себе не отказывайте. Вот ложки и вилки.

И она положила на стол рисунки ложек и вилок.

— А нож? — спросил папа строго. — У нас культурная семья.

— Сейчас нарисую, — сказала мама, — это быстро.

Все посмотрели на стол, заваленный рисунками.

— Красивая у нас ёлка, — задумчиво сказал папа, — надолго запомнится.

— А давайте посмотрим телевизор, — предложил Метёлкин-младший, — там сейчас «Ирония судьбы...».

Мама подошла к телевизору и приклеила на экран листок с надписью «Ирония судьбы, или С лёгким паром! Сценарий Эмиля Брагинского».

— Повезло, что успели на начало, — сказал папа.

— Тоже не люблю смотреть с середины, — кивнул Веник.

И они всей семьёй прекрасно посидели у телевизора.

— Интересно, Дед Мороз придёт в этом году? — спросила мама.

— А как же, — бодро сказал папа и вышел.

Он вернулся со словами «Здравствуйте, детишки! Кто расскажет дедушке с мороза стишок?» В руках у него был рисунок Деда Мороза.

— А за стишки подарки будут? — спросила мама.

— Сколько хочешь, — сказал папа и протянул маме карандаш, — Дед Мороз сегодня добрый.

— А давайте танцевать, — раскраснелась от стишков и подарков мама, — ведь Новый год празднуем! Веник, включи музыку!

— Ага, — сказал Веня и нарисовал на листке ноты.

— Моя любимая, — посмотрел на ноты папа и бросился в пляс. — Эх-ма-а!

— Клёвый музон! — выкрикнул Веник и, подглядывая в листок, пустился выделывать коленца.

— Тоже хочу танцевать, — сказала мама и взяла листок у папы, — давай громче!

И она обвела ноты потолще.

— Давай! — крикнули папа и Веня. — Лишь бы не оглохнуть!

И они бросились танцевать по комнате, переворачивая стулья и размахивая над головой салфетками. Мама не отставала.

— Йо-хо-хо!

Тут вошли гости.

— Ура, вот и гости нарисовались! — обрадовались Метёлкины. — С Новым годом!

— С Новым годом! Как у вас весело! — закричали гости и бросились в круговорот веселья.

Такого Нового года у них ещё не было!

Виталий
Будённый

ГИГАНТ МЫСЛИ

СОКРАТ

СМЫСЛ ОСТРОТА КРАТКОСТЬ

Содружество авторов афоризмов и малых литературных форм «СОКРАТ» — это добровольное объединение авторов, пишущих в жанре афоризмов, одностиший, коротких стихов, миниатюр.

Стихотворные заметкости

Кредит

Если сердце ночами болит,
Если бросили пить, стали тише,
Значит, снова вы взяли кредит,
Но проценты уже стали выше.

О презренном металле

Когда есть деньги,
счастье может и не быть.
Зато несчастье точно есть,
когда их нету.
Вот потому-то, чтоб несчастье
исключить,
Мы бьёмся за презренную монету.

О влиянии домашней еды на семейное счастье

Как любил я бабкины блины,
Пирожки, рождественского гуся...
Я от пятой ужожи жены —
Не умеют стряпать, как бабуся.

О недвижимости в Испании

Дешевизну в Испании квартир
Вчера приятель объяснил легко:
Всё как в Москве:
и мебель, и сортир...
Но вот от МКАДа слишком далеко.

Графоману

Говорят, что прилетели грачи,
Только праздновать весну
не спеши.
Если можешь промолчать —
промолчи,
Если можешь не писать —
не пиши.

Владимир
Гродзейский

